

Annotation

Чарльз ВИЛЬЯМС СТАРШИЕ АРКАНЫ Анонс Сюжет романа построен на основе великой загадки - колоды карт Таро. Чарльз Вильямс, посвященный розенкрейцер, дает свое, неожиданное толкование загадочным образам Старших Арканов. Глава 1 ...

- [Вильямс Чарльз](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке ModernLib.Ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Вильямс Чарльз

Старшие Арканы

Чарльз ВИЛЬЯМС
СТАРШИЕ АРКАНЫ

Анонс

Сюжет романа построен на основе великой загадки - колоды карт Таро. Чарльз Вильямс, посвященный розенкрейцер, дает свое, неожиданное толкование загадочным образам Старших Арканов.

Глава 1

НАСЛЕДСТВО

- ..Законченный Вавилон, - проворчал м-р Кенинсби и потянулся к вечерней газете.

- А мне казалось, что Вавилон-то как раз и не закончили, - сообщила Нэнси брату и взглянула на отца - слышит ли он.

Отец промолчал. Только через минуту ему пришла на ум подходящая фраза, что-нибудь вроде:

"Зато теперь он достиг полного завершения", но что с нее было толку? Нэнси опять прицепится, да и сынок не упустит случая вставить словечко. Дети, одно слово. Он перевел взгляд на сестру. Сидит себе у камина, читает, видите ли. Всем довольна. И что уж она там такого интересного нашла?

- Ну, а ты, Сибил, что поделывала сегодня? - спросил он с фальшивым участием, а когда сестра подняла голову, сердито отметил про себя, что кожа у нее словно молодеет с каждым днем.

- Так, кое-что, - отозвалась Сибил Кенинсби. - Прошла по магазинам, пирог испекла, погуляла, поменяла книги в библиотеке. А после чая решила почитать.

- Славный денек, - с непонятной интонацией бросил м-р Кенинсби. Ему очень хотелось поколебать благодушное настроение сестры, хотя, честно говоря, у нее другого просто не бывает. У Сибил, похоже, все дни хороши. Он снова уткнулся в газету. - Кажется, правительство готовит свежие пошлины на сухофрукты.

Сибил хотела ответить, но раздумала. "Глуповата становлюсь, - подумала она. - Могла бы и пройтись насчет свежих пошлин и сухих фруктов. Да нет, просто лень". Вместо нее заговорила Нэнси.

- Опаздываешь, тетя. Ты должна была ответить:

"Цены, наверное, опять вырастут!". А тебе скажут:

"Только они и растут при этом проклятом правительстве!".

- Может быть, ты позволишь мне самому за себя сказать? - проворчал отец.

- Тогда не тяни, пожалуйста. А то как будто похоронный марш из "Саула" слушаешь <"Саул" трагедия итальянского драматурга В. Альфьери (1749-1803). >. Никак не дождешься, пока кончится, - не сдавалась Нэнси.

- Нэнси опять не ко времени, - тут же ввязался в перепалку Ральф. - Кто же в наше время ставит такое старье?

- Иди ты к черту! - огрызнулась Нэнси. М-р Кенинсби немедленно поднялся.

- Нэнси, не смей выражаться подобным образом в этом доме, - заявил он.

- Ну и ладно, - Нэнси подошла к окну, открыла его, высунулась наружу и заявила всему свету - правда, понизив голос и досадуя за это сама на себя:

- Убирайтесь к черту.

Потом, аккуратно прикрыв окно, сообщила отцу:

- Это было не в доме.

- Нэнси, что-то ты сегодня не в духе, - спокойно произнесла Сибил Кенинсби.

- А хоть бы и так, - не сдавалась Нэнси. - Кто начал-то?

- Не груби тете, - сделал замечание отец. - Она тебе как мать, и она все-таки хозяйка в этом доме.

- И прочая, и прочая... - Нэнси прорвало. - Она - святая. А я - презренная тварь и дочь...

Она осеклась, но было поздно. Отец взял газету, у самой двери обернулся и сухо произнес:

- Сибил, если я буду нужен, то я у себя в кабинете, - и вышел из комнаты.

Ральф ухмыльнулся и подмигнул Нэнси; Сибил внимательно и чуть насмешливо посмотрела на племянников.

- Какой порыв! - проговорила она, ни к кому не обращаясь, и Нэнси не сообразила, злиться ей или восхищаться.

- Неужели отец никогда тебя не раздражает? осторожно поинтересовалась она.

- Нет, моя милая, - безмятежно откликнулась Сибил.

- Неужели ты и на нас никогда не злишься?

- Нет, моя милая.

- Неужели тебя вообще никогда никто не раздражает? - вступил Ральф.

- Конечно же, нет. Какие странные у нынешних детей представления! Почему я должна раздражаться?

- А вот нас отец еще как раздражает, - подытожила Нэнси. - И я сама не знаю, когда начну заводиться. Только все равно не из-за нас с Ральфом весь этот сыр-бор разгорелся. И, между прочим, Вавилонскую башню действительно так и не достроили.

Сибил Кенинсби снова открыла книгу.

- Нэнси, милая, ты ничего не начинаешь, ты просто встречаешь не к месту, проговорила она и опустила глаза на страницу с таким решительным видом, что Нэнси не осмелилась переспросить, что тетя имела в виду.

Дом затих как и до прихода м-ра Кенинсби, но вскоре тишину нарушил звон колокольчика. Нэнси помчалась в прихожую.

- Не торопись, Агнес, - звонко окликнула она служанку, - я сама открою.

- Не иначе, как Генри пришел, - заметил Ральф после ее исчезновения. Надо полагать, его пригласили на ужин?

- Да, - проговорила Сибил, не отрываясь от книги. Эта манера отвечать односложно и считать вопрос исчерпанным, словно Сибил вознамерилась буквально следовать заповеди Христа о досужих разговорах, многим не нравилась, и Ральф не был исключением. При необходимости тетя умело поддерживала светскую беседу, а при случае охотно общалась с друзьями, но вместе с тем спокойно обходилась без множества общепринятых фраз и любезностей. Это создавало вокруг нее некоторую пустоту; знакомые вдруг начинали чувствовать, что привычный мир вот-вот рухнет, и они окажутся в неприятном вакууме.

- Ваша тетушка, - заметил как-то раз м-р Кенинсби, - не любит болтать о пустяках. А жаль.

Ральф тогда согласился с ним, Нэнси заспорила, и началось одно из тех бесконечных препирательств, которые так раздражали и одновременно привлекали отца. Раздражали потому, что задевали его достоинство; привлекали потому, что по крайней мере напоминали: достоинство у него все-таки есть, раз его можно задеть. В эти минуты он острее ощущал свою значимость. Еще бы! Он, как-никак, лицо официальное - попечитель психиатрической лечебницы. Правда, в глубине души его уже давно мучила мысль - ну и какой толк от его

должности? Ему уже пятьдесят восемь; скоро пятьдесят девять. Конечно, Сибил старше; ей уже за шестьдесят, и она всем довольна. Наверное, через несколько лет и он перестанет страдать от своей никчемности. Да, конечно, со временем и в его душе воцарится мир.

Впрочем, сегодня, сидя в комнате, которая считалась его кабинетом, и просматривая перед ужином вечернюю газету, он думал не о собственном предназначении, а об отвратительном поведении Нэнси.

Никакой почтительности, никакой сдержанности, никакой благопристойности, наконец. Все его старания.., несомненно, она слишком увлеклась.., чересчур много общалась с этим молодым человеком, Генри Ли.., вот и нахваталась от него. Последнее время этот Генри что-то зачастил к ним. Но кто кем больше увлечен или к чему приведет подобное общение этого м-р Кенинсби сообразить не мог, а на помощь рассчитывать не приходилось. Оставалось утешаться мыслью о том, что однажды она еще пожалеет... Не станет тогда.., когда совсем запутается.., и всех запутает.., путаница запутается.., да уж.

Тут в комнату вошла Нэнси, небрежно бросила:

"Эй, старина, послушай-ка...". Да нет, он вовсе не спит; так что незачем его будить. М-р Кенинсби терпеть не мог, когда его заставляли спать перед ужином. Может быть, все-таки не заметила... "... Ну и вообще. Может, поговоришь немного с Генри, пока за стол не сядились?".

Если бы он точно знал, насколько далеко зашли извинения дочери, то сообразил бы, как лучше их принять. Но он прослушал начало, а доказывать теперь, что не спал, не хотелось. Ничего не оставалось, как не спеша прокашляться, подняться и величественно молвить:

- И не смей грубить тете. Этого я не потерплю.

Нэнси, сияющая после короткого разговора с Генри и в радостном предвкушении следующего, обвинений не приняла, кротко заметив, что именно она назвала Сибил святой, и отец с дочерью мирно вернулись в гостиную.

М-р Кенинсби уже несколько месяцев был знаком с предполагаемым женихом дочери, но так и не привык к нему. Он знал, конечно, что Генри Ли - молодой адвокат, пока без практики, но видел в будущем зяте только цыгана, избравшего почтенную профессию не иначе как с какой-то зловецей целью.

В гостиной ему навстречу поднялся высокий, стройный молодой человек, темноволосый, смуглый, с яркими, пронзительными глазами и длинными чуткими пальцами. Мягкий воротничок рубашки походил на шейный платок. "Курятник, - в который раз подумалось м-ру Кенинсби. - Как раз для Нэнси - лишь бы по дорогам шляться. У нее самой имя какое-то цыганское. Это мать виновата...". В именах он чувствовал жутковатую значительность, отчасти потому, наверное, что самого его называли Лотэйром. Это отвратительное имя появилось заботами крестной его отца, богатой старой дамы, испытывавшей страстный восторг перед лордом Бэконсфилдом. В надежде польстить старой гримзе крестник и назвал дочь Сибил, а сына - Лотэйр. Хорошо еще, что не Танкредом или Элроем, или, не дай Бог, Эндимионом. Даже м-р Кенинсби-старший признавал, что сочетание Эндимион Кенинсби звучало чудовищно. Появлению других персонажей помешали два обстоятельства: во-первых, крестная оставила политику и ударилась в религию, начав переводить большие суммы денег англиканским женским общинам; во-вторых, детей у ее крестника больше не было. Но, увы, он-то успел родиться до ее внезапного обращения. Лотэйр всегда и всюду Лотэйр: в документах, на банковских чеках, в письмах, анкетах, адресах, справочниках. Во всех важных делах - Лотэйр Кенинсби. О, если бы его звали Генри Ли!

Усаживаясь за стол, он снова подумал об этом. Он думал над этим, пока ел суп. Что-то всегда было к нему несправедливо: удача, судьба, рок... Бывают такие люди, на которых все шишки валятся, которые получают раны еще до начала битвы; и не всем, между прочим, удается

держаться так хорошо, как ему. Но как же она дразнит его - эта призрачная удача! Вот и в прошлом месяце Дункан - как всем известно, человек был бедный - вместо простого, полезного, честного наследства, оставил своему старинному другу Лотэйру Кенинсби какую-то коллекцию игральных карт, чтобы он Лотэйр хранил чертову коллекцию в целостности и сохранности до самой смерти, после чего коллекция должна перейти в собственность Британского музея. О последнем условии наследнику и думать не хотелось. Он подозревал, что несколько колод представляют ценность, и немаленькую. Но пару лет - по крайней мере, год, - лучше ничего не предпринимать. Слишком много людей об этом знают. Даже статья была в какой-то газете. В ближайшее время он не сможет продать их, - м-р Кенинсби вздрогнул, впервые мысленно произнес это слово.

- Папа, - сказала вдруг Нэнси, - ты ведь после ужина покажешь нам карты мистера Дункана? - Кенинсби неприязненно усмехнулся, но Нэнси не отступала. Генри прочитал о них в газете. - Кенинсби представил себе цыгана, сидящего под забором с клочком газеты в руках. - И он немножко разбирается в картах. Ой, Генри, в чем ты только не разбираешься!

"Ну да, - желчно подумал м-р Кенинсби, - ярмарка, деревенские простофили выкладывают последние гроши, чтобы угадать, под каким наперстком горошина. Тоже мне, знаток!".

- Дорогая, - начал он, - мне тяжело вспоминать... Ведь Дункан был моим хорошим другом.

- Ну пожалуйста, тебе ведь нетрудно... Ему нравилось, когда люди интересовались его коллекцией.

Кенинсби поднял голову и заметил, как на лице Сибил мелькнула легкая улыбка. Чему она улыбается? Нэнси сообщила неопровержимый факт, касавшийся последних лет жизни Дункана, и теперь Кенинсби не мог сообразить, как лучше выпутаться. Но Сибил-то чему радуется?

- Я буду вам очень признателен, - вступил в разговор молодой человек. Мне в самом деле интересно! Наверно, это у нас в крови, - добавил он, подшучивая над Нэнси.

- Ты и гадать умеешь? Погадаешь мне? - щебетала она.

- Немного по картам, немного по руке, ну и немножко по звездам, - сообщил он.

- По руке я и сама могу, - объявила Нэнси. - Я гадала папе и тете тоже. Я только не смогла прочесть папину линию жизни - она вроде кончается на сорока, а он вот он - живой.

М-р Кенинсби, ощущая себя скорее на том свете, чем на этом, опустил голову.

- А мисс Кенинсби? - спросил Генри, слегка наклонившись к ней.

- Она, по-моему, собирается жить вечно, - заявила Нэнси. - У нее линия жизни даже под палец уходит.

Генри странно поглядел на Сибил, но ничего не сказал, и разговор о хиромантии оборвался, когда Ральф заявил, что всякий там спиритуализм и тому подобная ерунда - просто вздор.

- Как вы собираетесь узнать по моей ладони, что в пятьдесят я заболею, в шестьдесят мне перестанет везти, а в семьдесят я уеду в Занзибар?

- Руки - штука странная, - сказал Генри. - О линиях на них до сих пор мало что известно.

- Да? - удивился Ральф.

- Таких красивых рук, как у тети, я ни у кого не видела, - Нэнси искоса взглянула на Генри и отметила, как изумленно шевельнулись его брови. Что и требовалось. Пусть посмотрит и сравнит потом. У нее тоже красивые руки. И все остальное, между прочим, не хуже, чем у других. Она легонько коснулась его плеча и добавила:

- Посмотри сам.

Все посмотрели, даже сама Сибил благосклонно взглянула на собственные руки и мягко согласилась:

- По-моему, довольно милые.

М-р Кенинсби мысленно отметил, что сестра, как всегда, отличилась. Человеку не пристало

хвалить самого себя. Что люди подумают, если он вдруг примется утверждать, будто лицо у него "довольно милое"?

- Просто замечательные, - убежденно сказала Нэнси.

- Классные, - подтвердил Ральф.

- Они прекрасны, - серьезно произнес Генри.

- Я видел потрясающую руку в Британском музее, - начал м-р Кенинсби, ощутив, что и ему пора сказать веское слово, - какого-то царя, наверное, египетского. Гигантская голова, а перед ней - огромная рука со сжатым кулаком. - Он для наглядности сжал кулак.

- Я знаю, о чем вы говорите, - кивнул Генри, - это статуя Рамзеса, а рука называется "Рука власти".

- Рука Власти! Мне показалось, что такая рука больше подходит убийце. Нет, конечно, это величественно, - и Нэнси без всякой связи с предыдущим добавила:

- А перед кофе, пожалуйста, покажи нам карты.

Кенинсби опять не нашелся с ответом и мрачно согласился. Когда все поднялись, ему пришлось уточнить у сестры:

- Где они, Сибил?

- В ящике, у тебя в кабинете, - отозвалась она. - И каталог там же.

- Каталог? - поразился Ральф. - Да он был пижон! Завести, что ли, каталог своих старых теннисных ракеток?

- Эти карты, - подчеркнуто торжественно произнес м-р Кенинсби, - не какие-то там потрепанные игральные колоды. Это весьма ценная и редкая коллекция знаменитых карт, в некотором смысле, полагаю, бесценных. Собрать ее стоило немалых трудов.

Нэнси ущипнула Генри за руку, когда они вслед за ее отцом выходили из комнаты.

- Знаешь, он ведь говорил то же самое и раньше, пока они ему еще не принадлежали, я сама слышала.

- Ты говоришь, бесценные? То есть стоят больших денег? - заинтересовался Ральф.

- Не могу сказать наверняка, сколько заплатили бы коллекционеры, но речь идет о весьма значительных суммах. - С этими словами м-р Кенинсби открыл большой деревянный ящик и, вспомнив о Британском музее, повторил мрачно:

- Весьма и весьма значительных.

Сибил достала из ящика солидный гроссбух и предложила:

- Если хотите, я буду читать описания, а кто-нибудь станет называть номера. - Каждая колода помещалась в отдельном кожаном футляре с узкой белой полоской для номера.

- Садится! - заявил Ральф. - Чур, я буду называть номера. Они по порядку идут? Что-то не похоже. Номер девяносто четыре.

- Пожалуй, читать лучше мне, Сибил, - сказал м-р Кенинсби. - Я часто слышал, как Дункан рассказывал о них, и вообще так уместнее. Ты доставай их и называй номера. А молодые люди смогут посмотреть.

- Тогда, будьте добры, подвиньте мне вон то кресло, Генри, - распорядилась Сибил. Ее брат уселся по другую сторону маленького столика, а "молодые люди" столпились вокруг.

- Номер..., - начала Сибил и остановилась. - Ральф, если тебе не трудно, перейди на ту сторону, где Нэнси и Генри, тогда я тоже смогу посмотреть.

Ральф подчинился, не сообразив сразу, что, давая тетушке возможность посмотреть, он сам терял возможность наблюдать за влюбленной парочкой. Сибил, добившись максимального эффекта без видимых потерь, начала снова:

- Номер...

- Боюсь, что тебе это не очень интересно, тетя, - извиняющимся тоном проговорил Ральф.

Сибил только улыбнулась и в третий раз произнесла:

- Номер...

- Не помню ни одного случая, чтобы твоей тете что-то оказалось не интересно, - строго проговорил м-р Кенинсби, отрываясь от каталога, но обращаясь не столько к Ральфу, сколько к Сибил. - И как только ей это удастся, хотел бы я знать!

- Папочка, - пропела Нэнси, - тетья у нас - совершенное чудо, но, может быть, мы пока отвлечемся от этой темы и займемся картами?

- Сейчас как раз и "займемся", как ты это называешь, Нэнси, - ответил отец. - Не забывай только, что для меня это суровое испытание, и отнесись к этому посерьезнее.

Нэнси под столом крепко стиснула руку Генри и смолчала. В тот момент, когда сосредоточенная тишина грозила перейти в гнетущую, голос Сибил четко произнес:

- Номер девяносто четыре.

- Девяносто четыре, - прочел м-р Кенинсби. - Франция; около 1789 г. Предположительно, по рисункам Давида. Особая революционная символика. В этой колоде валеты представлены как крестьянин, нищий, трактирщик и санюлот соответственно; дамы представляют Марию Антуанетту; у каждой - красная полоса вокруг шеи - след гильотины. Короли отсутствуют. Над тузом помещается красный колпак, как символ свободы. По краю каждой карты идет девиз: "Республика, единая, свободная, нерушимая".

- Номер девять, - Сибил достала следующую колоду.

- Девять, - прочел м-р Кенинсби. - Испания, XVIII век. Дворцовые карты на церковные темы кардиналы, епископы, священники. Карты никогда не использовались. Вероятнее всего, были нарисованы в посвящение или в благодарность. Сведения о лицах, изображенных на портретах, смотри в приложении.

- Номер триста сорок один, - сказала Сибил.

- "Очень редкий экземпляр, - произнес м-р Кенинсби. - Одна из древнейших колод Таро. Установить ее происхождение не удалось; карты схожи с колодой XV века из Лувра, но, возможно, созданы еще раньше. Материал - папирус необычной выделки. Четыре масти - обычные для символики Таро жезлы, мечи, чаши и монеты. Порядковые номера Старших Арканов указаны на каждой карте римскими цифрами". Итак, перечисляю: номер один - Жонглер, два - Императрица, три - Верховная жрица, или папесса...

- Кто? - не удержалась Нэнси. - Папа Иоанна? Прости, папочка, я не хотела тебе помешать.

- Четыре - Папа или Иерофант, пять - Император или Правитель, затем по порядку: Колесница, Влюбленные, Отшельник, Воздержание, Сила, Правосудие, Колесо фортуны. Повешенный.

- Славную партию в бридж можно было бы сыграть, - заметил Ральф. - Хожу с "Повешенного"! Повисла неприятная пауза.

- Ральф, если тебе смешно... - начал м-р Кенинсби и замолчал.

- Давайте продолжать, - предложила Сибил. - Я сама сказала бы какую-нибудь глупость, но Ральф меня опередил. Захватывающе интересно!

М-р Кенинсби буркнул что-то под нос и продолжил:

- Смерть, Дьявол, Падающая башня. Звезда, Луна, Солнце, Страшный суд... он приостановился, чтобы поправить очки. Остальные в полной тишине ждали продолжения. - Двадцать первая - Мир, и последняя карта, нулевая - Шут.

- Ноль обычно бывает в начале, - заметил Ральф.

- Не обязательно, - сказала Сибил. - Он может стоять где угодно. Ноль вообще не номер, скорее его противоположность.

Нэнси оторвалась от карт.

- Ловлю на слове. А как с числом десять? Ноль там - номер, потому что он часть десяти.

- Совершенно верно, Нэнси, - подхватил Кенинсби с тайным удовлетворением. - По-моему, девочка поймала тебя, Сибил.

- Ну, если вы считаете, что любое соединение нуля и единицы действительно составит десятку... - Сибил улыбнулась. - Может, это относится не только к числу десять?

- Но мы же не об этом, - торопливо перебила Нэнси. - Разве они не замечательные? Только зачем они нужны? И что означают все эти рисунки? Генри, почему ты так странно на них смотришь?

Генри действительно разглядывал первую карту, Жонглера, так пристально, словно хотел запомнить до мельчайших деталей. На ней был изображен человек в белой тунике; лицо повернуто в профиль и скрыто в тени от черной шляпы. Черный цвет был настолько глубоким, что, казалось, художник перенес на картинку кусочек ночи. Густая тень и короткая острая бородка мешали рассмотреть черты лица. На груди на тунике были вышиты три круга. Первый - из мечей, жезлов, чаш и монет, расположенных по очереди, так что монете внизу соответствовали острия двух мечей наверху; второй круг, внутри первого, состоял, насколько могла рассмотреть Нэнси, из кружков, в каждом из которых находилась одна из старших карт, третий, внутренний круг содержал одну-единственную фигурку, настолько маленькую, что Нэнси не могла понять, что она изображает. Человечек, должно быть, жонглировал; одна рука у него была поднята вверх, другая обращена к земле, а между ними по дуге летали сверкающие шары. В верхнем левом углу карты причудливые виньетки сплетались в какую-то сложную надпись.

Когда Нэнси заговорила, Генри медленно положил карту и перевел взгляд на девушку. Их глаза встретились - обычно они встречались как два океана, две бездонные глубины, сливавшиеся и составлявшие новый океан, - а тут вдруг Нэнси поняла, что вместо глубин видит два пересохших озерца, словно неведомый отлив унес из них всю влагу. Она зажмурилась, как купальщик на пустом берегу под холодным ветром, и воскликнула:

- Генри!

Ощущение мелькнуло и исчезло; Генри уже взял следующую карту и пристально рассматривал фигуру женщины - иерофанта. Она была изображена сидящей на древнем троне между двумя массивными колоннами; облако дыма мрачным покровом клубилось над митрой на голове женщины, а от ног ее водопадами низвергались реки. Одна рука была вытянута вперед, словно указывая потокам направление течения; другая покоилась на тяжелом открытом фолианте с огромными застежками, лежавшем у нее на коленях. И на этой карте в левом верхнем углу стояла та же причудливая надпись.

- Здорово! - выдохнула Нэнси, не отрываясь от карты.

- И все-таки, - спросил Ральф, - они для игры, или для чего? - Он посмотрел через плечо Генри. - Старая Дева, надо полагать; а на первой Нищий-Сосед.

- Великолепная работа, правда? - сказала Сибил Кенинсби и осторожно взяла одну из тех карт, которые ее брат назвал Старшими Арканами. Она значилась под номером девятнадцать, называлась "Солнце" и содержала очень простой рисунок: на ясном небе во всю ширь сияло солнце, а внизу счастливо играли двое детей мальчик и девочка. Сибил снова улыбнулась, рассматривая их. - Ну разве не хороши? - прошептала она. Фигурки действительно казались такими живыми, яркими, радостными под благодатным светом, отблеск которого перешел и на лицо самой Сибил, разглядывавшей рисунок. По крайней мере, так показалось Генри, который положил свою карту, пока Ральф говорил, и теперь глядел на Сибил поверх склоненной головы Нэнси. Сибил подняла голову. - Просто совершенство, правда, Генри?

- Они очень хороши, - с чувством проговорил Ли. Он казался немного озадаченным, словно

нашел не совсем то, на что рассчитывал.

- Но - что - они - значат? - раздельно проговорил Ральф. - Какой в них смысл?

- Дункан часто повторял мне, - сказал м-р Кенинсби, который уже отложил каталог и стоял у стола рядом со всеми; на высоком лбу с залысинами блестел свет, тонкое, недовольное лицо наклонилось к колоде, - что карты Таро появились в XIV веке, хотя кое-кто считает их египетским изобретением. - Он умолк, как будто говорить больше было не о чем.

- Это же непросто - придумать такое, - со знанием дела произнес Ральф. Но кому и зачем это понадобилось? Я про то, что они.., ну, в общем, штука-то бесполезная, правда?

- У нас есть предание, - осторожно начал Генри, и м-р Кенинсби тут же переспросил:

- У нас?

Молодой человек чуть заметно покраснел.

- Я имел в виду - у цыган, - небрежно заметил он и добавил для Нэнси:

- Все из-за тебя, дорогая. Все время делаешь вид, будто я - настоящий цыган, с табором, жестяным чайником и бабкой с черной трубкой.

- Разве ей не понравились бы эти карты? - с жаром проговорила Нэнси. - Ой, Генри, дорогой, если бы у тебя была такая бабушка, она рассказывала бы нам истории про Таро, а может быть, даже гадала бы по этим - как ты их назвал, папочка? - Старшим Арканам.

- Может быть, посмотрим дальше? - сменил тему Ральф.

- По крайней мере, у меня есть дедушка, - сказал Генри для Нэнси.

- Подумаешь, дедушка! - поддразнила она. - Спорить могу, он живет в доме с электрическим освещением, а вовсе не в таборе под звездами. Может быть, он объяснит нам, что это такое? - она достала последнюю карту, помеченную нулем. Объяснения действительно не помешали бы, потому что карта выглядела весьма необычно. На ней был изображен молодой человек в чужеземной одежде, раскрашенной полосами - черной, серой, серебристой и красной. Ноги и руки его были обнажены, на плече лежал посох, по которому змейкой бежала резьба, а к посоху была привязана круглая сума, чем-то похожая на шары, которыми играл Жонглер. Перед ним танцевала в воздухе стрекоза или какое-то другое крылатое создание; сбоку тянулась к нему рысь или молодой тигр - не то ласкаясь, не то нападая. У человека были очень яркие глаза. Он улыбался так открыто и восторженно, что эта улыбка вызывала даже легкое опасение. Ни один человек в здравом уме не бывает настолько счастлив. Казалось, он только на миг задержался перед тем, как сделать следующий шаг. Никакого заднего плана у карты не было только ровный золотой фон.

- Нет, - сказал Генри, - это довольно трудно. Эта карта - тот самый непредсказуемый фактор.

- Непредсказуемый для чего? - уточнил м-р Кенинсби.

- Ну, - Генри на секунду задумался, - скажем, если хочешь узнать судьбу по картам Таро. Как известно, гадательных систем существует несколько, но ни одна из них не говорит, что означает Шут. Обычно его добавляют к Старшим Арканам до двадцати двух.

- Их и есть двадцать два, - сказал м-р Кенинсби. - Я только что перечислил все номера.

- Нет, сэр, - ответил Генри словно нехотя. - Это не совсем так. Строго говоря, их - двадцать одна и ноль, как говорила мисс Кенинсби. А ноль - он и есть ноль, ничего, то, что не считается.

- Может, еще какие-нибудь посмотрим? - спросил Ральф.

- А ты умеешь по ним гадать? - с надеждой спросила Нэнси, но Генри покачал головой.

- Не так, как нужно. По крайней мере, пробовать мне бы не хотелось. Но вообще-то это можно; мой дед должен знать, как это делается. Очень любопытные карты, а эта колода - особенно.

- А что в ней такого особенного? - не отставала Нэнси.

Генри ответил, не сводя глаз с карт:

- Говорят, что тасует карты земля, раскладывает дождь, перебирает ветер, а разделяет по мастям огонь. А Старшие Арканы могут объяснить все, что происходит в мире, они есть мера бесконечного танца.

- Какие-нибудь простонародные суеверия, надо полагать? - заметил м-р Кенинсби, от всей души желавший, чтобы его дочь не связывалась с таким суеверием, как этот Генри Ли.

- Скорее всего, так оно и есть, сэр, - ответил молодой человек. - Мой народ любил рассказывать эти истории еще в те времена, когда весь табор собирался вокруг костров.

- Жутко интересно, - сказала Нэнси. - А что такое "бесконечный танец", Генри, миленький?

Он легонько приобнял ее, как только м-р Кенинсби повернулся к ним спиной.

- А разве ты не знаешь? - шепнул он. - Посмотри на седьмую карту.

Она послушно отыскала глазами нужный номер и увидела под монограммой двух влюбленных; обе фигуры в золотистом ареоле, обе - с протянутыми навстречу друг другу руками, обе одеты в шкуры какого-то дикого зверя. Они шли рядом, танцуя, по длинной дороге, которая начиналась с точки на горизонте и выходила на передний план. Рука Нэнси накрыла руку Генри, она улыбнулась ему и сказала:

- Только-то?

- Это, по крайней мере, первый шаг, - ответил он. - Если, конечно, не начинать с Отшельника.

- Сибил, я жду, - напомнил м-р Кенинсби, и Си-бил поспешно взяла следующую колоду, а Ральф с видимым удовольствием собрал колоду Таро и убрал на место.

Но интерес зрителей внезапно иссяк. Генри и Нэнси были заняты собственными чувствами, м-ру Кенинсби и его сыну стало скучно, и через пару минут Сибил учтиво произнесла:

- Не кажется ли вам, что на сегодня довольно? "Она и вправду всегда точно знает, когда остановиться", - подумал про себя м-р Кенинсби, а вслух заметил:

- Как хочешь, как хочешь. Что скажете, Генри?

- А?.. - вздрогнул Генри и тут же согласился, - О, как вам угодно.

- Я за то, чтобы их убрать, - сказал Ральф еще охотнее, чем отец. Недурственная коллекция. А те, как-вы-их-там-называли - просто главный лот.

Часа два спустя Нэнси провожала Генри до дверей. Звезда, низко висевшая над горизонтом, напомнила ей одну из "как-их-там-называют" карт.

- Ах, дорогой, ты научишь меня предсказывать судьбу по тем картам - ну, по особенным?

- По Таро? - переспросил Генри с легкой иронией.

- Если ты их так называешь, - сказала она. - Я немножко умею гадать по обычным.

- А рука у тебя чуткая? - спросил он. - Тут важно чувствовать, как карты ложатся, не неволить себя, делать то, что они скажут.

Нэнси поглядела на свои руки, пошевелила кистями.

- Почему бы и нет, главное - не торопиться. Ну, испытай меня, Генри, милый.

Он положил обе ее руки к себе на ладонь.

- Мы попробуем, дорогая, - серьезно произнес он. - Мы обязательно попробуем, что ты сумеешь сделать со Старшими Арканами. Если это действительно та самая колода... Как ты думаешь, твой отец не мог бы продать их мне?

- Зачем? Они тебе нужны? - удивилась Нэнси. - Я всегда знала, что ты все-таки настоящий цыган! И ты сменишь обличье и уйдешь к своему племени? Ой, давай, а я стану цыганкой. "Добрый господин, добрый господин", - затараторила она. - И каждый кладет в мою ладонь по фунтовой бумажке, потому что я прекрасна, а Король, может быть, поцелует меня на виду у всех придворных дам. Тебе это понравилось бы? А потом он подарит мне бриллиантовое

кольцо, а ты будешь хвастаться им, когда всякие судьи придут к нам пить чай. И не уверяй меня, что не придут, потому что ты станешь судьей, и вы будете обсуждать всякие случаи, а у меня останется только бриллиантовое кольцо, чтобы вспоминать, как Король Англии подарил его нищей цыганской девочке, когда она еще не превратилась в леди Ли и ей не приходилось смягчать сердце своего мужа, чтобы он был добрее к бедным осужденным, которых приводит к нему полиция. Теперь ты знаешь, о чем я мечтаю, и когда увидишь, что я задумалась, никогда, никогда не мешай мне.

- Вряд ли мне удастся тебе помешать, - заметил Генри.

- Противный! - надулась она. - Ты смеешься над своей бедной Нэнси! Скажи еще, что я болтушка! Что же мне, на пальцах с тобой разговаривать, - она, дурачась, подняла руки и неуклюже воспроизвела несколько жестов из языка глухонемых, - чтобы объяснить, в какой магазин я собираюсь?

Он поймал ее руки в свои и легонько сжал.

- Не хвастайся своей красотой, радость моя, а то когда я стану судьей, придется разбираться с твоим слишком гордым сердечком, и в наказание отправлять твои нежные руки в тюремную прачечную.

- А я завлеку сына губернатора и убегу, - сказала она, - и напишу балладу о жестоком судье, и о том, как он сначала побил, а потом запер свою милую. Дорогой, тебе пора идти. До завтра, хорошо? Поезжай домой и ложись спать. Спокойной ночи. С тобой ведь ничего не случится, обещаешь?

- Я пресеку любые происшествия в самом начале, - сказал Генри. - Если что-то начнет происходить, оно у меня не обрадуется.

- Хорошо, - сказала она. - А то мне совсем не хочется, чтобы еще что-нибудь происходило. Ну же, спокойной ночи - почему ты все еще здесь? Тебе ведь не очень далеко до дома. К полуночи наверняка доберешься.

Но той же ночью, когда Нэнси уже спала, Генри выехал из Лондона и повел машину на юг. Лишь далеко за полночь он остановился возле одинокого дома в холмах Сассекса.

Глава 2

ОТШЕЛЬНИК

Старик был в комнате один-одинешенек. Он сидел за столом лицом к двери; еще одна дверь находилась у него за спиной. Огромный стол почти целиком занимали причудливо разложенные карты Таро. Время от времени старик осторожно передвигал их с места на место, то делая пометки на листе бумаги, то сверяясь с древним манускриптом, лежащим на краю стола. Карты настолько поглотили его, что он не слышал шагов и поднял голову, только когда открылась дверь. Вошел Генри Ли.

- А-а, Генри! - воскликнул старик. Молодой человек быстро оглядел разложенные карты и улыбнулся.

- Ну как, добрался до чего-нибудь? - спросил он.

- Пока нет, - со вздохом ответил старик. - Не все сразу. Дай только срок, и я обязательно сделаю это. - Он опять вздохнул. - Видишь, я все записываю, так что рано или поздно это случится. Генри кивнул в сторону второй двери.

- А они как? - спросил он, немного понизив голос.

- Я наблюдаю за ними, - откликнулся старик. - Но, знаешь, это слишком сложно. Впрочем, все равно ведь надо. А ты.., не хочешь вернуться и помочь мне?

- Почему бы не помочь, - отозвался Генри, снимая куртку.

Аарон Ли поднялся на ноги. Он действительно был очень стар. Судя по маленькой согбенной фигуре, темной коже и лысому черепу, ему исполнилось никак не меньше сотни лет.

Однако двигался он не по-стариковски уверенно. Руки твердо опирались о стол, а голос, если и дрожал немного, то от возбуждения, а не от дряхлости.

- Ты хочешь сказать, что напал на след? Что ты узнал? Ты.., раскрыл тайну?

Генри присел на край стола и рассеянно взял одну из карт.

- Рано пока обольщаться, - проговорил он. - Мне и самому не верится. Насчет тайны - не знаю. Видно, нам все-таки вместе придется ее разгадывать. Но, - он уронил карту и посмотрел на деда в упор, кажется, я нашел оригинал.

Аарон ахнул.

- Неужели,.. - начал он, и тут его затрясло так, что пришлось опуститься в кресло. Наконец возбуждение спало, и он проговорил:

- Это невозможно.

- Ты уверен?

- Расскажи мне, - воскликнул Аарон, подавшись вперед, - какие они? Почему ты считаешь... - голос у него прервался от волнения, но чуть погодя он справился с собой и опять повторил:

- Расскажи мне. Расскажи.

- Все это довольно неожиданно, - начал Генри, - но ведь с ними никогда не знаешь, чего ждать. Кто может знать, как они лягут завтра? Скажи, ты по-прежнему каждый день раскидываешь карты на мое будущее?

- Конечно, - кивнул Аарон.

- И что выпало мне на сегодня?

- Ничего особенно важного, - ответил старик. -Что-то должно было прийти к тебе, какая-то удача. Туз чаш лег поверх Колеса фортуны, но я решил, что это относится к твоей юриспруденции.

- Стар ты стал, дед, - вздохнул Генри. - Разве чаши означают только денежные дела?

- А что мне оставалось? - запротестовал Аарон. -Расклад был сделан на день - я и представить не мог... Так что же ты все-таки нашел?

- Я уже говорил тебе, что помолвлен, - начал Генри, тщательно подбирая слова. - Так вот, ее отцу досталась в наследство от умершего друга коллекция игральных карт... Ничего интересного, кроме одной колоды. Он нам показывал, и попомни мои слова, это и есть та самая первая колода. Я специально сегодня вечером ездил убедиться.

- Ты их привез? - быстро спросил старик. Генри покачал головой.

- Спешить некуда. Ты лучше вспомни, какая у них Колесница: египетская повозка, запряженная двумя сфинксами, а правит грек, и вся расписана городами и островами?

- Именно так.

- А Смерть - нагой крестьянин, с серпом в руке и сандалиями у пояса?

- Так и есть.

- Значит, все сходится, - заключил Генри. - А теперь пойдем посмотрим на них, я ради этого и приехал.

Аарон поднялся, вынул из кармана куртки ключ и медленно направился к внутренней двери. Генри шел следом. Старик вставил ключ в замочную скважину, повернул и открыл дверь. Пространство за ней от пола до потолка перекрывали тяжелые черные занавеси. Тронув рукой одну из них, старик словно засомневался на мгновение, затем решительно отодвинул ткань, прошел внутрь и придержал полотнище, давая пройти внуку.

Эта комната была меньше предыдущей. Стены ее были задрапированы плотными темными тканями. Она освещалась каким-то странным светом, который не мог проникать сюда ни через окно, ни через дверь. Казалось, сам воздух светился разными оттенками - то наливался красным, словно отблесками далекого пожара, то зеленел, будто пробивался сквозь толщу незримых вод,

то темнел, взвихриваясь туманными испарениями, но мгновение спустя туман рассеивался, и комнату заливал чистый свет рассветной зари. Впрочем, ни один из вошедших не обратил внимания на странные сполохи. Оба смотрели на стол, стоявший посреди комнаты.

Он был сработан из какого-то странного дерева и стоял на единственной центральной опоре. У самого пола она разделялась на четыре ствола, каждый из которых, в свою очередь, образовывал четырнадцать ветвей, так что в итоге стол опирался на пятьдесят шесть лап. Столешница была крыта золотом и расписана загадочным узором или, скорее, двумя орнаментами: одним, состоящим из квадратов, а вторым - из кругов, так что взгляд выделял то один, то другой из них, как на шахматной доске. На золотой поверхности помещалось множество маленьких фигурок, каждая около трех дюймов в высоту, тоже из золота и весьма тонкой работы. На первый взгляд, они напоминали шахматные фигурки, только их было больше, и они постоянно двигались. Они перемещались легко и непрерывно, никогда не сталкиваясь, словно подчиняясь какому-то сложному ритму, и вместе с тем по собственной воле. Их было около сотни. Стол издавал тихую музыку скорее отзвуки, чем звуки. Золотые фигурки точно следовали то убыстряющемуся, то замедляющемуся ритму - если только сама мелодия не была следствием их гармоничного движения.

Медленно и осторожно Генри сделал несколько шагов вперед; он словно боялся, как бы маленькие фигурки не услышали его. Так же вкрадчиво приблизился к столу и Аарон. Оба остановились, не сводя глаз с фигурок. Молодой человек сравнивал их с изображениями на недавно виденных картах. Он быстро нашел фигурки, державшие монеты, мечи, жезлы и чаши. Затем он принялся разыскивать те, которые должны были соответствовать Старшим Арканам. Как только он останавливал взгляд на одной из них, остальные словно таяли, превращаясь в золотистые пятна. И однако, все они были здесь: и Жонглер, танцевавший у самого края круга, подбрасывая и ловя крошечные шары; и Император с Императрицей; и оба Иерофанта - мужчина и женщина; и старый Отшельник с тяжелой поступью, и Влюбленные, кружащиеся, держась за руки; и Колесница, запряженная сфинксами в сопровождении четырех младших арканов; и фигура, зажимающая пасть льву, а рядом - еще одна, прикрывающая ладонью чашу; и фигурка с весами - но на глазах у нее не было повязки. Эти три были обозначены на картах как Сила, Воздержание и Правосудие. Вот вращается Колесо фортуны, его поддерживают два слепца; еще две фигурки несут на плечах шест или, скорее, крест, на котором подвешен за ногу маленький человечек; вот вездесущая и стремительная Смерть, вооруженная серпом; рогатое чудовище, погоняющее две скованные цепью жертвы; башня, растущая и рассыпающаяся на части, чтобы вскоре подняться в новом месте; женщина в короне из звезд; два одинаковых зверя, каждый - с лунным серпом на голове; дети-близнецы с сияющими солнечными дисками у каждого во лбу; небесный судья с трубой возле губ, танцующий со скелетом, наполовину освобожденным от могильных одежд; и одинокая фигура, исполняющая головокружительные пируэты и олицетворяющая Мир. Генри узнавал их одну за другой, припоминая название каждой, а сложный танец не прекращался ни на миг. Через несколько минут молодой человек оглянулся.

- Они точно такие же, до мельчайших деталей, проговорил он.

- И вот этот? - тихо спросил Аарон, указывая на Шута в самом центре.

Фигурка, образующая центральную ось причудливого танца, не двигалась. Рысь (а может быть, это был молодой тигр) около нее тоже не шевелилась. Они словно замерли - человек на бегу и зверь перед прыжком - в самый разгар танца, а вокруг них, скользя, изгибаясь, взлетая легкими балетными прыжками, кружились остальные.

- И он точно такой же, - сказал Генри и медленно повернулся.

Старик шагнул ему навстречу.

- Но тогда, - прошептал он так тихо, что голос его почти слился с музыкой, - тогда мы можем узнать - в любой момент - о чем говорит танец? Мы сможем, наконец, узнать будущее!

- Наверное, - подумав, ответил Генри. - Но ведь Шут неподвижен. Как это сказывается на предсказаниях? Что об этом говорят твои книги?

- Ни одна из них вообще никак не объясняет его, - сказал Аарон.

Минуты две-три они стояли, молча наблюдая за непрерывным движением, слушая несмолкающие звуки и сами меняясь в переменчивом свете. Наконец Аарон произнес:

- Пойдем-ка отсюда. Не стоит смотреть слишком долго, если не изучаешь танец.

Генри, однако, не спешил.

- Сомневаюсь, можно ли постичь танец, не будучи среди танцоров, задумчиво произнес он.

- Мы и так среди них, - торопливо ответил старик. - Мы там, как и все остальное.

- "Остальное!" - насмешливо перебил Генри. - Остальное - это камни, ветра, корабли. Но ведь они не знают. А чтобы знать... - он внезапно умолк и стоял, погружившись в размышления, пока дед не потянул его за руку; тогда молодой человек неохотно повернулся к выходу, прошел под занавесями и вернулся в первую комнату. Аарон запер дверь, устроился в кресле за столом и испытующе поглядел на внука.

- И что же ты собираешься делать с этой колодой? - спросил он.

Генри резко поднял голову, отогнал какую-то навязчивую мысль и улыбнулся. Но глаза его при этом оставались серьезными.

- Не знаю, - признался он. - Не забудь, я их и увидел-то совсем недавно.

- А нынешний хозяин, ну, отец этой девицы, он не собирается их продать? с надеждой спросил Аарон.

Генри побарабанил пальцами по столу.

- Едва ли, - медленно произнес он, - впрочем, сейчас трудно сказать... Предполагается, что после его смерти - а может, и перед ней, - вся коллекция перейдет в распоряжение Британского музея.

- Что? - Сообщение привело Аарона в неподдельный ужас. - Но это же идиотизм. Значит, наверняка продаст, если предложить ему побольше.

Генри покачал головой.

- Не уверен. Он из тех людей, которые легко получают все, что им захочется, и тут же обнаруживают, что оно им совершенно ни к чему. А уж деньги-то ему и подавно не нужны. Он не в силах придумать, что могло бы доставить ему удовольствие, поэтому терпеть не может, когда что-то доставляет особое удовольствие другим. Нет, он не жестокий. Даже добрый по своему. Но он цепляется за свое, как ребенок за сломанную игрушку - вдруг она ему когда-нибудь понадобится, или вдруг кто-то другой начнет играть с ней.

- А деньги? - упорствовал Аарон.

- Я ведь уже сказал.

- Может быть, он их дочери подарит? - предположил Аарон. - Ты же собираешься на ней жениться?

- Как он отдаст ей одну колоду, если должен передать в музей всю коллекцию? - пожал плечами Генри. - Да, я собираюсь на ней жениться. Думаю.., ладно, пока неважно. Но если он отдаст ей все, то будет страдать, потому что нарушил волю своего друга; а если подарит одну колоду, то будет страдать из-за необходимости объясняться с музеем; а если отдаст коллекцию в музей, то будет страдать, что упустил ее.

- Что-то я не понял. Ты же говоришь, он решил хранить ее до самой смерти, тогда как же он ее упустит? - уточнил старик.

- По-моему, он несчастен так, что дальше некуда. Он все думает о том, что потеряет, когда

умрет. Всю жизнь он только и делает, что ждет компенсации.

Аарон Ли подался вперед.

- Просто необходимо, чтобы он продал их, или подарил, или потерял, что ли, - беспокойно сказал он.

- Вряд ли их можно потерять, - усмехнулся Генри. - Ты не забыл о силе самих карт?

- Хм, значит, остается насилие... Впрочем, это неблагоприятно, - Аарон рассуждал сам с собой. - Но если просто взять их..., взять именно для этой цели... Я не вижу, почему бы этого не сделать?

- У мистера Лотэйра Кенинсби другое мнение на этот счет, - сухо заметил Генри. - Я даже не уверен, что смогу уговорить Нэнси.

- Да она-то тут при чем? - недоуменно спросил старик.

Генри попытался беззаботно улыбнуться, но улыбка не получилась.

- Хотел бы я знать! Только, имей в виду, я против ее воли не пойду, по крайней мере, пока...

Он замолчал и Аарону пришлось спросить:

- Пока - что?

- Пока не узнаю, нельзя ли разыграть карту Влюбленных, - закончил Генри. Знать - видеть изнутри - понять танец. Ладно, посмотрим. - Он перевел взгляд на внутреннюю дверь и медленно проговорил:

- Нэнси...

- Но ты должен что-то предпринять, и быстро, перебил Аарон. - Мы не можем рисковать. Несчастный случай...

- Или приступ меланхолии, - подхватил Генри, и карты окажутся в музее. Да, ты прав: рисковать нельзя. Между прочим, ты что-нибудь знаешь о Джоанне?

- Я ее уже несколько месяцев не видел, - ответил старик, пожав плечами. Летом она была здесь. Да я же тебе говорил...

- Я помню, - кивнул Генри. - Она все такая же сумасшедшая? По-прежнему выкликает имена своих давно умерших богов?

Аарон беспокойно шевельнулся.

- Давай не будем об этом. Я ее побаиваюсь.

- Боишься Джоанны? - удивился Генри. - С чего бы это? Чем она может нам помешать?

- Джоанна не в своем уме, и это опасное сумасшествие, - сказал Аарон. Если она узнает, что Таро могут соединиться со своими оригиналами и мистерия обретет завершение...

- И что тогда смогут сделать старуха и мальчишка-идиот? - спросил Генри.

- Лучше бы ты называл их безумной пророчицей и юным покорным Самсоном, вздохнул Аарон. - Иногда она представляется мне одной из тех. Если она решит, что тело ее сына найдено и оживлено..., если узнает о картах, то вполне может... Безумный Иерофант...

- Может быть, она, наоборот, успокоится, когда узнает, что ее ребенок нашелся? - спросил Генри.

- Ты хочешь сказать: когда узнает, что мы прячем его от нее? - усмехнулся старик. - Спроси у своей крови, что бы ты стал делать, Генри. Твой дух ближе к ее духу, чем мой. Когда мы с ней оба были молоды, я выбрал свое предназначение - постичь смысл танца, а она вообразила, что будет помогать мне в этом, и занялась изучением древних египетских преданий. Тридцать лет она изучала их, и ее ребенок должен был стать Величайшим в этом мире. Он родился, и в тот же день умер... Генри резко перебил его.

- Ты никогда не рассказывал мне об этом. Значит, Джоанна намеревалась создать жизнь в согласии с танцем? Почему умер ребенок? И кто был отцом?

- Может быть, сердце у него было слишком великое, а может, тело слишком слабое: откуда

мне знать? - пробормотал дед. - Она вышла замуж за человека знающего, но он вел дурную жизнь и казался ничтожеством рядом с ней. Ей хотелось им восхищаться, а приходилось смеяться над ним.., и над собой. Но она так хотела его, что сделала отцом своего ребенка, хотя и не переставала ненавидеть за слабость. Она издевалась над ним, даже била, пока ребенок был у нее в утробе - из любви, смешанной с ненавистью, гневом, пренебрежением и страхом. Ребенок родился семимесячным и тут же умер. Муж сбежал от нее накануне родов и в ту же ночь, пьяный, попал в аварию и погиб. Когда Джоанна узнала, что младенец мертв, она страшно закричала, вот тогда-то с ее лицом и случилась эта перемена. И не только с лицом... Карты Таро, которые она, как и все мы, искала, предания о богах, которые она изучала, и ребенок, который виделся ей Владыкой силы и чье тельце, прожившее только пять часов, лежало перед ней - все это навеки смешалось в ее сознании.

И вот уже пятьдесят лет она ищет его, и называет Осирисом, потому что он умирает, и Гором, потому что он живет, а по ночам обращается к нему с тысячей ласковых имен. У существа, живущего в ее сознании, один и еще двадцать ликов, и все они - образы карт Таро. Когда она найдет те части тела, которые разбросал по всему свету ее враг, он же ее муж, он же Сет, он же - все мы, потому что мы тоже ищем карты, - тогда она снова станет Небесной владычицей, и боги будут служить и поклоняться ей с фимиамом и гимнами. Конечно, она сумасшедшая. Генри, но я бы предпочел иметь дело с тем твоим ненормальным владельцем колоды, а не с ней.

Генри, глубоко задумавшись, молча бродил по комнате, потом остановился и сказал:

- Я, в общем, не понимаю, как она узнает - если только в воздухе учует.

- Она и это может, - подтвердил Аарон. - Ее жизнь не похожа на нашу, а воздух - это ведь старшие карты жезлов.

- Во всяком случае, я не вижу, как она может нам помешать, - ответил Генри. - Шанс у нее был, и она его упустила. А я уж постараюсь не упустить свой. Что же касается Кенинсби... - он опять прошелся по комнате. - Я хочу уговорить их приехать сюда на Рождество. Впереди еще месяц - так что возможности найдутся. Надеюсь, ты не возражаешь?

- И зачем это все? - угрюмо поинтересовался старик.

Генри сел.

- Видно, придется кое-что рассказать Нэнси и ее отцу. Чтобы он отдал нам карты, у него должны быть хоть какие-то причины, и насколько я понимаю...

- Ты что, собираешься показать их? - воскликнул Аарон, оглядываясь на дверь за спиной.

- Почему бы и нет? - небрежно ответил Генри. - Что в этом особенного? А объяснить можно что угодно. Во всяком случае, Нэнси должна их увидеть, тогда ей будет проще уговорить отца.

- Но он же всем расскажет!

- Что он сможет рассказать? - возразил Генри. - И кто ему поверит? А после того, как мы получим карты... Да мы и сами не знаем, что мы тогда сможем! Я уверен, так будет лучше. Предположим, я приглашу Нэнси, а она, надо думать, позовет с собой тетю...

- Ах, есть еще и тетя? - сварливо перебил Аарон. - И сколько же гостей ты намерен позвать?

- Тетя, - спокойно продолжал Генри, - полная противоположность ее отцу. Такая же невозмутимая и безмятежная, как .., как они. Ничто не может вывести ее из себя; ничто не задевает ее. Однако она не глупа. Но все равно, она существо совершенно безвредное. Ей будет интересно, но не больше. Так что Нэнси, тетя и отец. От брата я постараюсь избавиться. Такой зануда! Так что их трое, да мы с тобой. Рождество ведь в субботу? Ну, позовем их с четверга до вторника, или еще на день-два. Согласен?

- А он приедет? - засомневался Аарон.

- Почему бы и нет? Конечно, ему не захочется, но, раз ему все равно ничего не хочется,

стоит попытаться. Только держи Джоанну подальше.

- Я понятия не имею, где она сейчас, - раздраженно заметил старик.

- Спроси у карт, - безмятежно посоветовал Генри. - Неужели и для этого нужна настоящая колода? - выражение лица у него резко изменилось, он приблизился к столу и заговорил тихо и решительно. - Мы получим их. И тогда, может быть, пойдем, что означает Шут и почему он не танцует.

Аарон придержал его за рукав.

- Генри, - прошептал он, - если.., произойдет какой-нибудь несчастный случай.., кому достанутся карты?

- Перестань! - воскликнул Генри. - Не ты ли учил меня, что насилие несовместимо с мудростью карт?

- Так говорят, - задумчиво произнес старик, - но я не понимаю.., во всяком случае, незачем совершенно постороннему...

- Не спеши, - ответил молодой человек и повернулся за курткой. - Мне нужно возвращаться. - Он потянулся и вдруг рассмеялся. - Нэнси пожелала мне спокойной ночи, и вот на что я ее потратил - на разговоры с тобой.

- Поменьше болтай с этой публикой, - проворчал Аарон, - и со своей Нэнси тоже. Генри уже надел куртку.

- Нам с Нэнси о многом надо рассказать друг другу, и, пожалуй, еще ни одна влюбленная парочка не вела таких разговоров. Спокойной ночи. Я сообщу, что мне удастся сделать в Лондоне.

Глава 3

КАРТЫ НАЧИНАЮТ ИГРУ

На Рождество семейство Кенинсби обычно отправлялось в Истборн. М-р Кенинсби обнаружил однажды, что несколько праздничных дней лучше провести в отеле, вместо того чтобы превращать в отель собственный дом. В противном случае молодые люди обоюбого пола, порознь и компаниями, будут являться в любое время дня и ночи, а Ральф или Нэнси - без конца срываться с места навстречу гостям. И хорошо еще, если при этом они окажутся дома, хуже, если они придут, когда приятелей уже след простыл, тогда начнутся приставания с выяснениями. Перед напором молодости м-р Кенинсби чувствовал себя совершенно беспомощным. Поэтому каждый год он щедро предоставлял домашним возможность развлекаться каждому на свой лад. Правда, понять, ради кого же это делалось, так и не удалось. Предполагалось, что для Сибил это - необходимость, а для детей удовольствие. И вот уже несколько лет они ездили в один и тот же отель, где м-р Кенинсби проводил время за игрой в бридж, наблюдал за шумными развлечениями молодежи и обсуждал проблемы современной цивилизации с другими достойными джентльменами.

Порой он слегка досадовал на неблагодарность Сибил. Ему казалось, что даже полная удовлетворенность, которая была ее обычным состоянием и которую он считал "заторможенностью", в новой обстановке могла бы окраситься маленькой толикой благодарности. В отеле всегда находилось несколько приятных женщин, с которыми никто не мешал Сибил болтать сколько угодно. Конечно, она радовалась поездке - но все-таки не настолько, чтобы удовлетворить м-ра Кенинсби. Он с ума сходил от этого неизменного благодушия. Ее, похоже, радовало все, а вот его ничего не радовало.

Но в этом году все пошло наперекосяк. Началось с Ральфа, который смущенно поведал, что хотел бы отправиться на праздники к одному приятелю, семья которого жила в Льюсе. М-р Кенинсби очень сдержанно (по крайней мере, так казалось ему самому) дал понять, что не одобряет подобных отступлений от распорядка жизни семьи. Он не стал бы возражать против

летних каникул у друзей (он сам в это верил), но Рождество - особая статья.

На самом деле обычно под Рождество м-р Кенинсби начинал острее осознавать ход времени, приближение старости и смерти. Каждое Рождество неизбежно приносило маленькие, но необратимые перемены. Помнится, детство его как-то незаметно ушло, а на смену пришла юность, потом он женился, а теперь уже и сын с дочерью давно распрощались с детством и скоро лишатся права на юность, тогда для него останется только две возможности: либо он успеет увидеть третье поколение, либо Рождество для него перестанет быть Рождеством. Каждый год в этот праздник, удерживая возле себя Нэнси и Ральфа, м-р Кенинсби чувствовал, что отодвигает обе неприятные возможности и входит в Новый год так, словно никакого Нового года и нет, а есть лишь один и тот же непрерывно длящийся год.

В этом году смерть Дункана неприятно поразила его, а если еще они с Сибил и Нэнси - между прочим, помолвленной Нэнси - останутся без Ральфа, то угроза неизбежного одиночества окажется слишком ощутимой. Возникнет дыра, и ее нечем будет заполнить, нельзя же без конца тешить себя тем, что ты - попечитель сумасшедшего дома, обладающий определенными привилегиями - например, проходить к столу перед старшими сыновьями младших сыновей пэров.

Он и сам уже не помнил, когда и оде вычитал эту чушь и зачем рассказал об этом Сибил. Даже всех наследников младших сыновей пэров не хватило бы, чтобы заполнить пустоту, давным-давно проникшую в его сердце и с тех пор навечно поселившуюся там. От нее нельзя было избавиться, она сопровождала его в офис, способна была отравить любые занятия, проникала в семью, в дом, в отношения со знакомыми и в политику, в сон и в еду, но иногда она разрасталась до такой степени, что заливала улицы, по которым он ходил каждое утро, заполняла весь дом, тарасилась на него бессмысленными заголовками газет. "Премьер-министр, читал он в такие дни, - представил новый законопроект", - и вдруг слова отделялись друг от друга и теряли смысл. Что такое "премьер-министр"? Пятно, клякса, ничтожество - и опять перед ним "Тайме", завтрак на столе и Сибил.

После вероломного отступничества Ральфа м-р Кенинсби подсознательно уже хотел перемен и для себя. Поэтому массированные намеки Нэнси на возможность провести Рождество всем вместе у дедушки Генри были встречены куда благосклоннее, чем обычно встречались подобные предложения. Он не видел в этой поездке ничего особенно привлекательного для себя лично - но зато у него под рукой будут Нэнси и Генри, чтобы свалить на них всю вину за перенесенные неудобства, скуку или мрачное настроение и отвлечься от мыслей о Ральфе, его измене, неизбежных перемен и возрасте. Существовало и еще одно соображение. Сибил обрадовалась, когда он намекнул ей, что не прочь принять предложение.

- Боюсь только, тебе будет слишком скучно, - сказал брат - Да нет, не думаю, - ответила сестра. - Для этого нужно кое-что посильнее.

- И мы ведь не знаем, каков он, этот дед, - добавил м-р Кенинсби.

- Наверняка человек, - отозвалась Сибил, - значит, уже чем-то интересен.

- Послушай, Сибил, - заговорил м-р Кенинсби, едва сдерживая раздражение, ты говоришь ерунду. Не может любой человек быть интересен.

- А как же иначе? - спокойно удивилась Сибил. - Ты слышал, чтобы кто-нибудь жил, например, отдельно от своего тела? Ну, а тело - такая замечательная, интересная вещь, что об остальном можно и не беспокоиться.

Но брат не желал оставлять волновавшую его тему.

- Насколько я помню. Генри не предупреждал, что дед прикован к постели? проворчал он.

- Вот и прекрасно, - порадовалась Сибил, - значит, он не доставит нам никаких забот. Ты же понимаешь, Нэнси и Генри будет явно не до того, а нам с тобой все-таки посвободнее.

- Ну вот, не хватало мне еще кормить с ложки дряхлого старца, - вскинулся м-р Кенинсби. - Нет, я же помню: Генри уверял, что его родственник неплохо сохранился. Он говорил тебе еще что-нибудь?

- О Господи, конечно, нет! - воскликнула Сибил и спустя полминуты неожиданно добавила:

- Хорошо звучит.

- Что именно? - опешил м-р Кенинсби. Он испугался, что пропустил в разговоре какую-то важную деталь.

- А вот это; "О Господи", - повторила Сибил, отчетливо произнося слова. Фраза совсем короткая, а все понятно, правда? Я не люблю часто повторять "Боже милостивый"; люди не всегда понимают, что значит "милостивый".

- Иногда ты становишься так же невыносима, как Нэнси, - заметил брат. - Не понимаю, какой в этом смысл. Зачем вообще говорить: "Боже милостивый"?

- Да ведь обычно больше и сказать нечего, объяснила Сибил и торопливо добавила, - извини, дорогой, я как-то не подумала... - она замолчала, подбирая слово.

- Я знаю, - сказал м-р Кенинсби, словно уже услышал его, - но не могу счесть шутки подобного рода признаком хорошего тона. Юмор вполне может обходиться и без оскорблений.

- Пожалуйста, прости меня, Лотэйр, - кротко произнесла Сибил. Она старалась не называть так брата, поскольку для него имя "Лотэйр" как раз и было оскорблением, начисто лишенным юмора. Сибил уже трижды пожалела, что не следила за словами. И так не хватает времени порадоваться всему в жизни. Вот как с этим именем... Они могли бы вместе с удовольствием пробовать его на вкус.., но она любила брата и никогда не стала бы навязывать ему чудеса Бога милостивого, поэтому поспешно сменила тему:

- Нэнси так спешит навстречу будущему.

- В ее возрасте вполне естественно ждать будущего, - заметил м-р Кенинсби.

- А в нашем, - подхватила Сибил, - когда остается уже немного времени, о будущем как-то и не думается: настоящее вполне устраивает.

М-р Кенинсби чуть не сказал "Боже Милостивый", но совершенно с другой интонацией. Выждав пару минут, он продолжал:

- Знаешь, Генри предложил отвезти нас на своей машине.

- Ну что же, очень мило с его стороны, - отозвалась Сибил и дала вовлечь себя в разговор о том, что необходимо взять с собой в поездку.

В конце разговора брат неожиданно произнес:

- Да, кстати, отбери из коллекции карт самые интересные. Захватим их с собой, и каталог заодно. Особенно - ту колоду, которую мы как-то вечером смотрели. Нэнси просила. У этого старика, кажется, есть нечто похожее, они с Генри хотят сравнить. Обычные цыганские штучки! Но раз им нравится... Он обещал показать ей какие-то фокусы.

- Хочется верить, - заметила Сибил, - что она не станет демонстрировать их нам, пока не потренируется. Не то, чтобы я не люблю сюрпризы. Просто карточные фокусы и святость плохо совместимы.

- Святость! - насмешливо фыркнул м-р Кенинсби. - Это у Нэнси-то?

- Дорогой мой, она влюблена, - серьезно напомнила сестра.

- Ну, и при чем здесь святость? - торжествующе спросил м-р Кенинсби и сполна насладился молчанием Сибил. А что она могла объяснить человеку, который не видит очевидной связи между любовью и святостью?

Нэнси не рискнула бы назвать "фокусами" то, что пережила этим вечером, хотя неделю назад, заговорив о картах, Генри воспользовался именно этим словом. До Рождества оставалось

дней десять. За те две недели, что прошли после знакомства с коллекцией м-ра Дункана, карты не раз возникали в разговорах молодых людей. Нэнси в полной мере было свойственно любопытство молодости. Таинственные намеки Генри уже всерьез заинтриговали ее. Для начала Нэнси сама еще раз рассмотрела карты и перечитала их описание в каталоге, затем прочла статью "Таро" в энциклопедии, но ясности это не прибавило.

Этим вечером, уютно устроившись перед камином, она ласково теребила пальцы Генри, но вдруг повернулась и взглянула молодому человеку прямо в глаза.

- Генри, милый, в чем там все-таки дело с этими картами? Ты так многозначительно говоришь о них...

- Ничего удивительного, - согласился Генри. - Это очень важно, а насколько - возможно, будет зависеть как раз от тебя.

- Генри! Ты смеешься надо мной, да? Перестань немедленно, иначе я обижусь!

- Я могу перестать, но тогда ты так и не узнаешь, что потеряла, невозмутимо продолжал Генри.

Нэнси протянула к нему руки и трагическим голосом проговорила:

- О я несчастная! А если я сделаю вид, что и не хочу ничего знать, - как ты тогда будешь выглядеть? Нечестно пользоваться таким преимуществом.

- Если ты действительно не хочешь знать, - задумчиво проговорил он, - я наверняка не стану тебе ничего рассказывать. В этом-то все и дело. Ты действительно хочешь знать?

- Я открыла тебе сердце, а ты мне не веришь? возмутилась Нэнси. - Я уже час изнываю от любопытства, а тебе все мало? Или ты хочешь, чтобы я выпытывала у тебя это в постели? Между прочим, я этого терпеть не могу. Когда мы проходили в школе "Юлия Цезаря", там, помнится, была такая фраза:

"Портия - не жена Бруту, а шлюха". Эта Портия мерзкая маленькая тварь, она все из него вытягивала! Но я клянусь, что "вонжу нож себе в бедро", если ты мне не расскажешь, и умру, истекая кровью прямо на твои прекрасные брюки.

Генри так крепко взял ее за руку, что взгляд у нее немедленно посерьезнел.

- Если ты хочешь знать, - сказал он, - я расскажу тебе столько, сколько смогу. А остальное - там.

- Тебе виднее, - серьезно ответила она. - Если это не шутка, тогда испытай меня и можешь молчать, если я не справлюсь. Но почему-то, - она внезапно улыбнулась, - я думаю, что справлюсь.

- Тогда принеси карты Таро, если можно, - сказал Генри. - Только тихо. Я не хочу, чтобы остальные знали.

- Дома нет ни отца, ни Ральфа, - быстро ответила Нэнси, - сейчас принесу, - и выскочила из комнаты.

Те несколько минут, пока она отсутствовала, Генри стоял, отрешенно глядя перед собой, и не сразу услышал легкие шаги. Нэнси бросилась в глаза нахмуренное лицо и сосредоточенный взгляд молодого человека, она заметила, как шевельнулась его ладонь, и состояние Генри тут же передалось ей. Она шла через комнату так, как идут под венец. Впервые, встретившись глазами, они не улыбнулись друг другу. Генри взял карты, положил руку на плечо Нэнси и легонько подтолкнул к огромному столу в центре комнаты. Достав карты из футляра, он умело разложил колоду на пять стопок.

- Смотри, - начал он объяснять, - вот двадцать две карты - двадцать одна и та, которая не в счет. Это - Старшие Арканы, и сейчас я не буду тебе про них рассказывать. Как-нибудь потом. А вот это - четыре масти; в прошлый раз мы не обратили на них особого внимания, и напрасно. Видишь, какой они необычной формы - не пики, трефы, черви и бубны, а жезлы, мечи, чаши и

монеты, или денарии. Иногда они изображаются пятиугольниками, но эта форма правильнее. И еще одно: в каждой масти не тринадцать карт, а четырнадцать. Кроме валетов, дам и королей здесь есть еще рыцари. Ну вот, например, валет, иногда говорят паж жезлов, а перед ним - рыцарь, дама и король жезлов. То же самое - с мечами, чашами и денариями. Смотри, вот они.

Нэнси наклонилась над столом, внимательно рассматривая карты. Немного помолчав, Генри продолжил.

- Эти карты - прообраз всех остальных. Никто не знает, откуда они взялись. По преданию, впервые о них узнали от испанских цыган в тринадцатом веке. Кое-кто считает их гораздо более древними. Говорят даже о Египте, но важно не время, которое стоит за ними, а процесс, который с ними связан. Колод Таро существует множество, но оригинал один, и в нем скрыта тайна, которую я хочу показать тебе в канун Рождества. Именно из-за этой тайны, и только из-за нее, эта колода так много значит.

Он снова помолчал, взглянул на руки Нэнси, лежавшие на краю стола, и заключил:

- Все на свете взаимосвязано - образ с образом, движение с движением: иначе мир был бы лишен истинного смысла. И мы - ты и я - должны обрести силу смысла этих взаимосвязей. Ты понимаешь, о чем я?

Нэнси подняла глаза от стола и Генри увидел, что она улыбается.

- Дорогой, - прошептала она, - как я могу не понимать? Тут мне и карты не нужны. Рассказывай дальше: покажи мне, какое отношение к этому имеют Таро?

Пожалуй, Генри слегка растерялся. Выходит, то, что он с таким трудом искал, яснее ясного этой удивительной девушке? Он продолжал объяснения уже не таким самоуверенным тоном.

- Четыре масти связаны с четырьмя земными стихиями. Ты сейчас сама в этом убедишься, если захочешь, и если древние предания моего народа говорят правду. Этой колоды у нас не было уже больше двух веков, и, похоже, за все это время никто не пытался работать с ней. Последний раз она возникла при королеве Елизавете, когда один из моих предков бежал в Англию, спасаясь от преследований испанцев. Тогда с помощью карт он поднял ураган, погнавший Великую Армаду на север, мимо берегов Шотландии.

Нэнси нахмурилась. Генри тут же замолчал и она решила спросить:

- Ты хочешь сказать... Ты имеешь в виду, что он... Прости, дорогой, я, кажется, не понимаю. Как он мог поднять ураган?

- "Перебирает карты ветер", - отозвался Генри. - Не старайся поверить сразу. Считаю, что это - легенда. Просто представь, как безвестный беглец, бродяга, стоит ночью на морском берегу и тасует карты - вот эти самые, - он накрыл ладонью стопку с жезлами. - Он до тех пор перемешивал их с воздухом, пока не поднял бурю и не направил ее через море, на погибель флоту короля Филиппа. Ну, представила?

- Да, - неуверенно отозвалась Нэнси. - Сумасшедшая сцена, но это я могу представить.

Генри наклонился, молча собрал со стола и положил в футляр мечи, жезлы, чаши и Старшие Арканы. Потом отодвинул футляр в сторону и взял карты с денариями.

- Ну а теперь, - он улыбнулся, - посмотрим, что могут сделать наши руки вместе?

- Командуй, - коротко ответила Нэнси.

Он дал ей четырнадцать карт, встал за ее плечом, помог разобрать карты по семь в каждой руке - и положил ладони на ее запястья.

- Теперь слушай внимательно, - шепнул он ей в самое ухо, - думай о земле, о садовых грядках, о суглинках на полях, о пыли на дорогах; о той земле, на которой растут цветы, о земле, которой когда-нибудь будут преданы наши тела, о земле, из которой состоят острова и континенты. Можешь?

- Да, Генри, - тихо откликнулась она, чуть помедлив на втором слове, еще полнее отдаваясь

его воле.

- Земля, земля, на которой все растет и умирает, - снова заговорил он, наполни свое сознание этим образом. И расслабь руки, пусть они будут готовы тасовать карты. Держи их уверенно, нелегко, и если почувствуешь, что они хотят двигаться - не мешай им, просто помогай скользить и перемещаться. Ты не боишься?

- А надо? - простодушно спросила Нэнси.

- Никогда не бойся, - ответил он, - ни сейчас, ни потом. Не бойся. Это знание, и нам оно должно пойти на пользу. А теперь - начали.

Нэнси сосредоточилась. Она начала настраивать сознание на заданный образ, сначала - в общих чертах, потом все увереннее и конкретнее. Она думала о садах, о земле, от которой зависит рост растений; иногда она сухая как пыль, иногда набухает влагой и становится жирной грязью. В ней ползают черви, корни травы пробираются вниз. Нет, корни и черви ни при чем - только земля, плотная густая земля.

Огромные корни деревьев погружаются в нее все глубже - она мысленно следовала за ними, сопровождая каждый все утончающийся корешок. Она наполнялась землей, погружалась в землю; вот она сама, как корень, вросла в землю по плечи. Комья чернозема разваливаются под натиском лопаты.., нет, это разваливаются ее мысли... Рыть... Норы, ямы, шахты, туннели, могилы - нет, это уже не земля. Могилы - тела, лежащие в них, снова уходят в землю, становятся землей. Земное - земле. И сама она тоже земля: колени, бедра, плечи. Земля у нее в руках, земля на ладонях.

В земле - родники, глубинные ручьи, водоемы, колодцы, реки; потоки воды мчатся меж скалистыми берегами или спокойно текут по поверхности. Земля долго стискивала их, они пробивались наверх... - Нет, не вода - земля. Ноги прильнули к ней, вырастают в нее, все сильнее ощущение единения с материнской стихией. Где-то есть скалы, но сама она - не скала, пока не скала. Что-то живое, похожее на нетерпеливую воду, бурлило в ней, что-то инородное стремилось проникнуть в ее естество. Губы стали шершавыми, лицо, наверное, потемнело под слоем земли. Она хотела поднять руку и смахнуть грязь со щек только не ладонью, потому что ладонь тоже была в земле, она чувствовала отдельные песчинки. Пальцы разминали земляной ком. Она сжимала землю, старалась удержать, не уронить ее.

"Мягче, не так резко", - прошептал в ухо чей-то голос. Звук вернул ее к началу, разрушил чары. Она снова увидела карты, свои руки и руки Генри, увидела, как ее пальцы тасуют карты, все быстрее и быстрее. Она попыталась уловить ритм их движения, это ведь не она задавала его. Теперь стало понятно: ощущение земли, готовой просыпаться между руками вызывали карты. Они будто сами сновали туда-сюда: вот наверху оказалась четверка с денариями, потом туз, мгновенье спустя - рыцарь, потом король в шляпе, с бородой в четыре пряди, держащий монету рукой, затянутой в перчатку. Монета сверкнула и тут же снизу выскользнула новая карта. Рука Нэнси помогла ей лечь наверх. Это была девятка денариев. Она услышала легкий звук - странный, несмолкающий звук, похожий на слабое шуршание. На картах был песок! Или песок на ее руках? Откуда этот шелестящий шорох? Он не пригрезился ей, как не пригрезилась и субстанция, скользящая между пальцами. Под руками с картами она увидела стол, но какая-то странность в нем заставила ее взглянуться повнимательнее. Он же был черный - ну конечно, черный, а теперь это была тусклая, рыхлая поверхность, а от ее рук словно стекало облако. Именно оно рождало звук. Что-то падало - наверное, земля; дождь из комочков земли стекал с ее ладоней, он уже присыпал часть стола, а комочки земли все продолжали падать, комочки настоящей черной земли...

"Спокойно", - произнес голос у самого уха. Ей внезапно захотелось отшвырнуть карты прочь если бы только она смогла оторвать от них руки! Но теперь было уже поздно: ее земляные

руки принадлежали самой земле, той самой, что возникала и перекачивалась между ее пальцами, земле, уже скрывшей шестерку., и двойку. Но рядом были и другие руки. Она прижалась тыльной стороной кистей к ладоням любимого и сказала, стараясь произносить слова как можно спокойнее: "Может, хватит пока?"

Ей ответил глубокий вздох, а затем голос Генри.

- Хорошо, - произнес он. - Спокойно, спокойно, думай вместе со мной, думай о картах - карты простые рисунки - просто черные линии и пятна краски. Сожми их, сильнее! Теперь сожми их сама крепче.

Казалось, ее рукам пришлось вступить в короткую схватку с тем, что они держали, но карты сопротивлялись недолго. Борьба, если она и была, завершилась. Сильные руки Нэнси сжали карты, подровняли их, приклепнули сверху. Генри снял ладони с ее кистей и взял колоду. Нэнси тут же шагнула в сторону и посмотрела на стол. На нем лежала горка чернозема, словно только что из сада.

На нее навалилась такая слабость, что она покачнулась. Сильная рука Генри придержала ее, помогая опуститься в кресло.

- Все в порядке. Погоди минутку, - с трудом произнесла Нэнси, не отпуская его руку. - Пустяки, пробормотала она сама себе, - все очень просто. Наверное, я просто не привыкла к таким вещам - в этом все и дело.

Она даже не подумала, что случившееся может быть каким-нибудь ловким фокусом. Генри не мог так шутить. Однако на обеденном столе лежала земля. Тетя Сибил удивится, откуда она здесь взялась. Нэнси зажмурилась, а когда открыла глаза, у нее почему-то открылся и рот. Горка земли оставалась на месте.

- С тобой все в порядке? - заботливо спросил Генри.

Нэнси собралась с силами.

- Да. Генри. Что это было? Я хочу сказать...

- Ты испугалась! - с упреком произнес он.

- Ничуть! - ответила она.

- Если ты боишься, то я не смогу тебе ничего рассказать. - Генри вздохнул. - Я не смогу разделить с тобой свое знание, если ты этого не захочешь. А ведь ты видела только начало; тебе лучше сразу это понять.

- Да, милый, - сказала она. - Не будь со мной таким суровым. Все случилось так неожиданно, правда? А она.., она настоящая?

Он зачерпнул немного земли и снова бросил на стол.

- Вполне. Хоть цветы сажай.

- Тогда, - в голосе Нэнси пробились истерические нотки, - позови Агнес, пусть она уберет здесь.

- Потрогай, - предложил Генри, - поддержи в руках, убедись, что она настоящая.

- Ни за что! - воскликнула Нэнси. - Генри, я прошу тебя - позвони. Я хочу посмотреть, как Агнес соберет ее в ведро. Это лучшее доказательство.

Явилась Агнес с ведром и быстро навела в комнате порядок. На лице служанки отразилось только легкое недоумение и недовольство. Понятно, не ее это дело, чем занимались мисс Нэнси и молодой человек, но результат - вот он, - грязь на обеденном столе. Агнес протерла столешницу и удалилась. Нэнси замерла в кресле, и в комнате надолго повисла тишина.

Наконец девушка шевельнулась и посмотрела на Генри.

- А теперь рассказывай, - потребовала она. Он стоял, прислонившись к каминной полке и поглядывая на нее сверху вниз.

- Я уже все рассказал тебе. Все в мире взаимосвязано; некоторые связи видны лучше,

другие - хуже. Между этими картами, - Генри показал на кожаный футляр, - и природными проявлениями существует очень тесная связь...

Она перебила его.

- Да, дорогой, можешь не объяснять. Просто скажи мне еще раз то, что ты говорил про ветер, и про все остальное.

- Земля, вода, воздух и огонь, - начал Генри. - Денарии, чаши, жезлы, мечи. Когда руки знающего человека встречаются с картами, карты оживают...

Она поглядела на свои руки, лежащие на коленях.

- И руки могут это сделать?

- Они могут все, - сказал Генри. - Они обладают силой.

- Но зачем тогда карты?..

Молодой человек улыбнулся. Нэнси вдруг потянулась к нему, он наклонился и нежно взял ее за руки. Движение захватило ее, но все-таки это она поднялась с кресла, а не он склонился к ней. С минуту, пока он шептал какие-то милые пустяки, голос его не покидала радостная энергия, а когда он, наконец, медленно отпустил ее, движение чем-то напомнило Нэнси мастера, который убирает драгоценный инструмент до той поры, пока он не понадобится снова. Генри не спускал с нее глаз - так проверяют, в порядке ли сложное и тонкое устройство, не пострадало ли оно в ходе эксперимента, для которого, собственно, и было предназначено.

Нэнси поправила волосы и снова села.

- В следующий раз я лучше подготовлюсь.

- А будет следующий раз? - поинтересовался он. Нэнси серьезно смотрела на него.

- Если захочешь. Если тебе нужна моя помощь, я готова. Но в следующий раз, пожалуйста, сначала расскажи мне побольше. Почему это вообще происходит?

- Почему - не знаю, - ответил он, - зато знаю, как. Эти карты связаны с одной.., хм, вещью, которую я покажу тебе на Рождество, и связаны с.., нет, тут словами не объяснишь.., скажем, с Танцем.

- С танцем? - удивилась Нэнси.

- Это не обычный Танец, нет, лучше сказать: это намного больше, чем Танец, - ответил Генри. - Сама увидишь. Земля, огонь, ветер, вода - и Старшие Арканы. Когда они вместе с картами, открывается путь к всеведению, к предсказанию будущего. Ах, Нэнси, если ты увидишь то же, что вижу я, и захочешь того же, чего я хочу, перед нами откроется Путь! Если его вообще можно найти, то только так. - Он порывисто подошел к ней. - Руки! воскликнул он. - Руки - это все, ну и еще то, что стоит за ними. Надо ощутить в себе ритм: дай мне - и возьми.

Ее увлекла пылкость, с которой он говорил сейчас.

- Что ты собираешься делать? - спросила она, краснея.

- Кто знает? - ответил он, еще крепче сжимая ее пальцы и взмывая на крыльях собственной громадной мечты. - Творить!

Глава 4

КОЛЕСНИЦА

Перед Рождеством Генри вызвался сам отвезти семейство Кенинсби в дом своего деда. М-р Кенинсби решил уделить пребыванию в гостях неделю, и это вполне устраивало Генри: за неделю-то наверняка удастся совершить задуманное. Странный эксперимент, который проделали они с Нэнси, окрылил его - девушка оказалась прекрасным инструментом для достижения желанной цели. О том, как отразился этот случай на Нэнси, судить было трудно: она больше не заговаривала о картах и в последние дни стала молчаливее, чем обычно. Впрочем, у Генри в это время было столько дел, что некоторое похолодание в их отношениях вполне можно было списать на его занятость.

Внешне все оставалось по-прежнему. Только Си-бил замечала, что Нэнси приуныла, хотя и не хочет этого показывать. Но из всей семьи одна Сибил понимала, как часто люди изображают вовсе не то, что чувствуют, сколько слоев приходится снимать с человека, прежде чем доберешься до его сути. Издавна она привыкла наблюдать за окружающими. Ничем не выдавая своего интереса, она тем не менее зорко отмечала, как в душе племянницы поверх страсти, которую обычно называют любовью, раскинуло крылья какое-то новое переживание.

М-р Кенинсби и не догадывался, насколько близок был к истине, когда обвинял Сибил в безответственности, приравнивая ее к Нэнси. Они были схожи по душевному строю, а несходство характеров объяснялось разным жизненным опытом. Нэнси еще не испытала всех тягот ответственности, этого жернова на шее, от которого человек стремится избавиться всеми силами; этой задачи, имеющей единственное решение - предоставить решать ее Творцу; этого ярма, которое, однажды взвалив на себя, человек привычно влачит всю жизнь.

Сибил давно познакомилась с этими веригами, отказалась от них, и теперь, освобожденная любовью, куда более полной, чем чувство Нэнси, улыбалась юной неофитке, пытавшейся разглядеть сквозь туман собственной невинности итог разыгрывающейся мистерии.

Вот и сейчас Сибил, стоя на ступенях дома, спокойно улыбалась Генри, в нетерпении похлопывавшему по дверце машины. Нэнси поспешно завершала сборы где-то в недрах дома. М-р Кенинсби давал по телефону последние инструкции своим заместителям. Ральф уехал рано утром, а сейчас уже далеко перевалило за полдень; погода выдалась холодная и ясная.

- Позвольте поблагодарить вас за то, что вы еще и везете нас, Генри, сказала Сибил.

Он ответил учтиво, но при этом в голосе прорвалось нетерпение.

- Мне это только в удовольствие, тетя Сибил. Вы позволите мне вас так называть?

Она любезно наклонила голову, но в глазах прыгали чертенята.

- Это ради Нэнси или ради меня?

- Ради нас всех, - ответил Генри. - Между прочим, вам говорили, как трудно вас понять? Вы упорно избегаете лишних движений...

- Как Симеон Столпник? - уточнила Сибил. - Неужто я приросла к столбу между небом и землей? Экое нечеловеческое зрелище!

- В вас действительно есть что-то нечеловеческое, - кивнул Генри. - Вы воплощение всех добродетелей, но стоит присмотреться - и чудится что-то грозное.

- Увы мне! - воскликнула Сибил. - А я-то думала, что в наши дни незамужняя тетка - вполне привычное явление! Старая дева - эка невидаль!

- Дева... - повторил Генри и резко оборвал себя. Минуту поразмышляв, он заговорил снова, но теперь уже с удивлением. - Вот, в этом, пожалуй, все и дело. Вы - странное создание, вы действительно Дева, в вас - тайна владения собой.

В ответ Сибил рассмеялась так же радостно и непринужденно, как нередко смеялась Нэнси.

- Генри, дружочек, много ли вы знаете о старых женщинах?

- Достаточно, чтобы понять, что вы не из их числа, - сказал он. - Тетя Сибил... Хм, даже ваше имя подтверждает это. Вы - чудо девственности из круга Зодиака.

- Вот так комплимент! Если бы не шуба, я бы сделала реверанс. Вы заставляете меня позавидовать возрасту Нэнси - ну, хотя бы на один вечер.

- Пожалуй, я вам не поверю. Вам решительно нечему завидовать. У вас все есть, - сказал Генри.

Договорить они не успели, потому что в этот момент появился м-р Кенинсби, подгонявший Нэнси. Он собственноручно запер двери, после чего все, наконец, спустились к машине, и полисмен на мостовой отдал честь м-ру Кенинсби.

- Добрый вечер, добрый вечер, констебль, - проговорил Кенинсби. - Уезжаем. Такие вот

дела. Веселого вам Рождества.

- Боже милостивый, - шепнула Нэнси на ухо Генри, - папочка, кажется, развеселился.

- Только потому, что не считает полисмена за человека, - так же тихо пояснил Генри. - Он не бывает груб ни с бедняками, ни с собаками. Ему неприятны только равные.

- Ну, дорогой, - отозвалась Нэнси, - на моей памяти ты тоже не предлагал полисмену выпить. - Ее рука проскользнула в ладонь Генри. - Я вся в предвкушении. Мы с тобой вместе. Рождество, и., и все остальное. А полисмен тоже часть всего? Где его искать - в жезлах или в мечях? А может, его место среди твоих загадочных Арканов?

- Констебль? - на мгновение задумался Генри. - А не поискать ли его среди Императоров?

М-р Кенинсби как раз закончил разговор с констеблем об охране дома и шел теперь к машине. Сибил уже устроилась на заднем сидении, Нэнси заняла переднее, а м-р Кенинсби сел рядом с сестрой. Генри запустил мотор, захлопнул дверцу, и они поехали.

Первые мили прошли в молчании. Каждый воспринимал движение по-своему; если для мужчин это было движение к чему-то, то для женщин, скорее, в чем-то. М-р Кенинсби ощущал его как устремление к ближайшему и неизбежному будущему, от которого ожидал одних неприятностей. Генри всей душой рвался в будущее; оно сулило ему испытание и победу. Нэнси и Сибил будущее могло предложить только новые формы блаженства; куда бы они ни отправились, они все равно оказались бы там же, где пребывали и сейчас, а время в пути просто позволяло одной радости перейти в другую.

В замкнутом пространстве экипажа движение мыслей четверых людей плавно переходило в движение четырех тел, взаимосвязанных и до известной степени гармоничных. Всех четверых соединяли незримые нити; каждый испытывал взаимное притяжение остальных и, в свою очередь, влиял на их свободу. Знание танцевало со знанием; в танце возникали то резкие па озабоченности, то плавные пируэты удовлетворения - обычный язык, которым вынуждены пользоваться души в тварном мире.

Полисмен на перекрестке поднял руку. Генри показал на него Нэнси.

- Ты хотела взглянуть на Императора, ну так вот он.

- Ты шутишь? - неуверенно спросила она.

- Ничуть, - серьезно ответил Генри. - Посмотри на него.

Она посмотрела. Последние несколько дней она часто рассматривала карты Таро и теперь легко припомнила нужный лист. Может быть, что-то в облике полисмена, в его плаще, блестящем под фонарем на темнеющей улице, навело Нэнси на мысль о связи с определенной картой; возможно, она уловила то общее, что существовало между императорами и халифами, кади и мировыми судьями, преторами и алькальдами, ликторами и констеблями - как бы там ни было, на миг сквозь сумерки ей почудилась тяжелая официальная поступь Императора из Старших Арканов в шлеме и в белом плаще, вытянувшего вперед руку со скипетром, словно Карл Великий, некогда призвавший своим властным мечом разрозненные племена Европы выйти из лесов и подчиниться ему. От ног Императора Запада начинались широкие дороги: в Рим, в Париж, в Экс, в Византию; по обочинам народы еще только строили свои города. Гул огромных толп волной хлынул в сознание Нэнси. Фигура в белом плаще управляла несметными народными множествами легкими, почти незаметными жестами; везде царили закон и порядок. Каждое тело пребывало на своем месте, двигаясь или замирая в нужный момент, и автомобиль Генри вдруг оказался частицей этого мирового движения. За окном машины мелькнуло лицо под каской, и Нэнси отвела глаза она поняла, что не должна видеть его.

Но теперь, не разглядев, каким же оно было это лицо, она еще глубже погрузилась в сумеречные грезы, где конкретные черты только мешали проникновению в сущность вещей и постижению силы, правящей миром. Ей все казалось, что где-то поодаль она различает

властную фигуру в белых одеждах...

На улицах шла оживленная предпраздничная торговля, но автомобиль отгородил Нэнси и от покупателей, и от продавцов, унося ее все дальше и дальше. Казалось, он плавно мчится с вершины огромного холма, а городская суэта, словно пыль, поднятая колесами, остается позади и оседает на высоких гребнях откосов по обочинам. Краешком сознания Нэнси понимала, что шоссе совсем не соответствует картине, представшей ее воображению, но не могла отделаться от ощущения, что они вот-вот вырвутся на настоящую дорогу. Почувствовав угрозу неведомого, она принялась отчаянно вспоминать все, что знала об автомобилях, полисменах и молодых людях - вот Генри, например...

Это помогло, Нэнси начала приходить в себя, когда внезапно - уже в предместьях Лондона автомобиль притормозил возле большого здания. Над воротами горел свет, в освещенном кругу сидела привратница с большим ключом. Ворота свет женщина... В сознании Нэнси вновь вспыхнула одна из карт Таро: императорский головной убор, плащ, разлетающийся, как крылья, гордое, строгое лицо, повернутое к арке над воротами, где на границе света и тени терялось геральдическое изображение какого-то крылатого существа. Кто-то, где-то, наверное, отец на заднем сиденье - что-то произнес, и в его голосе Нэнси услышала отзвук безысходной боли. Но машина снова ускорила ход, и они полетели дальше во тьму, оставив позади и эту царственную фигуру.

Нэнси хотела заговорить с Генри, но не смогла. Они сидели совсем рядом, но у нее почему-то не было уверенности - есть ли в машине вообще кто-нибудь. Не сам ли автомобиль показывает ей то, что хочет, а вовсе не то, что есть на самом деле? Видимо, Нэнси впала в транс; автомобиль двигался и вместе с тем оставался неподвижен, парил, мчался и одновременно стоял у входа в глубокое, мрачное ущелье, по обе стороны которого вздымались величественные фигуры. Они стремительно проносились мимо и все же оставались на месте. Неопределимые, они сами определяли все, создавали и удерживали Путь, уготованный именно ей, Нэнси. Там над дорогой летело облако; сквозила Луна; туман и превращения царили вокруг, а может быть, это реял белый плащ Императора, а в лунном свете проступало ясное и холодное лицо Императрицы, каким оно запомнилось ей по одному из Старших Арканов. Но в ущелье поджидала тьма; глубже и глубже, неподвижно и на полной скорости Нэнси и ее спутники уносились туда.

Нет, она не смела заговорить с Генри; он вел машину; если отвлечь его, они могут разбиться. Нэнси позволила себе только один беглый взгляд, мольбу сердца, и в тот же миг вспомнила, где видела это лицо раньше. В колоде Таро ей не раз попадалось изображение Колесницы: возница подался вперед к двум запряженным сфинксам... У возницы было лицо Генри. Да, Генри..., но вот странно: что-то в этом лице напоминало и тетю Сибил! Лица, фигуры - все внезапно смешалось. Над полисменами, привратницами, Императором, Императрицей, Сибил, Генри, сфинксами, возницами росла и грозила вобрать в себя всех чья-то новая тень. Они мчались именно к ней, к этой форме, которая вот-вот проявится, к тому лицу, которое сейчас возникнет из...

Автомобиль притормозил, и Нэнси невольно вскрикнула. Впереди на дороге свет фар выхватил из темноты видимое до мельчайших подробностей тело худого, обнаженного человека, подвешенное за руки к перекладинам столба; голова несчастного склонилась на плечо, ее словно подпирали жуткий венец из длинных колючек. Широко открытыми глазами Нэнси впиалась в фигуру и думала лишь о том, что изображение перевернуто; голова должна быть внизу; так было на картах. Повешенный изображался вверх ногами. Вот и здесь, сейчас, он точно такой же, мертвенно-бледный, страдальчески изогнувшийся, и голова склонилась, но она вверх.

Нэнси вскрикнула и проснулась. По крайней мере, все остальные решили именно так. Генри заботливо тронул ее за локоть, отец раздраженно проворчал что-то, а перед ней на дороге стояло довольно грубо сработанное распятие.

Генри быстро успокоил ее. Нэнси поудобнее устроилась на сиденье и совершенно искренне попросила прощения. Да, конечно, ей просто приснилось что-то страшное.

- Дорогая, это действительно было, - едва слышно шепнул Генри.

- Конечно, так и было, - хмыкнул отец.

- Конечно, так и есть, - сказала Сибил. - Кое-кто просыпается, Нэнси.

Они поехали дальше и благополучно добрались до цели, не считая еще одного приключения, которое уж точно не было сном.

Автомобиль проезжал очередную деревню ближайшую к дому деда, как объяснил Генри. Ехать оставалось всего пару миль. Они только что миновали церковь и домик священника. Дорога петляла по холмам, забираясь все выше. М-р Кенинсби глядел на зимнюю мглу за окном и содрогался, думая о Лондоне, Истборне и предстоящих пяти-шести днях. Генри только что обернулся к нему и через плечо обронил: "Теперь недалеко", таким тоном, каким демон у Данте мог бы объявлять душе, что она уже близка к отведенному ей кругу Ада.

Внезапно Генри выругался и ударил по тормозам. Покрышки протестующе взвизгнули, машина прокатилась еще немного и встала. В шести футах перед капотом прямо посреди дороги сидела на корточках какая-то старуха. Рядом с ней стоял рослый, грубоватого вида юноша и словно ждал чего-то.

- О Господи! - проговорил м-р Кенинсби. Женщина что-то говорила, но сидевшие в машине не могли ее слышать. Генри открыл дверь и выскочил на дорогу. М-р Кенинсби открыл окно; Нэнси и Сибил машинально последовали его примеру.

- Добро пожаловать домой, Генри! - произнесло дряхлое создание высоким пронзительным голосом.

Генри сделал два шага вперед - неизвестный молодой человек внимательно посмотрел на него и подошел вплотную к старухе. В свете фар она казалась очень старой, сухой и смуглой. Платок, покрывавший ее голову, наверное был когда-то красного цвета, теперь он стал просто пятнистой тряпкой. На ноге, выглядывавшей из-под рваной юбки, красовался грубый мужской башмак. Старуха выпростала руку из шали и помахала перед Генри сухонькой ладошкой, словно в нелепом приветствии.

- Что ты тут делаешь? - раздраженно спросил Генри.

Нелепое существо в ответ захихикало.

- Я шла к Аарону в гости, Генри. Я очень устала. Не подвезешь меня в своей роскошной карете? Меня и Стивена. Милого крошку Стивена - он так заботится о своей бабушке, о своей бабке... - Ее речь сменилась невнятным бормотанием. Генри посмотрел на Стивена.

- Убери ее с дороги.

Юноша с недоумением оглянулся.

- Она делает, что хочет, - невыразительно произнес он.

- Две пригожие госпожи и один пригожий джентльмен, - забормотала старуха. - Добрая барышня, и она впиалась взглядом в Нэнси, смотревшую из окна, - добрая барышня, тебе предсказывали будущее? Он, - старуха ткнула большим пальцем в сторону Генри, - он думает, что умеет предсказывать судьбы, но он ведь не бог. Повезет тому, милая барышня, кто повстречает богиню в пути. Тебе повезет, тебе и твоим детям, если богиня расскажет твою судьбу.

Генри что-то пробормотал, но так тихо, что его не расслышали. Сибил открыла дверцу и вышла из машины. М-р Кенинсби резко произнес: "Вернись, Сибил", - но она только

улыбнулась в ответ. Тогда и он, крайне неохотно, выбрался вслед за сестрой. Старая ведьма смотрела на них, склонив голову набок.

- Молодая госпожа боится богини? - спросила она. - Или она тоже поможет мне искать? Благословен тот, кто найдет его.

- Уйди с дороги, Джоанна, - почти не сдерживая раздражения сказал Генри.

- Генри, милый, - сказала Сибил, - может быть, нам с ней по пути?

Он гневно махнул рукой, но не ответил.

Вы ее знаете, Генри? - резко спросил м-р Кенинсби.

- Папочка! - Нэнси нежно тронула отца за рукав. - Не сердись на нас, Генри не виноват.

"На нас", - горестно подумал м-р Кенинсби. - "На нас! Ничего себе!"

- Хочешь вернуться домой? - спросил Генри.

- Домой? - пронзительным голосом переспросила старуха. - Поля, реки, море - вот его дом.

У вас одеяла, у вас - постели, у вас - тепло, а мой младенец холодный!

Генри махнул рукой, показывая, что все сейчас уладит. Ведьма склонила голову к другому плечу и посмотрела на него.

- Будь ты проклят, Генри Ли, - вдруг закричала она пронзительно, - если ты знаешь и не говоришь мне. Я ведь только старая дура, а ты - человек образованный, адвокат, но ты ушел жить в дома и забыл про тех великих, которые живут в шатрах. И если ты найдешь хоть клочок кожи и не скажешь мне, если ты найдешь то место, куда упала хоть капля крови, и не скажешь мне, ты будешь уничтожен вместе с врагом, когда я и мой сын снова найдем друг друга. Я прокляну тебя и языком моим, и руками, я наложу на тебя заклятье, я...

- Уймись, - грубо перебил он. - Кто ты такая, чтобы проклинать? Ты простая старуха-цыганка, Джоанна.

- Я была цыганкой, - сказала она, - а теперь я больше, намного больше. Ага, испугались! Будь ты проклят, Генри Ли! Стивен! Стивен!

- Да, бабушка, - отозвался юноша.

- Говори, говори немедленно - кто я?

Стивен ответил совершенно бесцветным голосом:

- Великая богиня.

- Как имя богини? - пронзительно спросила Джоанна.

- Страница Исида, - прозвучал меланхоличный ответ.

- Что ищет Страница Исида?

- Плоть, кости и сердце умершего. - Юноша облизнул пересохшие губы.

- Где они, плоть, кости и сердце умершего?

- Здесь, там, повсюду.

- Хороший Стивен, славный Стивен, - удовлетворенно пробормотала она и внезапно вскочила на ноги. Генри метнулся, чтобы оказаться между ней и Сибил, но у него на пути встал Стивен. Мужчины готовы были сцепиться, но голос м-с Кенинсби остановил их.

- Где же ищет их Божественная Исида? - невозмутимо спросила старуху Сибил.

Джоанна перевела взгляд с Нэнси на Сибил, и на лице у нее отразилась радость. Она шагнула вперед.

- Кто ты, которая говорит так, словно знает богиню? Когда мы встречались с тобой? Сибил тоже сделала шаг вперед.

- Может, на рисовых полях, - отозвалась она, или в городах. Не помню. Нашла ли ты хоть часть того, что ищешь?

Дряхлое существо подошло еще ближе и протянуло руку. Сибил в ответ протянула свою. Их руки соединились, и женщины застыли. Слева от них напряженно и враждебно смотрели

друг на друга два молодых человека; справа м-р Кенинсби, трясаясь от негодования, стоял рядом с Нэнси около машины.

А вокруг над холмами Сассекса сгущалась зимняя мгла.

- Ведь ты чужестранка.., христианская крыса, не то вопросительно, не то утвердительно проговорила ведьма. - Тебе ли узнать богиню, даже если ты встречала ее в Египте?

- "Из Египта воззвал я сына моего", - сказала Сибил. - Можно ли искать бога и не принадлежать к его дому?

- Тогда поклонись мне! - вскричала безумная. - Поклонись Божественной Исиде!

- Но ведь я поклялась поклоняться только Богу, мягко ответила Сибил. Пусть простит меня Исиде, и мы с ней вместе будем искать единство.

- Они разорвали его, они разбросали его повсюду, - причитала несчастная. Он был хороший, такой хороший, когда однажды играл со мной!

- Он будет такой же хороший, когда найдется, успокоила ее Сибил. - Мы непременно найдем его. Хочешь пойти со мной искать его?

Цыганка повернула голову и принялась.

- Оно приближается. Я чувю это уже несколько дней. Они собирают его воедино - ветра и воды несут его. Иди своей дорогой, чужеземка, и позови меня, если найдешь его. Я должна быть одна. Я одна, и я иду одна. Я - богиня. - Она пристально посмотрела на Сибил. - Но я благословлю тебя. Преклони колени, и я благословлю тебя.

М-р Кенинсби много лет занимал ответственный пост попечителя дома умалишенных, но за все эти годы он ни разу не испытал такого потрясения. Его сестра встала на колени. Но прежде, чем он успел вмешаться, рука Нэнси твердо сжала его плечо. Старуха простерла обе руки над головой Сибил и разразилась потоком непонятных слов. Только в конце она снова заговорила по-английски:

- Это - благословение Исиды. Иди с миром. Стивен! Стивен! - Юноша тотчас оказался подле нее. -Мы уходим. Мы уходим не с ними - этой ночью еще не с ними. Я учую его, я узнаю его, мое дитя, моего Осириса! Он был убит, и он возвращается. Гор, Гор, пришествие Бога! - она схватила молодого человека за руку и через мгновение темнота скрыла обоих. Сибил поднялась на ноги и как ни в чем ни бывало произнесла:

- Генри, не пора ли нам ехать? Кажется, мы здесь больше не нужны.

Он почтительно распахнул перед ней дверцу.

- Вам действительно это удалось. Откуда вы знали, как надо говорить с ней?

- Мне показалось, что она говорит очень здраво, - ответила Сибил, садясь в машину. - На свой лад, конечно. И мне хотелось, чтобы она поехала с нами, потому что.., я подумала, что она имеет какое-то отношение к вашей семье.

- Джоанна - сестра моего деда, - подтвердил Генри. - Конечно, она сумасшедшая. Она.., но об этом я лучше расскажу вам как-нибудь в другой раз. Стивена она где-то подобрала и научила называть ее "бабушкой" в память о ребенке, который у нее должен был быть.

- Мы просто поговорили, как две тетушки, - подытожила Сибил, усаживаясь поудобнее. - Мне встречались и менее здравые головы.

- Что ты мелешь, Сибил! - наконец прорвало м-ра Кенинсби. - Это просто скандальное представление! Знаете, Генри, я полагаю, нам следует немедленно вернуться в Лондон. Подвергать мою сестру таким переживаниям! Почему вы не вмешались?

- Дорогой, но это будет так утомительно - возвращаться в Лондон, - сказала Сибил. - Мы же все уладили. Я немного замерзла, Генри, не могли бы мы ехать чуточку побыстрее? Доберемся до места, там и поговорим.

- Стоять на коленях посреди дороги! - не мог успокоиться м-р Кенинсби. Что ж, очень

хорошо, поедем дальше, раз ты хочешь. Может быть, мы тоже сумеем кое-что учуять. Интересно, Генри, а дед ваш такой же, как его сестра? В таком случае нас ожидает весьма приятное Рождество. Он, наверно, тоже захочет, чтобы я ему время от времени кланялся, так сказать, для создания непринужденной атмосферы.

Сибил положила ладонь ему на колено.

- Жаловаться следует мне, - сказала она. - Не тревожьтесь, Генри. Мы знаем, что для вас эта сцена была гораздо неприятнее, чем для нас всех. - Рука Нэнси протянулась к ней. Сибил легонько погладила ее. - Дитя, ты же совсем замерзла. Давайте-ка поскорее доберемся до дому. Даже христианская крыса не переживайте, Генри, - не откажется от камина и ломтика поджаренной ветчины. Лотэйр, дорогой, я хотела у тебя спросить как раз перед тем, как мы остановились, - как называется вон та звезда?

- Звезда! - возмущенно фыркнул м-р Кенинсби. Даже когда они остановились перед домом, едва различимым в темноте, он еще не вполне совладал со своим дыханием. Однако слуга, почтительно склонившийся перед гостями у дверей, немного примирил его с действительностью. Старший м-р Ли встретил приехавших в зале. Он был сама любезность, и у м-ра Кенинсби еще больше отлегло от сердца. Уже в течение первых двух минут ему удалось рассказать хозяину о встрече на дороге. "Чем скорее этот - и вправду весьма приятный - пожилой джентльмен узнает, как ведет себя его сестра, тем лучше", - сразу же решил для себя м-р Кенинсби.

Реакция хозяина не обманула его ожиданий. Внук недаром весь последний месяц рассказывал Аарону о тонкостях характера м-ра Кенинсби. Аарон казался подавленным и потрясенным услышанным. Он принес все возможные извинения и предложил отложить объяснения. Ведь гости замерзли, устали и, скорее всего, голодны. Комнаты для них приготовлены, и он надеется, что ужин, положим, через полчаса...

- Я бы не стал называть это обедом,.. - непринужденно приговаривал м-р Ли, провожая м-ра Кенинсби в его комнату. Сибил и Нэнси он предоставил заботам служанок. - Нынче вечером не будем говорить об обеде. Надеюсь, вы простите нам скромность обстановки. В вашем лондонском кругу вы наверняка привыкли к большим удобствам.

- У вас замечательный дом, - отвечал м-р Кенинсби, поднимаясь по действительно великолепной лестнице.

- Построен в тысяча семьсот семнадцатом году, сообщил Аарон. - Одному пэру пришлось срочно бежать из Лондона после восстания якобитов в пятнадцатом году, вот он и выстроил себе этот дом. Любопытная история, как-нибудь я вам ее расскажу. Он был ученым и поэтом и провел здесь жизнь в полном одиночестве.

- Очень романтично, - сказал м-р Кенинсби, чувствуя к пэру-якобиту определенную симпатию.

- А вот эту комнату я осмелюсь предложить вам, - сказал Аарон. - Этим вечером вид из окна, конечно, не очень, но в ясный день отсюда иногда видно море. Надеюсь, вам будет удобно. Итак, скажем, через полчаса внизу?

Он поспешил обратно - маленький, согбенный, но сохранивший бодрость старик, и м-р Кенинсби закрыл за ним дверь.

"Как мало общего между ним и его сестрой, подумал м-р Кенинсби. Удивительно, как могут отличаться друг от друга братья и сестры. - Ему представилась Сибил. - В каком-то смысле Сибил удивительно безответственная. Она ведь спровоцировала эту кошмарную старуху. В ней и самой есть что-то дикое. Какое счастье, что эта черта природы просто не имела возможности проявиться. Кто знает, если бы ту старуху поместить в другую обстановку... Но если у ее брата такой дом, почему же она шляется по дорогам? Во всяком случае, это решает

вопрос с картами. Так и скажу Нэнси, если она еще раз заведет разговор. Чтобы прощальный дар моего дорогого Дункана - те вещи, которые он оставил мне на смертном ложе - чтобы они попали к человеку, у которого тетка цыганка, да еще ненормальная! Исида, - повторил он с глубокой неприязнью. Божественная Исида. Господи Боже!".

Глава 5

НЕПОДВИЖНЫЙ ТАНЦОР

Утром Нэнси с удивлением отметила, что спалось ей хорошо; то же самое, но скорее с неудовольствием, констатировал и ее отец. Спросить, как спалось Сибил, никому в голову не пришло. В ответе можно было не сомневаться. Такие вещи, как бессонница, похоже, не имели к Сибил никакого отношения. Она никогда не говорила об этом, соответственно, никто ее и не спрашивал. В этом мире есть твердое правило: то, что не является предметом живого личного интереса, быстро утрачивает всякую общественную значимость.

Нэнси проснулась, потянулась с удовольствием, вспомнила, где находится, и нашла перспективу провести целую неделю с Генри восхитительной. Вокруг было как раз столько людей, чтобы Генри стал еще более желанным, если не драгоценным. Ей вдруг подумалось, что он, должно быть, уже внизу, а она тут время теряет! Но, уже выскочив из постели одним ловким и гибким движением, она вдруг переключилась на другое настроение. Вот они и здесь - у его деда. Пришло время разобраться со всеми туманными намеками и обещаниями. Генри что-то хотел; что-то ему было нужно от нее; она чувствовала это и нервничала, не понимая, что именно должна сделать.

Нэнси глубоко вздохнула. Генри кое-что уже показал ей, она прекрасно помнила, как земля возникала у нее в руках. Сколько раз с тех пор Нэнси тщательно мыла руки, но ощущение земли на ладонях не проходило. Достаточно начитанная, успевшая приобщиться к краешку человеческой культуры, Нэнси, конечно, вспоминала "Макбета" и даже пришла к выводу, что, возможно, Шекспир говорил о вещах куда более жизненных, нежели представлялось ей раньше. Слова словно возникали и вновь опускались в самые глубины ее существа - "Никакие ароматы Аравии не отобьют этого запаха у этой маленькой ручки" <"Макбет", акт V, сцена 1.>

Нэнси машинально потеряла ладони, потом повторила жест уже вполне осознанно и, снова вспомнив леди Макбет, заставила себя остановиться. Когда-то давно она уже видела это в театре. Ей очень хорошо запомнилось, как леди Макбет поворачивалась к зрителям - высокая, призрачная фигура в глубине сцены, одинокая и проклятая... И Ведьмы как они там пели?

Взявшись за руки, бегом

Вкруговую в пляс пойдём.

Замелькает хоровод,

Из под ног земля уйдёт...

Не это ли произошло с ней вчера в автомобиле когда она не то спала, не то грезилась? И сумасшедшая старуха на дороге... Сестры-ведьмы... Та старуха и тетя Сибил, взявшиеся за руки, как будто они собрались пуститься в пляс... Пузыри земли, которые летают по миру - куда захотят - со сверхъестественной быстротой... Еще одна строчка всплыла в памяти: "Хватит! Чары сплетены!". Сплетены - и ждут, кто их расплетет. И Генри ждет. От ожиданий дух захватывало. День, не успев начаться, уже звенел бесчисленными предзнаменованиями. Ее сердце трудилось вовсю - оно наполнялось растущей любовью. Нэнси прижала ладонь к груди, пытаясь унять томительную боль. "Генри, - произнесла она вслух, - Генри!". Как ей быть? Что могло означать сотворение земли? В том, что происходило с ней сейчас - в радости и муке - был, казалось, какой-то глубинный смысл, ключ к ее грезам, к разгадке тайны сестер-ведьм. Ее новое состояние - оно тоже послано землей.., и водой.

Не в силах больше оставаться на месте, девушка порывисто подошла к окну. Утро

занималось ясное и холодное; на горизонте лежало невидимое море. Где бредет сейчас та скиталица - по береговой кромке, между морем и землей? А в небесах над океаном проступают царственные обличья Императора и Императрицы... В сердце Нэнси рождалась новая, неведомая сила, она выплескивалась на грудь, на плечи, стекала вниз, к рукам, лежавшим на подоконнике. Нэнси коснулась лбом холодного оконного стекла, предчувствуя приближение тайны. В ее душе разворачивалась величайшая из мистерий; вот они, море и земля, и теперь их посланцем была она сама.

Еще слишком рано. Генри, наверное даже не вставал пока. Но не возвращаться же опять в постель! Любовь, утро, растущее напряжение, неизвестность манили ее. Соседнюю комнату отвели тете Сибил, и Нэнси решительно отправилась туда.

Тетя, на ее счастье, не спала. Она задумчиво разглядывала пространство прямо перед собой.
- Я думала, ты спишь, - не очень удачно начала разговор Нэнси. - Знаешь, я ведь никогда не видела, как ты спишь.

- Тебе повезло! - откликнулась Сибил. - Раз ты здесь, значит, тебе что-нибудь нужно - хотя бы просто поговорить.

Нэнси, накинув тетин халат поверх своего собственного, уселась и немножко жалобно посмотрела на тетку.

- Тетя Сибил, - начала она, - а ты на меня не обижаешься?

- А надо? - спросила Сибил.

- У тебя глаза все время танцуют, - сказала Нэнси. - Скажи, пожалуйста, я что, действительно прихожу к тебе только тогда, когда мне что-нибудь от тебя нужно?

- Ну что ж, - медленно проговорила Сибил, если ты спрашиваешь серьезно, то ответ в общем будет утвердительным. - Она хотела добавить, что вполне довольна таким положением дел, но увидела по лицу Нэнси, что племянница чем-то обеспокоена, и умолкла.

- Я не хочу поступать так по-свински, - заявила Нэнси. Сибил сочла заявление риторическим и промолчала. - Но я же не полная эгоистка, правда? - с надеждой спросила Нэнси.

- Я вовсе не думаю, что ты такая уж эгоистка, спокойно сказала тетка, просто ты никого не любишь.

Нэнси взглянула на нее, скорее озадаченная, чем расстроенная.

- Не люблю? Но я ведь правда очень люблю и тебя, и папу, и Ральфа.

- И Генри? - уточнила Сибил.

- Ну, Генри, - Нэнси вспыхнула, - это другое.

- Увы! - с сожалением пробормотала Сибил, но в голосе ее слышалась ирония.

- Почему это "увы"? - переспросила Нэнси. - Тетя Сибил, ты что же, хочешь, чтобы я ко всем относилась так же, как к Генри?

- Ну, с небольшими оговорками, - почему бы и нет? А тебе так не кажется?

- Что же мне, и к двоюродной бабке Генри, или кем она там ему приходится, так же относиться, как к нему? - Нэнси начала фразу с сарказмом, но закончила совершенно растеряно. Сам вопрос, как нередко случается, уже содержал ответ. За Нэнси ответило ее сердце; вопрос обнажил эмоцию, она-то и стала ответом. Любить...

- Но не могу же я, - воскликнула Нэнси, - открыть вот это, - она прижала руку к сердцу, - всем и каждому. Этого просто нельзя сделать! Оно живет только для него.

- Не совсем так, - сказала Сибил. - Оно живет для себя и в себе. Ты можешь просто позволить ему вернуться к вечным истокам.

Нэнси поразмыслила.

- И тогда я стану любить даже Джоанну?

- Если ты разрешишь этому завладеть тобой целиком и полностью, - сказала Сибил, - твое сердце само за тебя все сделает. Ты и не представляешь, как много оно может. Думаю, тебе стоит попытаться.

- Правда? - вспыхнула Нэнси, но тут же вздохнула и заговорила совсем другим тоном. - Знаешь, меня восхищают такие разговоры перед завтраком. Тебе бы миссионером быть, тетя Сибил, и служить заутреню для каннибалов где-нибудь на острове в южных морях.

- Тогда их завтрак, - торжественно произнесла Сибил, - проходил бы особенно весело в ожидании звона колокола, призывающего к началу службы. Если бы только у меня был колокол.

- Ну, у тебя был бы не только колокол, - подхватила Нэнси, - а еще целая коллекция раковин каури, много-много вяленых бананов, и вечерние службы под открытым небом на берегу моря. А мы с Генри свесились бы с борта парохода, на котором поплыли бы в свадебное путешествие, и твой голос донесся бы к нам по воде, и в нас пробудилась бы - что там должно пробуждаться в такие минуты? Ах да, ностальгия, - и мы впали бы в сентиментальность. А отец сказал бы: "Ну уж, эта Сибил"... Что ж, спасибо за участие в судьбе несчастной сиротки. - Она пылко поцеловала тетку. - Правда, спасибо. - И исчезла.

День шел своим чередом, и до самого обеда не случилось ничего неожиданного. Они осмотрели дом, а после второго завтрака отправились гулять. Около полудня из деревни доставили "Тайме", и м-р Кенинсби занялся изучением новостей. Нэнси и Генри появлялись и вновь исчезали; Сибил гуляла, отдыхала, разговаривала, и молчала тоже, не уставая созерцать мир вокруг с безмятежной радостью. Но вот после обеда и кофе в разговоре возникла пауза, которой тут же воспользовался Аарон Ли.

- Мой внук думает, - обратился он к гостям, - что вас может заинтересовать одна диковинка в нашем доме.

- Наверняка, что бы это ни было... - ответил м-р Кенинсби, после обеда ощутивший склонность со всеми соглашаться.

Нэнси тихонько уточнила у Генри:

- Он об этом говорит? Генри кивнул. Аарон поднялся.

- В таком случае, попрошу следовать за мной. - Он направился к выходу. М-р Кенинсби неторопливо последовал за сестрой; он и не подозревал, что атака на его драгоценную колоду Таро уже началась. Они пересекли комнату Аарона и оказались перед запертой внутренней дверью. Старик вставил ключ в замочную скважину и, прежде чем повернуть его, окинув взглядом собравшихся, произнес:

- Генри сказал, что у вас есть одна совершенно особенная колода наших цыганских карт, поэтому, возможно, вам будет интересно э-э.., посмотреть. Полагаю, колода весьма редкая, а вот это, - он открыл дверь, - это, по-моему, еще более редкая вещь.

Генри, стоявший позади гостей, посмотрел на деда поверх голов с легким беспокойством. Ему долго пришлось уговаривать Аарона показать танцующие фигурки чужакам; дед согласился, только когда увидел, что иначе не сможет найти достаточно веских для м-ра Кенинсби причин расстаться с его драгоценными картами. На самом деле один день, проведенный в обществе м-ра Кенинсби, оказался весомее всех доводов Генри. И, самое главное, наконец-то у него в доме оказались карты Таро - необходимый для смертных ключ к фигуркам Великого Танца. Под маской учтивости и гостеприимства шевелились алчность и вражда; Аарон ненавидел собственное двуличие, но другого способа достичь желаемого не находилось.

Нэнси ощутила беспокойство Генри, но причину не поняла.

- Дорогой, - шепнула она, - ничего, если мы посмотрим? Но если ты считаешь, что не стоит, то давай уйдем отсюда.

- Ты должна увидеть, - ответил он в полный голос и быстро, - ты - в особенности. И остальные тоже затем они здесь и оказались.

Она решила, что "здесь" относится к двери, перед которой они стояли, а его возбуждение вызвано близостью таинства, о котором он ей говорил, и радостно приготовилась к загадочным неожиданностям.

- Ты все мне объяснишь, - прошептала она. - А я сделаю все, что ты захочешь.

Он взглянул на нее и увидел глаза, сияющие радостным ожиданием. Он принял этот взгляд, но озабоченность не отпускала его.

- Все дело в твоём отце, - шепнул он в ответ. - Уговори его отдать мне карты. Дверь распахнулась.

- Прошу простить меня, - сказал Аарон, - за то, что я войду первым. Там еще занавесь.

Он шагнул вперед между драпировками, отошел в сторону и приподнял их, так что гости один за другим прошли в освещенную внутреннюю комнату. Первым шел м-р Кенинсби, за ним - Сибил, а потом - молодая пара. Аарон опустил занавески и присоединился к гостям.

Когда они входили, свет отливал красным; но оттенок изменился так стремительно, что это заметил только Аарон - по комнате разлилось приятное зеленое сияние, впрочем, и оно быстро сменилось насыщенными золотыми тонами.

Аарон взглянул на Генри, но тот не отрываясь наблюдал за движущимися фигурками; тогда старый цыган перевел взгляд на гостей. Нэнси была захвачена феерическим действием на столе; м-р Кенинсби изучал его с великодушной щедростью, словно мог бы показать гостям нечто подобное и в собственном доме, но не считал подобные пустяки заслуживающими внимания. На лице Сибил сияла полуулыбка чистого удовольствия.

- Это, - значительно произнес Аарон, - одна из древнейших тайн нашего народа; ее никогда прежде не видел ни один из тех, в ком нет цыганской крови. Но поскольку нам предстоит в скором будущем так тесно породниться, - он отечески улыбнулся Нэнси, - у нас нет причин скрывать ее от вас.

Голос Аарона дрогнул то ли от внутреннего восторга, то ли (как ему вдруг почудилось) привычный вид изменчивого чуда перед глазами вдруг подействовал на него сильнее, чем обычно. Он справился с собой, но излагая гостям заранее отрепетированную с Генри историю, никак не мог унять дрожь в голосе. Сказывался возраст.

- Видите эти маленькие фигурки? Они сделаны так искусно, что, кажется, обладают - как мы это называем - секретом вечного движения. Обратите внимание, как они танцуют - ни на миг не останавливаясь. Мы верим, что силу им придает земля, каждое их движение согласовано с пульсом ее жизни.

Аарон замолчал и сделал Генри знак продолжать, но м-р Кенинсби неожиданно прервал его.

- Весьма любопытно, - сказал он, - это и правда крайне интересно. - И он оглядел комнату. - А свет, надо полагать, падает откуда-то из-за занавесей?

- Свет исходит от самих фигурок, - сказал Генри.

- Неужели? - произнес м-р Кенинсби таким тоном, словно был готов принять любое разумное объяснение, и даже не станет обвинять хозяина, подсовывающего ему нечто совершенно невразумительное. - От фигурок? Ну-ну. - Он поправил очки и подался вперед. - И что же, они двигаются по каким-то правилам или просто, он неопределенно помахал рукой в воздухе, - прыгают?

- Они действительно подчиняются некоему порядку, - ответил Генри. - Все, кроме одной, той, что в центре. Вы сами можете узнать ее; эти фигурки точно такие же, как на ваших картах Таро.

- Да что вы? - произнес м-р Кенинсби, и в нем зародилось слабое подозрение. - Неужели в точности такие же? М-да. Но ведь карты-то не двигаются все время. По крайней мере, - саркастически добавил он, - я за ними этого не замечал.

- Конечно, нет, - согласился Генри. - Но, с вашего позволения, сэр, дело скорее в том, что карты объясняют - или по некоторым признакам можно предположить, что объясняют, - движения этих фигурок. Мы даже считаем вполне возможным, что здесь начало всех гадательных карт и схем. Но секрет их происхождения и сам, так сказать, механизм предсказания был утрачен, вот почему в современном мире гадательная практика пришла в упадок.

М-р Кенинсби не нашелся с ответом; он просто не понял, о чем идет речь, но не хотел утомлять себя, выслушивая объяснения. Вместо этого он решительным шагом подошел к столу.

- Не мог бы кто-нибудь поднять одну из них? Трудно по достоинству оценить работу, когда они постоянно мельтешат.

- Вряд ли стоит трогать их, сэр, - спокойно ответил Генри, метнув раздраженный взгляд на деда. - Равновесие, благодаря которому длится танец, очень легко нарушить.

- О, как вам будет угодно, - сказал м-р Кенинсби. - А почему не танцует тот, в центре?

- Как нам кажется, его роль и положение делают его своего рода противовесом, - ответил Генри. - Помните карту с Шутом? Ей соответствует нулевой номер. Так вот, это та же самая фигурка.

- А тигр рядом с ним зачем? - упорствовал м-р Кенинсби. - Шуты и тигры забавное сочетание.

- Никто ничего не знает про Шута, - вмешался, наконец, Аарон. - Может быть, объяснение - в картах.

М-р Кенинсби хотел было продолжить, но Сибил опередила его.

- Я не могу найти центральную фигурку, - сказала она. - Вы не покажете мне точно, где она, мистер Ли?

Аарон, Генри и м-р Кенинсби разом указали на нее и одновременно, хотя и с разной интонацией, произнесли: "Вот".

Сибил немного подалась вперед, потом - в сторону; она наклоняла голову то так, то эдак, и наконец извиняющимся тоном произнесла:

- Вы сочтете меня ужасно глупой, но я не вижу в центре никакой фигурки.

- Да что ты, Сибил, - не выдержал брат, - вот же она!

- Но, дорогой, ее здесь нет. По крайней мере, я не могу ее разглядеть. Простите, что я такая бестолковая, мистер Ли. Тем более, что ничего прекраснее я в жизни не видела. Это чудесно. Мне только хочется увидеть Шута, о котором вы говорите.

Генри внезапно подался вперед и так сжал плечо Нэнси, что девушка невольно вздрогнула.

- Милый, - прошептала она, - извини, мне больно.

Но Генри даже не ответил. Он просто не замечал ее. Он переводил напряженный взгляд с Сибил на золотые фигурки и обратно.

- Мисс Кенинсби, - сказал он наконец, - а вы вообще-то видите Шута с тигром?

Она внимательно осмотрела стол.

- Да, - кивнула она, - вот здесь.., нет, уже здесь.., он движется так быстро, что я едва могу его различить.., вот он.., нет, опять исчез. Но это, конечно же, он. Он танцует вместе со всеми остальными; и, похоже, всегда появляется на том месте, которое другие освобождают специально для него.

Нэнси обхватила запястья Генри и попыталась освободиться. От боли на глаза у нее боли навернулись слезы, но она продолжала храбро улыбаться.

- Дорогой, тебе правда так нужно мое плечо? Он непонимающе взглянул на нее, машинально убрал руку и, когда она чуть погодя взяла его под локоть, опять не заметил этого. Все его внимание поглощала Сибил.

- Вы видите, как танцует Шут? - настойчиво переспросил он.

Аарона начала бить нервная дрожь. Он прижал пальцы ко рту, словно пытаясь совладать с руками и голосом. Сибил смотрела на стол, не замечая, что происходит с их хозяином.

- Похоже, что так, - сказала она. - Или я что-то путаю?

Генри предпринял отчаянное усилие. Он повернулся к Нэнси.

- А ты ее видишь?

- По-моему, она в центре, - ответила девушка. - И она не двигается.., ну, то есть не совсем...

- Пожалуйста, выражайся яснее, - почти грубо потребовал Генри.

- Да она вообще не двигается, - вмешался м-р Кенинсби. - Она сработана основательно, скажу я вам; тигр совсем как живой. Впрочем, и Шут тоже, любезно добавил он.

- По-моему, она не то, чтобы двигается, - попыталась объяснить Нэнси. Просто у меня такое ощущение, словно я жду, что она сейчас начнет двигаться. Но она все-таки стоит на месте.

- Откуда же тогда твое ощущение? - допытывался Генри.

- Не знаю, - сдалась Нэнси. - Может быть, это потому, что тетя Сибил сказала. Вот мне и показалось, что так и должно быть.

- Так, - подвела итог Сибил, - приехали. Раз вы все говорите, что она не двигается, значит, так оно и есть. Наверное, с моими глазами приключился танец святого Витта или что-то в этом роде. Но мне действительно кажется, что Шут перемещается по всему полю.

В комнате повисла глубокая тишина. Спустя минуту ее нарушил голос Нэнси.

- А что вы имели в виду, когда говорили о гаданиях? - она обращалась к Аарону, но ответа ждала от Генри.

Оба, и дед, и внук, словно только теперь вспомнили о ее существовании. Но старик уже не мог говорить, он только смотрел на внука. Какой-то миг Генри, казалось, не знал, что ответить. Но настойчивый и преданный взгляд Нэнси взывал к нему, и промолчать было невозможно.

- Что же, я постараюсь объяснить, - сказал он. - Именно здесь можно по-настоящему предсказывать судьбу. Позволит ли нам твой отец воспользоваться его колодой?

Прежние подозрения м-ра Кенинсби разом всколыхнулись, но отказать он не рискнул.

- Ну, раз вам так хочется, - сказал он. - По-моему, толку не будет, но поступайте, как знаете. Нэнси, сходи, принеси, они у меня в портфеле.

- Сейчас, папа, - кивнула Нэнси. Генри сделал движение, словно собираясь последовать за ней, но она остановила его. - Не надо, милый. Я мигом, а ты лучше побудь здесь.

Тень расставания мелькнула между ними, и Нэнси вдруг забеспокоилась, как бы даже короткая физическая разлука не повлекла за собой разлуки душевной. Генри, опасаясь оставить Аарона наедине с м-ром Кенинсби, согласился.

- Не задерживайся, - тихо сказал он, а она в ответ прошептала: "Да как же я смогу?" и умчалась.

Торопясь в комнату отца, она размышляла над тем, почему Сибил не увидела Шута и почему ей самой фигурка показалась странно вибрирующей. Так вот что Генри имел в виду! Значит, он рассказал ей еще не все и, наверное, скоро объяснит и остальное. Но при чем здесь Шут и почему для него так важно, движется он или нет? Интересно... Не так уж часто четверо видят какую-то вещь неподвижной, а пятому кажется, что она танцует. Вот если бы кто-нибудь посмотрел сейчас на Нэнси, подпрыгивающую от нетерпения, смог бы он сказать, что она стоит на месте? Иногда, правда, возникают странные ощущения, как вчера, например, в автомобиле. Но это же только видимость, а не сам вид, так сказать. Никто еще не встречал неподвижный

автомобиль, мчащийся по дороге.

Она отыскала карты Таро и поспешила обратно, думая теперь о том, как послушно она делает все, что нужно Генри. Ей вдруг захотелось так же послушно делать что-нибудь и для отца. Но это отец... Он ведь сам виноват, разве не так? Ах, если бы она могла не только делать что-то, но и чувствовать себя при этом счастливой! Не может? Может? Запыхавшись скорее изнутри, чем снаружи, она снова оказалась в комнате, где на столе бесконечно переливался золотистый танец.

Она прошла за портьеры и, оказавшись в мягком расходящемся свете и снова услышав слабый музыкальный звук, почувствовала, как изменилось состояние троих людей, ожидавших ее. Генри и м-р Кенинсби стояли рядом, словно только что оборвали разговор, и смотрели друг на друга отнюдь не дружелюбно. Она тут же сообразила, что произошло видимо, Генри сам решил поднять вопрос о приобретения карт. А отец с обычным своим упрямством, которое даже вполне разумные его поступки превращало в неразумные, конечно же, отказал. Несомненно, карты принадлежали ему, но манера держаться придавала формальной правоте смысл оскорбления. Так серьезно относиться к самому себе - это и значит оскорблять всех остальных. Нэнси почувствовала, что мысль правильная, хотя и не смогла ее отчетливо сформулировать. Своей непреходящей обидой отец бросал вызов всей человеческой расе, он словно постоянно ожидал, что даже старшие дети младших сыновей пэров вот-вот посягнут на его привилегии, наступят ему на пятки. Таким оскорбленным и негодующим Нэнси и застала его, войдя в комнату.

Она вошла так стремительно, что прервала обмен репликами на полуслове. Аарон и Сибил внимательно следили за ходом дискуссии и с облегчением встретили ее появление.

- Ну вот и мы, - объявила Нэнси. - Генри, все так здорово.

Ничего хорошего, тут же поняла она. И вообще ее "здорово" совершенно не годилось для этой комнаты, движущихся фигурок, странной колоды у нее в руке, совершившей чудо с землей, и уж тем более не подходило это слово для описания враждебности на лицах отца и Генри, встревоженного взгляда старого Аарона и непоколебимого восприятия тети Сибил. Нет, слово решительно не годится, но раз другого нет, сойдет и это.

- Ну, кто первый? - она протянула колоду Таро. - Папа? Тетя? Или вы, мистер Ли? Аарон отвел колоду рукой.

- Нет, нет, - торопливо проговорил он. - Они ваши, лучше уж кому-нибудь из вас.

- Только не я, увольте. Я совершенно не склонен к подобным удовольствиям. - М-р Кенинсби сердито засопел и отвернулся.

Сибил отказалась от колоды молча.

- Тетя, ну пожалуйста! - Нэнси вдруг ощутила, что если тетя примет участие в игре, будет как-то безопаснее.

- Я действительно не хочу, Нэнси, только не обижайся, - голос у Сибил был извиняющийся, но непреклонный. - Слишком уж это напоминает попытку выведать чужую тайну.

- Чью, например? - еще не остыв, с вызовом поинтересовался Генри.

- Я не имела в виду конкретную личность, - пояснила Сибил. - Скорее, все окружающее..., вселенную, так сказать. Если уж она заваривает всю эту кашу, чтобы в следующую минуту побыть в покое, просто неприлично нарушать ее уединение. Вы уж простите.

Нэнси отметила про себя, что в этот раз тетушка не стала добавлять, как нередко делала, что все это, возможно, ее глупость. Вот дурацкая ситуация! Ну и что ей теперь делать с этими картами?

- Ты думаешь, нам тоже не следует этого делать?

- Ну почему же, - спокойно ответила Сибил. - Делайте, если можете. Просто я - вы уж

простите не могу.

- У меня сложилось впечатление, - Генри, наконец, справился с голосом, что у вас особые отношения со вселенной. Вы не боитесь, что однажды она вас обманет? А вдруг она готовит для вас какую-нибудь крупную неприятность?

- Знаете, - отозвалась Сибил, - один из героев Диккенса как-то сказал: "Такого не бывает, видите ли, так что и допускать нечего". Это Траддл, конечно. Что-то я начала забывать Диккенса, надо бы перечитать. Нэнси, я думаю, вы с Генри справитесь с этой задачей.

Генри попытался изобразить уверенную улыбку, но в его взгляде Нэнси заметила озабоченность. Это случилось уже не в первый раз, а точнее, случалось всегда, когда на сцене появлялись карты Таро. Однако в следующий момент Генри, видимо, принял решение и накрыл ладонью руку Нэнси, державшую карты.

- Не все ли равно, чью судьбу смотреть? - сказал он. - Давай посмотрим твою, если не возражаешь.

- А ты не хочешь посмотреть нашу? - в ответ предложила Нэнси. - Может быть, пора распрощаться с этими разделениями?

- Хотелось бы думать, что пора, - ответил он, но тебе придется разложить карты для нас обоих, а интерпретацию предоставить мне. Ты поверишь им?

- А это будет правда? - спросила она.

- Как земля в твоих руках, - ответил он, и у м-ра Кенинсби любопытство чуть не одолело враждебность. Он едва сдержался, чтобы не спросить, на что намекает Генри. - Смотри, сила течет между ними, он указал на движущиеся фигурки, - и твоими руками, карты движутся этой силой. Начнем?

Он мягко повернул Нэнси лицом к столу, и Аарон Ли, оказавшийся между нею и фигурками, торопливо отошел назад. Потом, вынув карты из чехла, Генри расположил их у нее в обеих руках так же, как в тот памятный вечер. Воспоминание вернулось к ней с неожиданной силой. Но на этот раз, придав ее рукам нужное положение, он не стал накрывать их своими; наоборот, отошел на шаг и жестом попросил Сибил, стоявшую слева, сделать то же самое. Нэнси оказалась одна лицом к лицу с золотым столом.

- Подойди поближе, - сказал Генри. - Хорошо. Начинай.

Ощущение земли под пальцами вернулось с неожиданной силой. Надо было либо продолжать игру, либо бросить всю эту затею. Достаточно выдержать паузу, рассмеяться, извиниться перед всеми - и особенно перед Генри - и просто положить карты на стол. Она вовсе не обязана входить в этот свет, в золотистый туман, разлитый в воздухе между нею и столом; она еще может отступить, может отказаться от знания. Любовь и без того переполняла ее, принося огромное удовлетворение, поэтому Нэнси и не спешила пытаться будущее - даже если карты действительно могут открыть его. Но, замерев на пороге судьбы, она не могла найти ни одной достойной причины для отступления. Сейчас она ощущала себя волей Генри, и одновременно своей собственной волей, помогающей его воле. Никаких нравственных преград Нэнси не видела, значит, надо идти вперед.

Она сделала шаг, и сердце забило быстро и сильно. Золотистый туман принял ее и причудливо изменил карты, зажатые в пальцах. Она сделала еще шаг и сквозь туман различила величавое движение вечной гармонии, разворачивающееся перед ней. Образы ли на картах, фигурки ли на столе стали выше, крупнее, перелились друг в друга, и теперь уже решительно нельзя было сказать, какой они природы. Нэнси ощутила дерзкую решимость и сделала третий шаг. Голос Генри предостерег ее:

- Остановись, подожди карты.

Нэнси обернулась на голос, но Генри был слишком далеко позади, чтобы различить его.

Заго сквозь изменчивую, текучую пелену света она увидела другую фигуру и поняла, что это - Аарон. Только теперь старик гораздо больше походил на один из образов Таро - на Рыцаря Жезлов. Трость превратилась в поднятый скипетр, старое лицо стало молодым, шапочка оказалась тяжелым средневековым головным убором... Фигура стала расти, двинулась, туман за клубился и скрыл очертания. Карты задрожали в руках у Нэнси; она взглянула на них, и в тот же миг одна из карт взлетела в воздух и медленно опустилась на пол. За ней взлетела другая, потом еще одна, и скоро они превратились в сплошной листопад. Она даже не пыталась собрать их - знала, что не удастся. Перед ней возникали и исчезали все новые фигуры, и как только она останавливала взгляд на какой-нибудь из них, тут же соответствующая карта выскальзывала из пальцев и в падении начинала описывать спиральные круги, пока не пропадала из поля зрения в вечно клубящемся тумане.

Теперь карты стали огромными, словно листья какого-то пра-дерева, то ли священного дерева Бодхи, под которым будда Гаутама достиг нирваны, то ли ясеня Иггдрасиль из северных преданий, то ли старой оливы из Гефсиманского сада. Сравнение с листьями вовсе не было мысленным образом, карты потеряли свою прямоугольную форму и падали словно настоящие листья, медленно уносимые ветром, овевавшим лицо Нэнси и взвихривавшим золотистое облако. Она всматривалась и чувствовала, как слабеет; гротескные руки, вытянутые вперед, никак не могли принадлежать Нэнси Кенинсби скорее уж какому-нибудь неведомому великану. Она с усилием отвела взгляд и посмотрела вперед, прямо на танцоров. Они теперь были раз в двадцать выше прежнего. Внезапно одна из групп выступила перед ней из тумана ярче других. Их было трое подняв изящно изогнутые левые руки, они на цыпочках кружились вокруг общего центра. Нэнси всмотрелась и узнала их: Королева Чаш держала свой кубок у груди; нагая Смерть-крестьянин сжимала серп в правой руке; зловецкий египетский Сет с ослиной головой и прикованными к нему пленниками воплощал бесконечную злобу. Они кружились все быстрее, и каждый из них, приближаясь к Нэнси, протягивал к ней свой символ. Музыка, до этого звучавшая негромко, поднялась до пронзительного воя ветра, ветер крепчал и становился все холоднее, набрасываясь на нее злобными порывами. Нэнси казалось, что она затерялась в ледяном пространстве, и руки ее оказались пусты, но промозглый ветер уже стихал; последние обрывки золотого тумана проносились перед ее глазами. А когда исчезли и они, оказалось, что ее близкие стоят рядом, хотя танец, центром которого она только что ощущала себя, все еще словно бы длился: три танцора продолжали кружиться вокруг, их левые руки соединялись над ее головой, отделяя и закрывая Нэнси от остальных. Какое-то знание пронзило все ее существо, и сердце отозвалось тупой болью, так непохожей на сияющую муку любви. Но боль пришла и ушла.

Голос Генри произнес позади нее:

- Счастливая судьба, дорогая. Давай посмотрим на карты.

Пожалуй, Нэнси больше хотелось бы, чтобы посмотрели на нее. Она остро пожалела себя и тут только заметила раскинутую на столе извивающуюся линию карт. Рядом стоял озадаченный отец, а Генри наклонился над столом, разглядывая карты. Ему через плечо заглядывал Аарон Ли, а потом между Нэнси и столом, на который ей совсем не хотелось смотреть, возникла фигура Сибил. И, чтобы не смотреть на стол, она стала смотреть на тетю. Это было гораздо лучше, и скоро Нэнси молчком взяла тетю за руку. Женщины без особого интереса ждали, что скажет Генри. Однако молодой человек был слишком поглощен картами и не замечал ничего.

- Тебя ждет долгая дорога, - сказал он, - и весьма скоро. Кто-то будет пытаться сильно влиять на тебя. Тебе предстоит обнаружить худшего врага в собственном сердце. Тебе будут угрожать серьезная болезнь или несчастный случай, но, похоже, ты справишься со всем. Мужчина будет обязан тебе всем, а женщина будет руководить тобой, и ты умрешь богатой.

- Я очень рада, - слабым голосом сказала Нэнси. Она невероятно устала, но чувствовала, что должна выказать хоть какой-то интерес. - Генри, - продолжала она, - а почему нулевая карта лежит отдельно от других?

- Не знаю, - ответил он, - я ведь уже говорил тебе: никто не знает, как надо понимать Шута. Разве что вы? - быстро добавил он, обращаясь к Сибил.

- Нет, - сказала она. - Я, как и вы, вижу его отдельно от остальных. - Она помедлила, но, видя, что Генри не шелохнулся, добавила непринужденно:

- Ты не слишком устала, Нэнси? Генри, милый, это был удивительно увлекательный вечер, и вы превосходно читаете будущее. Я рада, что у Нэнси все получилось. Но, надеюсь, вы извините нас, если мы с ней прямо сейчас отправимся спать? Я понимаю, что еще совсем рано, но у вас здесь такой воздух...

- А? - очнулся Генри. - Простите, я прослушал. Сибил с готовностью повторила. Генри вскочил на ноги.

- Нэнси, милая моя, я так невнимателен, - сказал он, заглядывая ей в глаза. - Конечно, ты совсем замучилась. Мы все, наверное, пойдем, - разве что вы захотите.., продолжить опыты, - последовала нарочитая пауза, - с вашими картами.

- Нет, благодарю вас, - холодно отозвался м-р Кенинсби. - Я, пожалуй, отнесу их обратно сам. - И он поглядел на разбросанную по полу колоду.

- Я сейчас провожу Нэнси и соберу их, - предложил Генри. - А до тех пор ничего с ними не случится.

- В таком случае, я соберу их сейчас, так будет быстрее, - отвечивал м-р Кенинсби. - Вещи иногда имеют обыкновение теряться.

- В этой комнате никогда ничего не терялось, заметил Генри.

- Но к коридорам и к другим комнатам это не относится, - фыркнул м-р Кенинсби. - Нэнси, думаю, подождет минутку. Она, кстати, успела бы собрать их, пока вы рассуждаете, молодой человек, - и он потянулся к картам.

Генри опередил его, но, когда он вложил колоду в футляр и протянул владельцу, смуглое лицо его слегка порозовело. М-р Кенинсби вцепился в свою собственность, бросил презрительный взгляд на танцующие фигурки и направился к выходу. Генри взял Нэнси под свою опеку (Сибил охотно уступила), и они направились вслед за м-ром Кенинсби. Проходя под занавесями, Нэнси вдруг живо поинтересовалась:

- А зачем здесь эти драпировки? Генри наклонился к ее плечу.

- Если хочешь, я покажу тебе. Чем скорее, тем лучше. Ты действительно так сильно устала? Или еще можешь посмотреть, какое великое будущее покажут нам карты?

Нэнси оглянулась на комнату.

- Дорогой, давай лучше завтра? По-моему, сегодня я и так сделала немало.

- Тогда отдохни, - ответил он. - В этом доме всегда хорошо спится. Завтра я покажу тебе еще кое-что.., если только, - добавил он, заговорив еле слышно, - ты сможешь достать карты. Нэнси, какую ценность они могут представлять для твоего отца?

Она слабо улыбнулась.

- Вы из-за этого ссорились? - она увидела, как он нахмурился, и добавила:

- Никакой.

- Однако он хочет владеть ими, - сказал Генри. - Тебе не кажется, что они принадлежат.., тем, позади нас?

- Наверное, так и есть, - неуверенно проговорила Нэнси. - Я чувствую, что все мы принадлежим им, чем бы они ни были. Твои золотые фигурки проникли в меня, дорогой, и мое сердце танцует для них, а не для тебя. Тебе не жалко?

- Давай танцевать для них вместе, - решительно ответил он. - Фигурки и карты, руки и ноги

- мы еще соберем их всех вместе.

- И твоя тетя говорила, - напомнила она, - как что-то собирается вместе. А кого она называла Гором?

- Моя тетка - такая же ненормальная, как твой отец, - ответил Генри. - А Гор стал сном больше двух тысяч лет назад.

Глава 6

ШУТ

Некоторое время спустя, когда после более или менее эмоциональных прощаний все гости разошлись по комнатам, Генри вошел к деду. Старик ждал его с нетерпением и, едва за внуком закрылась дверь, немедленно спросил:

- Ты слышал? Она действительно это имела в виду?

Генри пересек комнату и сел.

- Должно быть, так, - сказал он. - Она же не знала, чего мы хотим. Могла, конечно, просто играть с нами - но не стала бы, это ей не свойственно. Значит, если она видела... - он поднялся и заходил по комнате в крайнем возбуждении. Быть такого не может! Хотя, собственно, почему? А вдруг и вправду пришло время обрести видение вместе с картами!

Аарон прижал руку к сердцу.

- Но почему именно она? Сколько знающих из нашего народа веками изучали Таро! И никто, никто, включая и нас с тобой, ни разу не видел, как танцует Шут. Есть только предания о том, что он способен двигаться. Почему же именно этой женщине суждено было увидеть его танец? Не могу поверить.

- А зачем бы ей притворяться, если она не видит? - возразил Генри. - Кроме того, я же говорил тебе, что она обладает немалой силой. Она полностью владеет собой, я ни разу не видел, чтобы что-нибудь возмутило или расстроило ее. Она олицетворение женского начала в картах, только не знает об этом - жрица, дева и хранительница в одном лице.

- Я тебя не понимаю, - проворчал Аарон. - Она ничего не знала ни о картах, ни о танцорах. Она не знала, зачем и как они танцуют. Да она же самая обычная женщина - глупая клуша и сестра глупца.

- Но мы-то до сих пор не знаем, что означает Шут, - возразил Генри. - Ты сам сказал, что никто никогда не видел его в движении. А эта женщина не видела его там, где видели все мы. Для нее он был полнотой гармонии, вершиной танца.

- Она не знает танца, - упорствовал Аарон.

- Она не знает, что она знает, а что - нет, - ответил Генри. - Либо она лжет, либо, по воле какого-то непостижимого случая, она может видеть то, что нам недоступно: а если может, то самое древнее из преданий человеческой расы истинно, и Шут действительно может двигаться.

- Значит, она владеет тем знанием, которое никак не дается нам, - Аарон чуть не плакал. - И она уезжает на следующей неделе!

- Вот почему она так легко справилась тогда с Джоанной, - задумчиво проговорил Генри. - Сердце ее в гармонии с миром. Только ее глаза способны точно читать будущее, и она-то как раз не хочет его знать. Для нее каждый миг завершен и целостен. Это так прекрасно и так.., жутко. И что же нам со всем этим делать теперь? - Он резко остановился и взглянул на Аарона.

- И она уезжает на следующей неделе, - с отчаянием повторил старик. Генри упал в кресло.

- Давай-ка разберемся спокойно, - предложил он. - Карты Таро вернулись к своим образам, с нами женщина, способная читать танец; и не забудь еще кое-что немаловажное - мы с Нэнси на пороге великих открытий. С другой стороны, мы можем лишиться всего из-за идиота, который полагает, будто карты принадлежат ему; женщина собирается покинуть нас и уехать

Бог знает куда, а Нэнси может не справиться. Впрочем, это уже мое дело. А вот все остальное наша общая забота, и твоя в частности. Теперь, когда карты вернулись к танцорам, и мы можем прочесть смысл танца, ты что же, позволишь им уйти?

- Надо подумать, как удержать их, - сказал Аарон. Генри напряженно размышлял о чем-то, глядя прямо на деда, но, кажется, не замечая его.

- Если мы теперь упустим карты, то рискуем никогда больше их не увидеть разве что в музее, в стеклянной витрине с этикеткой, и ротозеи будут глазеть на них, а какой-нибудь надутый индюк-профессор примется объяснять, что это такое. - Генри порывисто поднялся. - Стоит мне об этом подумать, как я начинаю понимать Джоанну, причитающую над своим забытым богом. Неужели мы позволим опять разлучить карты с их образами?

Аарон, низко склонившийся над столом, насмешливо взглянул на внука.

- Ну иди, помолись Гору, как Джоанна, или побегай по полям, считая себя Исидой, Божественной Матерью. Ну что ты все скачешь? Я уже стар, страсти давно покинули мое сердце, но будь у меня твой пыл, я бы не стал тратить его на проклятия и вопли. Сядь! Давай поговорим спокойно. До их отъезда еще четыре дня.

Генри с досадой ударил себя кулаком по колену.

- Да тут и за четыре часа нельзя поручиться! В любой момент этот старый дуралей может оскорбиться и уехать. Если завтра все обойдется, то на Рождество он, положим, не уедет, но мы же не можем держать его здесь насильно?

- Предоставь его собственной судьбе, - вкрадчиво посоветовал Аарон.

Генри медленно вернулся к столу.

- Что ты имеешь в виду? Ты что же, хочешь рискнуть и действовать силой? Но ты же прекрасно знаешь, какие серьезные предупреждения существуют на этот счет. Неизвестно, как это отзовется на картах. Кроме того, нам не обойтись без помощи... О нет, это невозможно.

- Он считает, что карты принадлежат ему, - заговорил Аарон. - Так почему бы не отдать его им? Разве ветер - пустяк? Разве вода - пустяк? Отдадим его на волю воды и ветра и посмотрим, одолеет ли его упрямство волю карт? Не надо крови, не надо насилия; просто отдадим его картам.

Генри подался вперед и долго молча смотрел в пол.

- Я думал о чем-то подобном, - наконец сказал он.

- Но все упирается в Нэнси.

Старик насмешливо фыркнул.

- Предлагаешь пощадить отца ради дочери, а? Глупец, что еще нам остается? Если ты, предположим, сумеешь украсть у него карты, то как ты потом покажешь их ей? А ведь ты собираешься пользоваться ими вместе с ней? Если она не сможет смотреть на них спокойно, твоим экспериментам это не пойдет на пользу. Она так печется о своей честности...

- Я мог бы показать ей, что наша работа и знание стоят выше, - неуверенно предположил Генри. - Научил бы ее...

- Всею свое время, - перебил Аарон. - Он в любой момент может отдать карты в музей. И не забудь про его сестру.

- Да я и так все время о ней думаю, - вздохнул Генри. - Как ты заставишь ее жить в твоём доме и стать жрицей танца?

- Если... - медленно начал Аарон, протянул ладонь и накрыл ею руку молодого человека, - если ее брат, скажем, исчезнет, а ее племянница выйдет за тебя замуж, то она вполне может остаться жить вместе с племянницей. А если племянница занимается гаданием, и любит поговорить о картах, и спрашивает у тетки совета и помощи - почему бы той и не рассказать о том, что она видит?

Он замолчал, и в комнате надолго повисла тишина.

- Да, такой вариант возможен, - наконец произнес Генри. - Я видел это хотя и смутно - даже сегодня вечером я видел это. Но тут есть опасность...

- Смерть - один из Старших Арканов, - заметил Аарон. - Будь у меня силы, я справился бы с этим в одиночку. А теперь уже не могу. У меня нет ни энергии, ни воли, я не могу удержать контроль над картами. Я могу только изучать их и читать по ним. Работать придется тебе, но и я постараюсь помочь чем-нибудь.

- Старшие Арканы, - с сомнением проговорил Генри. - Мне одному с ними пока тоже не справиться., это зависит от Нэнси., я даже не знаю еще, сможем ли мы с ней жить. Но уж во всяком случае она не должна знать...

- Есть ветер, и есть вода, как я уже говорил тебе, - ответил старик. - Не думаю, что твой м-р Кенинсби выдержит даже двойки, тройки и четверки Чаш и Жезлов. У него нет силы воли. Я куда больше опасаюсь Джоанны.

- Джоанна! - воскликнул Генри. - Что ты мне толкуешь о Джоанне! Она же не видит, как танцует Шут. Аарон пожал плечами.

- Может и увидеть, когда сумеет преодолеть свои страсти. Интересно, кстати, было бы узнать, а как справилась с этим Сибил Кенинсби? Какими они были?

- Вряд ли она станет рассказывать об этом, - ответил Генри. - Но она обрела мир внутри себя, овладела искусством внутреннего покоя, сама при этом не зная, что совершила. Впрочем, не о ней и не о Джоанне сейчас надо думать. Главное - Нэнси и., этот человек.

- А потом останется только Нэнси? - насмешливо поинтересовался Аарон. Генри твердо посмотрел на него.

- Я не спрашиваю, чего ты хочешь достичь с помощью карт, - сказал Аарон. Если все пойдет хорошо, мне будет довольно знания танца. Ну, может быть, я попробую проследить кое-какие закономерности в движениях танцоров. Но предположим, что со временем карты дадут Нэнси мудрость, которой она пока не владеет. Она обнаружит твои проделки, и что ты будешь делать тогда? Ты думал об этом?

- Если ее действительно осенит мудрость, я надеюсь, она все поймет как надо, - ответил Генри. - Она увидит, что никто не вправе нарушить целостность мира. Ей станет ясно, что отец встал на пути вещей куда более великих, чем он сам. Во всем виноваты его сварливость и жадность.

- Значит, ты готов рискнуть? - уточнил Аарон.

- Здесь нет риска, - пожал плечами Генри, - а если я ошибаюсь и риск все же есть, значит, вся затея заранее обречена на провал.

Аарон кивнул и с кряхтением выбрался из-за стола.

- Однако еще десять минут назад уверенности в тебе не чувствовалось, заметил он.

- А ее тогда и не было, - ответил Генри. - Такие вещи начинаешь понимать, только когда решаешься окончательно.

- Ну и когда? - спросил Аарон. - Моя помощь понадобится? Имей в виду, если все пройдет удачно, то девушка может оказаться слишком подавленной и какое-то время толку в работе от нее не будет.

- В таком случае, - медленно сказал Генри, - я подожду до завтра, потому что завтра я хотел показать ей судьбы народов. Но больше я ждать не намерен. Ты прав: ей понадобится время, чтобы прийти в себя. По мне, так лучше бы все произошло на Рождество. Он всегда гуляет днем - он говорил мне еще месяц назад, что за тридцать четыре года ни разу не пропустил дневной рождественской прогулки.

- На том и порешим, - ответил дед. - Я займу женщин разговорами, а ты позовешь ветер.

Если сразу не получится, попробуем еще раз. На самый крайний случай, можно позвать огонь в машину на обратном пути.

Генри удивленно посмотрел на деда.

- А что тогда будет с Нэнси и ее тетей? Аарон покачал головой.

- Я забыл, - сказал он. - Ладно, способы всегда найдутся.

Глава 7

МИРОВОЙ ТАНЕЦ

Напряженность в отношениях, возникшая вечером в четверг, не прошла и к утру сочельника. Центрами конфликта были, конечно, Генри и м-р Кенинсби. М-р Кенинсби, в свою очередь, постарался втянуть в войну и дочь, которая почему-то не спешила принимать его сторону. После завтрака, прошедшего отнюдь не безоблачно, м-р Кенинсби высказал Нэнси свою точку зрения на спектакль, виденный прошлым вечером.

- Должен заметить, - сказал он, - что твой Генри проявил еще худший вкус, чем я ожидал, устроив этот фокус с движущимися куклами.

- Но почему фокус? - вскинулась Нэнси. - Они ведь действительно двигались; а Генри только это и имел в виду.

- Никоим образом, - решительно ответил м-р Кенинсби. - Если уж говорить начистоту, Нэнси, он меня весьма разочаровал. Он просто пытался выцыганить у меня карты на том лишь основании, что куклы очень похожи на них. Я что же, должен раздавать свое имущество только потому, что у кого-то есть что-то похожее?

Нэнси поразмыслила над последним предположением и не вдруг нашлась с ответом.

В такой трактовке просьба Генри действительно звучала нелепо. Но как еще ее сформулировать, чтобы удовлетворить отца? Может быть, ей следует сказать: "Отец, я создавала землю, и видела, как полицейские и сиделки становятся императорами и императрицами, и я видела в золотом облаке отблески танца, проникавшие в мою кровь"? Смогла бы она сказать ему, что ее сознание все еще не оправилось от потрясения, вызванного видением распятия и сходством Распятого и Повешенного на одной из карт Старших Арканов? В конце концов она сказала:

- Скорее всего, Генри не имел в виду именно это. Мне бы хотелось, чтобы ты был более справедлив к нему.

- Надеюсь, я всегда справедлив, - сказал м-р Кенинсби, просто не представляя себе, чтобы Верховное Правосудие разошлось с ним во мнениях. - Но должен отметить, что я разочаровался в Генри.

Нэнси поглядела в огонь. Куклы? Она бы обиделась, но у нее и без того хватало забот. Отец тоже должен быть в танце, ей только надо добраться до него. Он сам куда больше похож на движущуюся куклу, чем фигурки в тайной комнате, чем Генри, чем Сибил и Джоанна, взявшиеся за руки, правитель дорог в белом плаще, ведьмы из "Макбета", глядящее в упор Распятие или земля между ее руками... Она собиралась узнать, могут ли они с Генри взять колоду Таро сегодня вечером, потому что Генри хотел рассказать ей что-то еще, а она хотела это узнать. Но отец не даст, точно не даст. А что, если она возьмет их на часок без спроса? Ни с ним, ни с ними ничего не случится. Они лежат у него на туалетном столике; она сама видела их там и еще удивилась, почему он их не убрал. Впрочем, это-то как раз понятно - он и не думал, что их кто-нибудь возьмет, он просто хотел позлить Генри. Допустим, она теперь попросит его, и он откажет - вот глупо получится! Но неужели она должна лишиться всех чудес, которые так страшили и восхищали ее, только потому, что отцу захотелось насолить Генри? О небо, как же быть девочке, которая пытается любить?

Не иначе как Любовь в этот момент побудила м-ра Кенинсби, погруженного в

размышления о собственной справедливости и щедром великодушии, произнести:

- Я всегда охотно дам их ему, если могу быть уверенным, что получу их обратно. Но...

Нэнси подняла глаза, гораздо более выразительные, чем ей хотелось бы сейчас.

- А если я пообещаю, что верну их тебе, папочка, как только ты попросишь?

М-р Кенинсби, застигнутый врасплох, уклончиво сказал:

- Я не в тебе сомневался. Ты - моя дочь, и ты знаешь, что есть такая вещь, как порядочность.

Разумеется, это и будет порядочность, подумала Нэнси, если она не возьмет карты для дела без его позволения; но и для него было бы весьма порядочно одолжить их. Вслух же она сказала:

- Так ты мне их доверишь?

- Конечно, конечно, если понадобится, - ответил немного озадаченный м-р Кенинсби, внутренне радуясь, что такая необходимость, скорее всего, не возникнет. Однако Нэнси, скинув с плеч свою главную заботу, решила, что необходимость уже возникла. Она понимала, что не стоит сразу требовать от отца конкретных обещаний, и поэтому как могла отчетливее произнесла:

- Я позабочусь о них, - но в этот момент в комнату вошла Сибил, и вся многозначительность ее слов пропала втуне. Нэнси, у которой и так голова шла кругом от неожиданной моральной проблемы, с искренней уверенностью, что нашла честное решение, поспешила улизнуть и отправилась на поиски Генри.

Тем же вечером, вместе с Генри и картами Таро в руках, она вошла за драпировки дальней комнаты. И вот они вдвоем стоят возле золотых фигурок. Нэнси чувствовала: если вчерашний приход был данью любопытству или интересу, то сегодняшней - куда важнее. Это было уже явное намерение, пусть пока еще слабое, но в нем крылась готовность к дальнейшему.

Вернувшись сюда вместе с Генри, она связала таинство любви с таинством танца. И теперь, глядя на танцоров, она внезапно ощутила, что союз должен быть заключен в ней самой, что он проложит путь совсем новому состоянию, возможно, столь же непохожему на ее любовь, сколь не походила она сегодняшняя на прошлогоднюю Нэнси. Все, что она могла сделать - еще глубже открыть себя себе самой; ах, если бы там, в глубине она оказалась такой же хорошей и красивой, какой.., какой считал ее Генри. Сможет ли она настолько поверить в себя?

Но прежде чем она успела собраться с мыслями, заговорил Генри.

- Вчера вечером ты видела, как можно предсказывать судьбу, - сказал он. Карты, которые ты держала, это каналы, связывающие тебя и танец. Ты держишь их в руках и...

- Сначала расскажи о танце, - перебила она, - раз уж мы здесь Одни. Он ведь - больше, чем предсказание судьбы, правда? Почему карты творят землю? Почему некоторые из них ты называешь Старшими Арканами? Это просто название?

Он глубоко вздохнул, начал говорить, сбился и в отчаянии махнул рукой.

- Ну как я смогу объяснить тебе то, что могут представить лишь немногие из моего народа? Я привел тебя сюда, я хотел, чтобы ты оказалась здесь, но теперь ты просишь слишком много. Нет для этого слов, а если я все-таки попробую тебе объяснять, ты еще сочтешь меня таким же сумасшедшим, как та несчастная на дороге.

- С чего ты взял, что я считаю ее сумасшедшей? удивилась Нэнси - Разве тетя Сибил так отнеслась к ней? Ты должен постараться и рассказать мне, Генри, - если ты считаешь, что это важно. А иначе, сурово добавила она, подняв на него серьезный взгляд, - мне будет горько, потому что все это окажется только фокусом.

Они стояли в двух шагах друг от друга. Глядя не на нее, а на стол, Генри снова начал говорить.

- Тогда постарайся представить себе, - сказал он, - представь, что все сущее участвует в Великом танце - абсолютно все: электроны, клетки, все растущее и разрушающееся, все, что

кажется живым, и все, что живым не кажется. Люди, звери, деревья и камни, все, что изменяется, поскольку в мире нет ничего неизменного. В этих изменениях и проявляется для нас вечный танец. Закон природы - это гармония, ритм танца, именно благодаря ему одни вещи меняются быстрее, а другие медленнее. Мир представляется нам бесконечно многообразным, люди любят и ненавидят, возникают и гибнут города и народы, вращаются зримые и незримые шестерни, маленькие колеса и огромные галактики, бьются сердца, работает мозг, человек ходит на двух ногах, а горы имеют корни в земле - все это происходит лишь потому, что оно есть в танце. А того, чего нет в танце, не существует вовсе. Представь это, постарайся охватить весь мир и найди его здесь, на столе.

Она не отвечала, и после долгой паузы он заговорил снова.

- Здесь содержится все знание мира. Наша наука разгадывает его шаг за шагом. А танец всегда - само совершенство, и ничем иным быть не может. Ему неведомы радость или скорбь; это чистое движение, быстрое, как свет, и медленное, как разрушение каменного надгробья в джунглях. Если ты плачешь, то лишь потому, что это ритм танца сложился так; если смеешься, значит, какое-то радостное па требует этого, и твоя воля здесь совершенно ни при чем. Если что-то болит, танец изменяет тебя, если ты здорова - танец несет тебя. Медицина тоже танец. Закон, религия, музыка, поэзия - все это только способы, которыми мы объясняем самим себе малейшие перемещения. Мы даже можем успеть понять их смысл, но в следующий миг они уже исчезают в этом никогда не повторяющемся процессе. О Нэнси, постарайся увидеть это! А большего нам и не дано: только увидеть часть танца в ту малую долю времени, пока мы еще живы!

Казалось, сам танец прекратил свое вечное движение в Нэнси, так неподвижна была ее легкая фигурка, так впитывала она странные слова, не проронив ни вдоха, а перед ее глазами продолжали свои бесконечные пируэты маленькие отображения великого мироздания.

- Но однажды, - продолжал Генри, - одни говорят, в Египте, задолго до того, как фараон услышал о Юсуфе бен Иакове, другие - в Европе, когда раввины в грезах шептали за стенами гетто непроницаемые слова, третьи вспоминают о тайном учении, которое Церковь объявила колдовством, - однажды танцор заговорил о танце, но не словами, а образами; однажды некое сознание постигло танец до семьдесят восьмой степени и обрело не только знание, но и путь к его достижению. Дальше ритм самого танца творил, преобразовывал естество этого человека в соответствии с гармонией, изначально существующей в каждом, создавая свою собственную летопись. Так явились на свет золотые фигурки. Мы и предположить не можем, кем был этот человек, не знаем, как сделал он все это, но с тех пор фигурки странствовали с таборами цыган по всему миру, пока не оказались здесь. Здесь они пока и остаются.

Нэнси слабо шевельнулась, и Генри тотчас же смолк. Ей обязательно надо было показать, что она понимает, о чем говорит Генри. Даже голос ее изменился, когда она с усилием произнесла:

- Значит, смотреть на них - все равно что наблюдать мировое движение? Это то, что происходит сейчас - непосредственно сейчас - и нигде не может быть ничего, что не происходило бы здесь?

Он указал на стол.

- Это - настоящее, - сказал он, - и только настоящее, но даже оно изменяется прежде, чем его можно узнать.

- Однако ты говорил, - ответила она, - что тот неизвестный мог узнавать. Как ему это удавалось? И почему фигурки именно такие, а не другие?

- Нужен еще один провидец, чтобы объяснить это, - ответил Генри. - И этому провидцу придется проникнуть за форму символов, увидеть их изнутри.

Ты понимаешь, в чем тут дело, Нэнси? Иногда там, где не пройти одному, можно пройти вдвоем. Подумай об этом, и еще о том, сколько можно увидеть и сделать изнутри танца, если так много можно увидеть снаружи. Пока мы знаем только, что образов двадцать один и ноль, четыре на четыре и четыре по десять. Несомненно, сами эти цифры очень важны для соответствующего знания, но и их тайна тоже кроется где-то внутри танца.

- Но ты ведь, наверное, изучил сами изображения? - спросила она.

- Видимо, изображения нужны, во-первых, как некие первоэлементы, порождающие бесконечное число комбинаций, а во-вторых, для того, чтобы можно было хоть как-то представить себе танец. Должно же быть что-то, что можно видеть, по чему можно читать мировое движение... Думаю, для этого они и предназначались, но даже такое понимание со временем было утрачено - возможно, потому, что карты оказались разлученными со своими золотыми образами, словно ребенок, который без матери оказался в чужой стране и так и не узнал родного языка, своего естественного наследия.

Генри осекся, словно эта мысль встревожила его, и девушка, вспомнив, видимо, то же самое, произнесла:

- Не это ли имела в виду та женщина, которую мы встретили на дороге?

- Мне нет дела до того, что она имела в виду, - раздраженно ответил Генри. - Нас теперь не касаются ни она, ни кто-либо еще, кроме нас самих. Ни у кого, кроме нас, нет подлинного права рассуждать о картах или образах.

Он смотрел, как мрачнело ее лицо. Но вот она слегка улыбнулась и негромко сказала:

- Расскажи мне побольше о картах.

- Карты были созданы вместе с образами, - снова заговорил Генри. - Метка на уголке каждой из них - это точный оттиск, имеющийся на основании каждой золотой фигурки. Фигур семьдесят восемь; столько же и печатей, и карт столько же. Изображения на папирусе в точности повторяют фигуры; это рисунки, сделанные с фигур. Здесь у нас единственный подлинный комплект, точно соответствующий оригиналу, и поэтому - единственный комплект, благодаря которому может быть прочитан танец. Танцоры все время перемещаются, но в каждый момент времени их положение друг относительно друга определено, и когда карты связаны с танцем, они располагаются в том же порядке. Взаимосвязь осуществляется через руки гадателя, а по тому, как ложатся карты, мы можем прочесть судьбу того, кто их держит.

- А как же масти, ты говорил, они связаны со стихиями? - спросила Нэнси. Генри кивнул.

- Правильно. Во внешнем мире они - возрастающая сила четырех стихий, имеющих соответствия в человеческом теле.

- А остальные? - продолжала расспрашивать Нэнси. - Старшие Арканы?

Он подошел к ней ближе и понизил голос, как будто не хотел, чтобы золотые танцоры знали, что он говорит о них.

- Это истины, - сказал он, - или факты, называй, как хочешь, принципы мышления, проявление совместного существования: Смерть и Любовь, некоторые Добродетели и Размышление, Милостивое Солнце Мудрости, и так далее. Ты должна их увидеть, словами этого не передать.

- А Дьявол - он действительно дьявол?

- Это бессмысленная ненависть и злоба, которая живет в каждом из нас.

- А Жонглер - если он и вправду жонглер?

- Это начало всех вещей - проявление, неустойчивость равновесия, взлет и падение. Это способ, с помощью которого Он, кем бы он ни был, формирует начало и ход самого танца.

- Значит, это Бог? - спросила Нэнси, тоже переходя на шепот.

Генри нетерпеливо шевельнулся.

- Что мы можем знать? Дело же не в словах. Бог, или боги, или не боги вообще - они существуют и могут быть выражены в такой форме. Если хочешь, называй это Богом, но лучше называть его Жонглером и не иметь при этом в виду ни Бога, ни Его отсутствие.

- А Шут? - помедлив, спросила она.

- Шут - это то, что не движется, больше мне о нем нечего сказать, - мрачно отозвался Генри. - Предания, устные и письменные, говорят обо всех танцорах, кроме Шута; о нем молчат и тайные учения, и предсказатели. Я так и не смог выяснить, чем он может быть.

- Однако тетя Сибил видела, как он движется, сказала она.

- Потом сама у нее спросишь, - сказал Генри. - Сейчас еще не время. Ну вот, я рассказал тебе все, что мог; дальше придется поработать твоему воображению. Когда тебе откроется смысл, тогда посмотрим, сможем ли мы при помощи Таро найти свой путь в те края, которые лежат за туманом. А сейчас я хочу показать тебе кое-что еще. Подожди минуту.

Он помедлил в раздумье, потом направился к противоположной стене, скрытой драпировками, и исчез за ними. Послышался стук, словно открыли окно, и Генри тут же вернулся.

- Если ты помотришь на эту комнату снаружи, сообщил он, - то увидишь, что в ней четыре окна. Я открыл восточное. А теперь смотри.

Он подошел к дальней части стола (ее можно было бы назвать восточной) и, пошарив рукой под ним, выдвинул дополнительную столешницу. Шириной она была около трех футов, и теперь стол почти касался занавесей. На золотой поверхности Нэнси заметила какие-то знаки, напоминавшие очертания материков на карте мира.

Укрепив эту часть стола дополнительной ножкой, Генри начал раскладывать карты. Старшие Арканы он положил на самом краю по порядку номеров, но начал не с первой, а со второй карты - Императрицы, и дошел до двадцатой - Страшного Суда с изображением Руки, выступившей из тумана. Огромная рука разбивала саркофаг, чтобы дать возможность подняться скелету, лежавшему в нем. Рядом Генри положил карту с номером 21 - Мир. На ней гибкая женская фигура поднималась в лучах света к ясному синему небу, оставив под ногами луну, солнце и звезды.

Первую карту с Жонглером, подбрасывающим в воздух маленькие шары, он поместил почти в центре; двенадцатую карту с изображением Колеса фортуны прислонил к краю стола и спрятал под ней Шута. Потом точными и ловкими движениями распределил остальные карты. Четыре масти разложил слева направо, сначала монеты, потом чаши, жезлы и мечи. Отделив от каждой масти короля, королеву, рыцаря и пажа, он частично перекрыл ими Старшие Арканы. Перед ними, тоже слегка перекрывая их, легли десятки, девятки, восьмерки и семерки, затем, в том же порядке шестерки, пятерки и четверки, затем - тройки и двойки; а перед ними - тузы каждой масти, так что вся колода Таро лежала, изгибаясь по дуге, вдоль стола, указывая в сторону открытого окна за занавесями.

Покончив с этим, он отступил к Нэнси, обнял ее и сказал:

- Смотри на занавеси.

Она подчинилась, но время от времени взгляд девушки возвращался к картам на краю стола. Скоро она заметила изменения в рисунке танца: Жонглер явно приближался к "своей" карте. Ей казалось, что он бежит очень быстро, при этом в воздухе вокруг него кружились не меньше двух дюжин шаров. Жонглер топнул по своей карте, и она соскользнула с места. Ее падение потревожило Колесо Фортуны, и тут же все карты пришли в движение, скользя поверх друг друга, подныривая под соседние. Нэнси смотрела как зачарованная, пока Генри не прошептал ей в самое ухо: "Занавеси!".

Она подняла глаза и в первый момент вместо занавесей увидела лишь золотой туман,

знакомый по предыдущей ночи. Но он уже клубился, рассеивался, таял в ночной глубине. Поначалу она решила, что занавеси исчезли, и перед ней открытое окно, но тут же усомнилась, поскольку не заметила одной простой вещи - оконной рамы. Темные драпировки просто терялись в темноте. Нэнси взгляделась, и так же как накануне в тумане перед ней разворачивалась собственная судьба, так теперь пришли в движение куда более серьезные вещи. Фигурки двигались, двигались карты, и во тьме начинало возникать далекое видение. Зеленоватое сияние развернулось перед ней; на миг Нэнси показалось, что она слышит шум морских волн. Сквозь зеленовато-синий туман стала проступать береговая черта, и наконец она увидела волны.

Пока она смотрела, изображение уменьшилось. Маленький и далекий, словно искусно сделанная игрушка, перед ней лежал континент - с городами и реками, железными дорогами, лентами шоссе. Наконец картинка сформировалась и оказалась знакомой Нэнси узнала очертания Голландии, Бельгии и Северной Франции. Масштаб все еще менялся. Проступили Альпы, вырисовались контуры Италии, вот собор Святого Петра, выполненный с невероятной тщательностью и видимый до самой мелкой детали, а дальше простирались моря, острова и бескрайние равнины.

Всего трижды успело ударить ее сердце, а взгляд уже обежал Индию и Азию с проблесками озер, и Эверест, чей крошечный пик проступал сквозь дымку расстояния, а когда она вздохнула в следующий раз, Тибет уже напознал на Китай, а линия горизонта уходила все дальше и остановилась наконец на побережье Японии. Перед ней раскинулась Евразия, и в глубине души она точно знала, что это - не воспоминания и не модель, а сам огромный континент со всем, что на нем находится. Перед ней действительно была часть планеты, населенная миллиардами обитателей.

Опираясь на крепкую руку Генри, словно наклонившись с огромной высоты, она напряженно вглядывалась и смогла различить кое-какие признаки человеческой деятельности.

Вот по дорогам движутся точки - больше всего их в Северном Китае. Нэнси сосредоточила внимание на этом районе. Он мгновенно разросся, а остальная часть видения поблекла и отделилась.

Бессознательно ей захотелось увидеть людей, и она их увидела одиночек-пешеходов, группы людей, целые армии в постоянном движении подробности ускользали, но там несомненно передвигались армии. Она увидела горящий город, окруженный войсками. Нэнси побоялась увидеть подробности и тут же изображение снова отделилось, теперь она опять видела весь континент разом. Но картина изменилась: равнины и горы качались как во время землетрясения; они распадались, принимая новые формы, росли, менялись, золотые образы продолжали свой нескончаемый танец на фоне золотых земель. Никакого стола не было уже и в помине.

Словно рожденные движениями танца, вставали из небытия народы и возникали империи, строились города, а потом над ними проносилась Смерть; плащ Императора вбирал в себя белизну альпийских снегов; реки впадали в моря, а моря - в никуда, их воды принимали чаши, вереница поднятых сосудов извивалась среди танцоров. Два священника, один из Тибета, другой из Рима, встретились в танце; Иерофант сделал несколько торжественных шагов навстречу Влюбленным благодарное сердце Нэнси все время старалось не упустить их из вида. Танец продолжался в пустоте, но даже и теперь она видела в центре неподвижного Шута, а вокруг него все бежал по кругу Жонглер, ни на миг не переставая подбрасывать шары.

Все это время Нэнси ощущала присутствие Генри и, осознав это, поняла, что он стал ближе, словно придвинулся. Как будто в ответ на его движение справа, с самого края тьмы, выступили двое Влюбленных. Внезапно она увидела всех остальных танцоров по обе стороны,

так что пара плыла меж двух рядов фигур к тому месту, где стоял, словно ожидая их, Шут.

Как только двое молодых делали новый шаг, за ними тут же приходили в движение и другие пары:

Император с Императрицей, Иерофант в митре с Монахиней; Влюбленные шагнули на вершину Колеса фортуны и пошли дальше, перед ними поднялась фигура Повешенного, им пришлось разнять руки, чтобы обойти его с обеих сторон, и теперь уже каждый из них нес свой крест, а Смерть и Дьявол двинулись по пятам; тогда они вбежали в Башню, которая рушилась и воздвигалась заново, но выбежали из нее уже далеко друг от друга, и тут из каждой фигурки хлынул золотой свет, его потоки слились, над ними засияли солнце, луна и звезды; однако путь им преградило надгробие, и тогда Шут - по-прежнему неподвижный Шут! - протянул руку, коснулся могильной плиты, и оттуда поднялся скелет; он снова соединил руки Влюбленных и остался с ними. Шут двигался, он приближался! И в этот момент Нэнси перестала видеть и Влюбленных, и скелет, танцоры исчезли, остался лишь Жонглер, возникший неожиданно откуда-то справа у нее перед глазами. Он быстро двинулся по широкой дороге, тут же впрочем разошедшейся множеством тропинок, а потом побежал навстречу Шуту. Они встретились и обнялись, мячи роились над ними, как золотой дождь - и вот уже золотой туман скрывает все и застилает зрение; а потом потускнел и он. Перед Нэнси снова чуть колыхались тяжелые занавеси, и она опять почувствовала, как шевельнулся Генри.

Глава 8

РОЖДЕСТВО В ДЕРЕВНЕ

За ужином в сочельник было объявлено, что на Рождество семейство Кенинсби намерено посетить деревенскую церковь. М-р Кенинсби бывал в церкви каждое воскресенье, это давало ему основание украшать официальные анкеты утверждением:

"член Англиканской церкви". Правда, он никогда не пытался выяснить, в чем, собственно, состоит особая религиозная идея, которую несет в себе Церковь Англии, тем не менее посещение церкви в рождественское утро, равно как и следовавшая за ним прогулка, составляли для м-ра Кенинсби части незыблемого ритуала. Сыграло свою роль и немалое раздражение, вызванное хозяевами. В церковь идти было просто необходимо, особенно после того, как Аарон Ли отказался от благочестивой прогулки, сославшись на возраст, а Генри - на необходимость просмотреть кое-какие деловые бумаги. Впрочем, Аарон предоставил в распоряжение семейства Кенинсби автомобиль и шофера, так что никаких чрезмерных усилий от м-ра Кенинсби не требовалось. М-р Кенинсби был твердо убежден в том, что посещение церкви является частью нормальной жизни, но при этом не должно требовать от прихожанина чрезмерных усилий.

М-р Кенинсби считал, что сестра разделяет его взгляды, то есть считает религию и любовь частью нормальной жизни. Во всяком случае, именно так он некогда истолковал слова Сибил о том, что именно они и есть нормальная жизнь. М-р Кенинсби не знал, регулярно ли сестра ходит в церковь; если да, то она ничего об этом не говорила, но к столу никогда не опаздывала. Этого было вполне достаточно, чтобы и ее записывать "членом Англиканской церкви"; впрочем, Сибил никогда не возражала. То же определение м-р Кенинсби без колебаний ставил в анкетах и напротив имени Нэнси, хотя она-то уж точно по собственной инициативе в церковь не ходила. Ну да не беда, вот повзрослеет и будет ходить, а даже если и не будет, то по крайней мере станет считать, что это следует делать.

Душевное состояние самой Нэнси рождественским утром было слишком сложным, чтобы думать еще и о благочестии. Она решила сопровождать отца отчасти потому, что раньше всегда ходила с ним в храм, но еще больше ей хотелось хоть немного отдохнуть от новых ошеломляющих экспериментов.

Она нуждалась в убежище, где хотя бы в течение часа ее никто не будет терзать, даже

Генри.

Последние события возле золотого стола запомнились плохо. Кажется, Генри рассказывал о возможности читать судьбы мира точно так же, как судьбы отдельных людей, но она не слушала, она с позором отступила, почти бежала и (вопреки всем его обещаниям хорошего сна) полночи глаз не могла сомкнуть, видя перед собой только последний встречный рывок Шута и Жонглера, поток падающих шаров, разбивающихся о завесу золотого дождя, и облако не то брызг, не то золотого тумана. Однако когда она в последний раз взглянула на стол, Шут по-прежнему был неподвижен. Значит, ей не дано видеть, как тете Сибил. Но в том, другом ее видении Шут все-таки двигался! Ей хотелось обсудить это с тетей, но утром она едва заставила себя встать к завтраку, и до самого похода в церковь возможности поговорить так и не представилось. Может быть, в церкви.., надо будет выбрать удобное местечко.

Ничего необычного в ближайшие час-два не предвиделось, разве что приходский священник в очередной раз решит разнообразить чем-нибудь Символ веры. Аарон Ли предупреждал, что настоятель - энтузиаст церковной музыки. В этот раз он, похоже, собирался представить на суд публики некоторые собственные сочинения. Нэнси это вполне устраивало - что может быть дальше от восторга или таинства, чем вариации распева Символа веры!

Всю дорогу м-р Кенинсби ворчал о приверженности Церкви к Символу веры св. Афанасия, и Сибил в конце концов поинтересовалась, чем он ему так не нравится. М-р Кенинсби спросил, считает ли она этот текст христианским, и Сибил ответила, что не видит в нем ничего особенно нехристианского, если вспомнить основные догматы.

- И что ты называешь основными догматами? спросил м-р Кенинсби таким тоном, словно ответа на его вопрос вовсе не существовало.

- Бог есть Любовь и Воплощение Любви, - простодушно ответила Сибил и добавила:

- Конечно, согласен человек с этим или нет - другой вопрос.

- Я не собираюсь оспаривать догматы, - проворчал м-р Кенинсби. - Только я бы сформулировал это иначе. Впрочем, такие вещи трудно определить. Я просто не вижу, как все эти проклятые пункты...

К этому времени они добрались до церкви. Взглянув на маленькое старинное здание, Нэнси подумала, что если оно тоже являлось частью танца, то большую часть времени провело в каких-нибудь звездных мирах. Казалось, изменчивость, свойственная всему на свете, не имеет к храму никакого отношения. Но разум тут же напомнил ей, что незыблемость, каменный покой арочного входа - лишь одна, видимая часть драмы противостояния могучих духовных потоков. Напряжение чувствовалось во всем: сама арка держалась благодаря сложению противоположных сил; недаром ведь последнее состояние материи называется Силой, так, кажется? Электрические силы, ядерные или что-то в этом роде...

Если вся эта древняя красота состоит из электронно-ядерных взаимодействий, то часть танца, соответствующая храму, должна быть настолько быстрой, что за ней не угнаться даже Жонглеру с шарами... Нэнси опередила Сибил и первая подошла к церковной скамье.

Стоило ей только преклонить колени, как она сразу же оказалась частью танца, средоточием образов, за которыми стояли карты, напророчившие будущее. "И мужчина будет обязан тебе всем". Всем? Да хочет ли она, в самом деле, чтобы Генри был обязан ей всем? Не лучше ли, чтобы в нем оказалось нечто такое, чему она будет всем обязана? "И женщина будет управлять тобой" - вот что было самым неприятным в пророчестве. Не нуждается она ни в каких женщинах, указывающих ей, что делать; во всяком случае, хотелось бы посмотреть на женщину, которая попробует это сделать. Как там было дальше? "И ты умрешь очень богатой...". К этому времени она уже встала с колен и села на скамейку - ну что же, пока все идет, как она задумала.

Да, но можно ли понимать предсказание в прямом смысле? Образы Смерти, Дьявола и

Дамы Чаш танцевали вокруг нее, а в словах предсказания чудилась глухая угроза. Но чем все это может повредить ей, пока она вместе с Генри? А ведь действительно, если они будут работать вместе, работать в самом высоком смысле, она может умереть очень богатой.

Дверь открылась, диакон возгласил: "Гимн шестьдесят первый. Христиане, восстаньте!". Христиане зашевелились, нашли в сборниках гимнов нужное место и восстали. Хор слаженно начал гимн, и Нэнси послушно отдала слитному звучанию свой голос.

Христиане, восстаньте, встречайте счастливое утро,
В которое родился Спаситель мира:
Поднимайтесь...

Ее голос пресекся; следующие слова гимна словно взглянули на нее в упор. Хор и все собрание закончили строку:

.., и поклонитесь таинству Любви.

Таинство Любви... Но чем же, кроме любви, полно ее сердце? Рождественская тема стиха вдруг ушла далеко-далеко. Нэнси послышался бесплотный голос; кто-то обращался к ней, просил сделать именно то, к чему она и сама стремилась всей душой. "Поднимайтесь и поклонитесь таинству любви". Что же они делают, зачем поют об этом в храме? Гимн ведь не может говорить о такой любви? Или может, а она раньше просто ничего не понимала?

Церковь перестала быть убежищем; теперь Нэнси воспринимала ее как повелительный призыв. Огромные валы подлинной жизни, исполненной высочайшего смысла, нахлынули и подхватили Нэнси. Она резко повернулась к Сибил, и та, почувствовав рядом движение, оглянулась и внимательно посмотрела племяннице в глаза как раз в тот момент, когда хор выпевал: "Хвала искупляющей любви!".

Нэнси, показывая пальцем на первую из великих строк, прошептала:

- Это правда?

Сибил взглянула на страницу, посмотрела на Нэнси и ответила, как показалось девушке, с каким-то торжеством в голосе:

- Попробуй, дорогая. - Высокая фигура, спокойное лицо, темные, все еще яркие глаза бросали вызов, поддразнивали и подбадривали. Хор между тем вел гимн дальше, и на следующей строке голос Нэнси почему-то начал дрожать: "Высочайшую славу Божию поем днесь".

Она еще раз торопливо пробежала глазами по странице - ничего особенного в словах гимна не было, и стихи в общем-то слабые. Но одна-единственная строка продолжала настойчиво призывать:

"Поднимитесь и поклонитесь таинству любви". Все вокруг уже закрывали сборники гимнов и открывали молитвенники. Нэнси в последний раз посмотрела на удивительные слова и сделала то же самое.

... Двое Влюбленных бежали вперед. Нет, не точно вперед - что-то разделяло их. По отдельности преодолели они вторую часть пути, порознь танцевали со скелетом. Она видела их довольно отчетливо, но еще лучше вспоминался Жонглер "и Бог, и не-Бог", как сказал Генри, - бегущий к загадочному Шуту. "Аминь", пели вокруг нее, и это тоже было похоже на танец. Она не замечала ни пения хора, ни хода церковной службы, пока рядом не возвысился голос Сибил: "И ныне, и присно...". Что - ныне и присно? Слава, слава.

Нэнси села, когда начали петь псалмы, и кожей спины ощутила неодобрительный взгляд отца. Все равно; ей не выстоять на ногах посреди этого потока силы и восторга, так созвучного силе и восторгу, поселившимся в ее сердце, среди этого пения и парящих, танцующих слов, которые роились в ее сознании, озаренные сияющими фигурками Таро.

Пока читали Символ веры, Нэнси никак не могла прийти в себя. Должно быть, из-за хаоса,

царившего в ее душе, даже знакомые слова Афанасия Великого, так не понравившиеся отцу, внесли свою лепту в душевный переворот, совершавшийся в ней. Пока звучала первая часть, все шло обычным чередом; Нэнси не знала о музыкальных новациях местного настоятеля и не могла решить, как к ним относиться. Между тем мужской хор и хор мальчиков, пожалуй, слишком восторженно, призывали чествовать единого Бога в Троице и Троицу в единице <Имеется в виду текст Символа веры, приписываемый св. Афанасию, Патриарху Александрийскому: "... Вселенская же вера эта состоит в том, чтобы нам чествовать единого Бога в Троице, и Троицу в единице, не сливая ипостасей и не разделяя сущности, о Посему, един Отец, а не три отца; един Сын, а не три сына; един Дух Святой, а не три святыя духа...">; затем, пожалуй, излишне игриво, они согласились принять один постулат и решительно отреклись от другого, почти такого же; обсудив варианты весьма сложных взаимоотношений между ипостасями Троицы, они в конце концов признали неистинным то, что и в страшном сне не могло привидеться никому, кроме самого автора Символа. Всю эту часть Нэнси благополучно пропустила мимо ушей.

Но вдруг одна из строф второй части захватила ее. Слова оказались для Нэнси полными неожиданного значения. Голоса обоих хоров слились, возглашая богочеловечество Христа - "Он Бог и человек..., но Христос един"; затем мальчики смолкли, а мужчины продолжали: "Един же не применением Божества в человечество, но восприятием человечества в Божество". Здесь мужские голоса смолкли, а мальчики радостно подхватили: "Един совершенно". Мысль эта, отпущенная на свободу, воспарила под сводами: "Един не слиянием естеств, но единением..." - слова взлетали, танцевали, торжествовали, - "единением, единением," - и вот тут все голоса смолкли, и лишь один, звонкий и чистый, подвел итог, выговорив четко, протяжно и строго: "... единением ипостасей".

Нэнси заморожено вслушивалась: загадочная фраза показалась ей значительной и прекрасной. Она приоткрывала что-то непостижимое и все же доступное человеку, а хор уже перечислял деяния Христа на земле, озаренные вечной славой: "и ныне, и присно, и во веки веков...". А потом все опустились на колени, и настоятель, как требовал канон, называл знаки земной власти, молясь о здравии "нашего монарха короля Георга".

На протяжении всей остальной службы Нэнси в положенных местах крестилась, вставала, садилась, опускалась на колени, не очень вникая в смысл происходящего. Два потока бытия, сталкиваясь и завихряясь, омывали ее душу. Вот отъезд из Лондона, порыв и страсть, образы, открывшиеся в ночи, голоса рождественской службы, улетающие под купол храма, а вот совсем другое тишина, безмолвие и отрешенность Императора, неколебимый покой Сибил, что-то в самой Нэнси, затаившееся в предчувствии, ожидании..., одинокий голос, возгласивший единство, недвижимый Шут посреди нескончаемого танца. Первый поток увлекал ее за собой; второй вынуждал остановиться. Молодость и неопытность мешали этим потокам слиться, не давали душе обрести единство.

Еще совсем недавно все было так просто. А теперь... Даже тех двоих, что сидели сейчас рядом с ней, Нэнси воспринимала совершенно иначе. Уважение к тете все больше походило на благоговение; фраза "Попробуй, дорогая" звучала как ответ дельфийского оракула. Отец тоже переменялся. Он больше не выглядел нелепым, вызывавшим легкое раздражение напыщенным пожилым джентльменом, которого она привыкла видеть каждое утро; эти его черты оказались вдруг неважными. Одинокий, замкнутый, он хотел от дочери совсем немного, да только она не захотела понять, чего именно. На нем нет вины за то, что отношения не сложились. Это она виновата; ее сердце впадает во грех, когда начинает противопоставлять себя остальным. Тетя Сибил сказала, что она никого не любит и, наверное, была права, потому что задела ее за живое. Она сторала от стыда. Нет, теперь все будет по-другому. Она должна вычистить душу и сердце,

прежде чем осмелится предложить себя Генри для той великой работы, к которой он готовится.

Вернувшись из церкви, Нэнси, жаждавшая прямо сейчас начать новую жизнь, с разочарованием выяснила, что служебные обязанности отнимут у Генри не только утро, но и день. Он виновато извинился, а она не упустила возможности подразнить его.

- Папа идет гулять, а ты собрался сидеть взаперти. Я понимаю, ты стараешься дать мне возможность спокойно познакомиться с обстановкой или почитать какой-нибудь детектив. Одна беда, у твоего деда их, кажется, не так много? У него все книги такие серьезные, а большинство еще и на каких-то тарабарских языках. Ладно, займись вчерашней газетой, деваться некуда.

- Я должен это сделать, - проговорил Генри довольно непоследовательно. Другой возможности не будет.

- Было бы желание - нашлись бы и возможности, - вздохнула Нэнси. - Ты просто не хочешь. Ты не считаешь, что ради меня стоило бы отказаться от всего мира?

- Я хочу только того, что должно, - ответил он так серьезно, что она почти испугалась.

- Я знаю, дорогой, - мгновенно сменив тон, ответила Нэнси. - Я тебя не обидела? Ты говоришь так, словно собираешься сделать что-то ужасно важное, о чем я и понятия не имею.

Вопреки ожиданиям, он не ответил, просто отошел к окну и замер, разглядывая морозный ясный день. Он хотел обнять ее, но побоялся, что сердце выдаст его. Оно гулко бухало в груди, и не любовь была тому причиной. Он хотел заговорить с ней, но побоялся, что внимательная и чуткая Нэнси по его голосу догадается о задуманном преступлении. Сейчас она была самой главной помехой. Без нее все было бы просто. Вот он, будущий "внезапно скончавшийся мужчина", сидит за одним столом с Генри и Нэнси. Простит ли она, когда узнает? Должна, должна! Иначе весь его замысел обречен, он сам недавно объяснял это деду. Только бы она смогла! Только бы увидела так же ясно, как он сам, что жизнь ее отца - ничто по сравнению с великой задачей объединения колоды и фигур Таро. Если удастся сделать это, тогда скоро они с Нэнси смогут войти в мистический танец и увидеть его изнутри. Им должно повезти больше, чем Джоанне. Еще немного, и они смогут управлять младшими элементами. И он никому не позволит встать на пути к цели. Она поймет его, когда обретет знание; но до тех пор он не осмелится рассказать ей обо всем. Это было бы просто жестоко по отношению к ней, уговаривал он себя; решение за них обоих предстоит принять ему одному.

Завтрак проходил невесело. Гостям вдруг стало тоскливо и неудобно, планы хозяев словно отзывались в них смутными предчувствиями. Казалось, комнату заполнила серая хмарь. Аарон не мог отвести напряженного взгляда от дам, которых ему приходилось развлекать; Генри время от времени резко и решительно поглядывал на м-ра Кенинсби. Тот, как нарочно, не мог остановиться, вспоминая рождественские обеды прежних лет, затем перешел к обедам вообще, поговорил о рецептах, всесторонне обсудил тему идеальной кухни, упомянув газовые плиты, духовки-гриль, вакуумные печи, коснулся научных открытий, вернее, их популярного изложения в современных газетах - и так далее. Сибил пришлось помогать ему просто потому, что остальные хранили упорное молчание.

Нэнси вдруг ощутила усталость и озноб, хотя в комнате было тепло. Ее обескураживало поведение Генри. Сколько бы она не смотрела на него, надеясь обрести радость и умиротворение, ее глаза не встречали ответа. Генри пристально разглядывал собственные руки, и она тоже впервые взглянула на них как на странные приспособления для малопонятных экспериментов. Смуглая кожа, узкие запястья, длинные пальцы. Те самые руки, которые ласкали ее ладони, которые она так любила гладить и подразнивать, стали вдруг чужими и странными. Она окинула взглядом стол; над ним двигались пять пар рук, таких же чужих и непостижимых. Этакое ловкие обезьяны, нет., больше, чем обезьяны.. Нэнси почувствовала

вопросительный взгляд Сибил, но упрямо не повернула головы. Голос отца приводил ее чуть ли не в бешенство. Он все еще говорил глупо, бессмысленно говорил. Попечитель умалишенных! Да он сам слабоумный, только без справки. Ну почему он никак не умрет?

Звякнули вилки. М-р Кенинсби тут же сообщил, что вилки - изобретение времен королевы Елизаветы. Нэнси неожиданно для самой себя выпалила:

"А вот во времена Свифта было принято говорить "после смерти королевы Елизаветы", а "после смерти Анны" - никогда. Ты знал об этом, Генри?"

Пальцы Генри сжали скатерть, словно рептилия, внезапно выползшая из-под стола.

- Нет, - неожиданно резко ответил он, и все пятеро разом замолчали. Стало так тихо, словно тень одной из упомянутых королев прошла мимо сидящих, направляясь по делам из одного невообразимого мира в другой. Сибил нарушила тишину, сказав просто:

- Наверное, это потому, что сменились династии. Про Георга II, если я правильно помню, так тоже никогда не говорили.

- Что-то нездоровые у нас пошли разговоры, хрипло проговорил Аарон. Таким голосом могла бы вещать рептилия, которая только что представилась Нэнси. Холодно.., холодно.., и голоса этих холодных тварей так режут слух... Эй, что со мной? Совсем голову потеряла, - остановила она себя, отгоняя видение. - Это же просто м-р Ли, дедушка Генри. Он говорит что-то.., какой угрюмый.., не просто угрюмый жуткий! И все кругом такие неестественные - Генри, во всяком случае, неестественный, а вот отец совершенно естественен, а м-р Ли... Он опять говорит. Нэнси вслушалась.

- Здесь сохранился небольшой архив, - услышала она, - вам, наверно, будет интересно взглянуть. Стихи, дневниковые записи, несколько писем...

- Я бы с удовольствием посмотрела, - ответила Сибил. - Интересно, что он был за человек?

- Боюсь, я просматривал эти документы недостаточно внимательно, чтобы удовлетворить ваше любопытство, - отозвался Аарон. - Но он, конечно, был в отчаянии: заговор провалился, а с ним и его карьера.

Сибил улыбнулась.

- Он верил в это? Как глупо с его стороны!

- Разве это глупо - добиться своего или умереть? - спросил Генри.

- Скорее, непропорционально, по-моему, улыбнулась Сибил. - Человек готов умереть, лишь бы не оставить своего дела. А если дело вдруг оставит его? У ваших романтиков-одиночек столько пафоса! Они и мысли не допускают, что могут ошибаться.

Нэнси снова начало знобить. Даже приятный голос Сибил не мог избавить слово "ошибаться" от гнета обреченности. "Ошибаться" ошибиться непоправимо. Ошибиться в том, что казалось средоточием всей жизни, быть не правой, поступать не правильно... О, наконец-то завтрак заканчивается. Она поднялась и вслед за тетей и Аароном прошла в гостиную, ненавидя всех, начиная с себя, а сильнее всего - бумаги несчастного пэра.

М-р Кенинсби, впрочем, решительно повернул к двери.

- Пойду пройду до деревни и обратно, - объявил он Генри, выходящему из столовой вместе с ним. - Если встречу викария, то поздравлю с удачной утренней службой - ярко, кратко и в самую точку. И проповедь была мила и изящна. Так спокойно и убедительно!

- И о чем шла речь? - с неожиданным любопытством спросил Генри, вопреки собственной воле пытаясь задержать собеседника. "Ярко, кратко, спокойно, подумалось ему, - а тучи, между прочим, уже сгущаются над головой пожилого джентльмена. Башня его жизни уже шатается, и толкает ее моя собственная рука".

- О том, чтобы быть добрым и справедливым, отозвался м-р Кенинсби. - Для деревенской паствы в самый раз. Ну, мне пора. Не стоит задерживаться без нужды.

- Когда пойдете обратно, на перекрестке - налево, не забудьте, - напомнил Генри.

- Налево так налево, - согласился м-р Кенинсби и ушел. Генри тоже отправился по делам - но в гостиной, где Нэнси ждала его с замиранием сердца, он так и не появился. Нэнси обругала себя и с отвращением устала в дневник пэра - подлинный восемнадцатый век! Сибил между тем начала читать вслух.

Кларинде: по получении письма.

Желаешь ли узреть Судьбу, Кларинда злая?

Тебе помог бы, я, о прошлом вспоминая.

Пока хранит тебя сей Град, коварная девица,

Но Мысль моя летит сквозь стены и темницы.

Едва расстались мы, как предан я забвенью,

И Верность отдана тобой на посрамлены.

В моем Отчаянье ты видишь лишь Страданье,

Присущее всегда Влюбленному созданию.

Во мне ж оно всю душу иссушило,

Заставив ненавидеть то, что Радостию было...

"Что радостью было". Нэнси нашла в себе и эту радость, и эту ненависть, и тут же ощутила знакомую усталость. Ей лучше пойти прилечь. К чаю она, наверное, будет чувствовать себя получше. Может, и Генри к тому времени освободится, и тогда радость ее будет настоящей, не вымученной. Едва чтение поэмы закончилось, Нэнси вынесла бедному пэру безжалостный приговор.

- По-моему, поэт он был просто никакой. Ну, бросила его Кларинда, и что? Мистер Ли, вы меня простите, если я пойду полежу немного? А то у меня глаза сами закрываются.

- Конечно, конечно, - тут же отозвался Аарон. - Поступайте как вам угодно. Надеюсь, вы не переутомились?

- Да нет, что вы, - сказала Нэнси. - Я просто.., просто невыносимо хочу спать. Сама не знаю, что со мной.

Нэнси и Сибил улыбнулись друг другу.

- Любовь - утомительное занятие, - заметила Сибил. - По крайней мере, пока ему учишься.

Во сне Нэнси посетило лишь одно кошмарное видение. Ей почудилось, что отец падает в пропасть, и она проснулась. Ее разбудил крик - или то был вой ветра? Что-то тяжело билось в окно; на миг ей пригрезилось огромное белое лицо, потом она поняла, что идет снег - плотный, тяжелый снег. Она не сразу пришла в себя. Погода совершенно переменялась. За окном потемнело, но в комнате было странно светло от круговерти белых хлопьев. Крик (или завывание ветра?) послышался снова. Еще не вполне проснувшись, Нэнси села на постели. Уже около пяти, отец давно должен был вернуться. Нет, она не могла ошибиться, это кричал он, это его искали странные белые лица. Она неуверенно направилась в гостиную, потом, подгоняемая внезапным страхом, помчалась в прихожую. У двери стояли Сибил и Аарон. Сибил надевала пальто, Аарон возражал, объяснял что-то... Нэнси подошла к ним.

- Вот и я. Тетя, неужели ты собираешься гулять? Ветер потряс входную дверь и поглотил ответ Сибил. Нэнси осмотрелась.

- А где папа?

- Там, - коротко сказала Сибил. - Я как раз собираюсь его встречать.

- Он еще не вернулся? Но он же наверняка заблудится...

Если бы не этот сон с пропастью! Нет здесь никаких пропастей, но он же кричал!

- Это неразумно, - видимо уже не в первый раз сказал Аарон. - Давайте я лучше позову Генри. Жаль, шофера я уже отпустил.

Сонливость мигом слетела с Нэнси. Волной нахлынули предчувствия, страх, холод. Отец давным-давно должен был вернуться - и куда, наконец, запропастился Генри? Не может же он работать в таком адском шуме. Отец пропал, Генри пропал - теперь еще тетя собирается уйти - а она?

- Лучше я, - сказала Нэнси. - Не надо тебе выходить на улицу, тетя. Я сама пойду.

- Ты можешь пойти и поискать Генри, - посоветовала Сибил. - Мистер Ли один со всем не управится.

С твоим отцом наверняка все в порядке, но помощи он, пожалуй, обрадуется. Даже моей. Помоги мистеру Ли закрыть дверь.

Но если отец пошел не той дорогой... Если его направили не в ту сторону.., если его предали...

Сибил открыла дверь. Ветер и снег яростно рванулись в дом. Сибил отвернула лицо и проговорила:

- Сильно метет.

- Пожалуйста, не ходи, - вдруг жалобно попросила Нэнси. - Вдруг и с тобой что-нибудь случится? Лучше я сама пойду. Ну чем ты ему поможешь?

- Иди и отыщи Генри, - приказала Сибил. Ее высокая фигура на миг задержалась на пороге, сражаясь с напором ветра, потом шагнула вперед и пропала. Не на шутку встревоженный Аарон пытался закрыть дверь. Встреча Сибил с разбушевавшимися стихиями вовсе не входила в его планы. Но как он мог остановить ее? Нэнси, досадуя на себя, бросилась ему помогать и, справившись с дверью, помчалась на поиски Генри. Где он может быть? Ее подгонял страх. Генри и отец - и крик в метели. Вот комната Генри - но его там нет. Она заторопилась дальше. Пусто. Может быть, он в комнате с фигурками? Тогда старику придется открыть ее. Но Аарон тоже как сквозь землю провалился, а ветер завывал все сильнее. Она накинулась на служанок в кухне, явно побаивающихся метели - не видели ли они мистера Ли? - но поймав их недоуменные взгляды, бросилась дальше. Что ж, раз его нет в доме, она пойдет одна. Она должна идти. Забежав в свою комнату и натягивая пальто, Нэнси выглянула в окно. Ей вдруг отчаянно захотелось увидеть возвращающегося отца. Глупая надежда! Окно выходило на террасу с противоположной стороны дома. И тут она увидела Генри.

Он стоял в дальнем конце террасы и напряженно смотрел на дорогу, ведущую в деревню, словно высматривал что-то, сам при этом оставаясь невидимым. Заметить его можно было только из двух верхних окон. Нэнси едва различала сквозь метель его фигуру, но это, несомненно, был он. Не понятно было, что он здесь делает. Не отца же встречает вот уж нелепо! Наверное, для него это было важно, но даже самые важные дела подождут. А сейчас он пойдет с ней. Она выпорхнула из комнаты, слетела по лестнице, промчалась по коридору, ведущему через гостиную к маленькой двери на террасу. Не больше тридцати ярдов отделяли ее теперь от Генри. Она толкнула дверь и попыталась выбраться наружу.

Неистовый ветер буквально пригвоздил ее к стене дома. Сплошной снежный поток обрушился с небес. Нэнси смогла только уткнуться лицом в стену и жалобно позвать: "Генри!". Она крикнула лишь один раз, да и то с трудом услышала себя, а на большее не хватило дыхания. Как он может стоять здесь на таком ветру? Очередной порыв так притиснул Нэнси к стене, что на миг она забыла, зачем пришла, и потянулась к двери - уйти отсюда, спрятаться от стихии, но тут же отдернула руку. Нет, Генри же здесь, и ей нужно добраться до него. Он стоял далеко, в противоположном конце террасы; значит, если она пройдет вдоль стены до конца, а потом (если понадобится) проползет вперед хотя бы и на четвереньках, то непременно найдет его. Если только он не уйдет...

В безумии ветра ощущался ритм; он поднимался до пронзительного воя и потом немного

стихал, прежде чем снова усилиться. В короткий миг затишья она смогла поднять голову и увидела только спокойно падающий снег. Она отвернулась как раз вовремя - следующий порыв обрушился на нее, как огромная дубина, - и поползла дальше вдоль стены. Там, в этой круговерти, были тетя Сибил, и ее отец, и Генри. О Господи, но почему же Генри? Отец оказался там по случаю, а Сибил - по.., по любви. По любви... Выбраться бы отсюда, и пусть упражняется в любви тот, кому это нравится! "Нет, нет, - прошептала она самой себе. - Нет, дорогой, прости меня". Она взгляделась и заметила какую-то фигуру. Но это был не Генри. Сквозь снег, прямо в воздухе, предвзяв новый порыв слепящего, давящего ветра, возникли очертания человека, размахивающего не то жезлами, не то дубинками. За ним маячил еще один. Нэнси видела качающиеся булавы, слышала вой ветра.

Земля начала уходить у нее из-под ног и пришлось вцепиться в стену. Сумасшедшие воспоминания, почти стертые из памяти недавними бурными событиями, вдруг явственно всплыли перед ней. Смерть с серпом - земля, просыпавшаяся из карт цыган, потопивший Армаду - и ветры, воющие так, словно они снова гонят по беснующемуся морю разбитые, потерявшие мачты корабли. Генри - где же Генри? Что он делает на дальнем конце террасы? Вопрос еще не успел сложиться у нее в голове, а она уже угадала ответ - и взмолилась: "Генри, милый мой, не надо!" Она упорно пробиралась навстречу концу, не смея даже мысленно представить его. Что бы там ни было, она должна добраться; Сибил велела ей найти Генри - а Сибил, быть может, уже нет. Никому не уцелеть в таком урагане, вот испанские корабли и разбились о шотландские скалы. Но если Сибил мертва - значит, все зависит от одной Нэнси; ее оставили здесь выполнить просьбу куда более важную, чем она сама. Постойте, как это Сибил может не быть? Сибил, которая видела танцующего Шута, которая сказала ей: "Попробуй, дорогая"... А она что делает? Ползет вдоль стены! Смерть приближается к ней, и Повешенный смотрит в лицо, и Башня вот-вот обрушится, и скелет преграждает путь - но она движется! "Поднимайтесь и поклонитесь таинству любви". Она выпрямилась и взглянула прямо в лицо буре.

Неподалеку что-то качалось вверх-вниз. Она заставила себя оторваться от стены; вот он, конец, вот сюда звала ее Любовь, и она добралась, хотя это было не просто. Еще шаг, и еще. Штормовой ветер пригнул ее к земле, заставил упасть на колено, но когда она подняла голову, то совсем близко увидела движущиеся тени - и поняла, что это ладони. Они удерживали что-то и ритмично двигались. Они были огромными, гигантскими. Ее собственные руки там, в золотом тумане, были такими же - только эти окутывали белая вьюга, и снежинки разлетались от них.

Не вставая, она продвинулась ближе, смутно ощущая, что там ее поджидает еще один кошмар, хотя и другого рода. Но если она правильно угадала природу этого кошмара, то ураган удастся остановить. Огромные руки двинулись снова, и целые сугробы снега обрушились на нее с новой силой, буквально сбив с ног. Но она была уже почти у цели; прямо над ней могущественно помавали истинные причины ненастья. Не поднимаясь с колен, она выпрямилась, попыталась поймать реющие длани и промахнулась. Великанские ладони взмыли вверх. Но вот они снова начали опускаться, и Нэнси сделала судорожный рывок вперед. На этот раз попытка удалась, она поймала руки, но удержать не смогла. Неумолимая сила воздела их снова вверх, поднимая ее за собой. Что-то выскользнуло из пальцев, мелькнуло и исчезло. Она судорожно сжимала знакомые ладони, пытаясь удержать, отвести назад. Наконец руки подались - и она оказалась на груди у Генри.

Он настолько внутренне сосредоточился и слился с ритмом заклятья, что поначалу не ощутил ее присутствия. Кто-то поймал и отвел его руки - а в следующий миг он уже прижимал к себе заснеженную фигурку в сером пальто. Он не успел понять, кто это, и вскрикнул от ужаса, приняв ее за неведомое существо, за одного из обладателей жезлов, который дерзнул

подкрасться к хозяину. Впрочем, он тут же понял ошибку и закричал, не скрывая ярости: "Ты идиотка! Полная идиотка! Ты же рассыпала карты!" В сумраке он лихорадочно пересчитал оставшиеся листы. У него на руках было четыре старших масти.

Остальные рассыпались в тот момент, когда Нэнси схватила его за руки, и теперь танцевали в снежном вихре, ломая ритм, внося в бурю хаос стихии. Он рванулся было вперед, но Нэнси обхватила его за плечи, и он не посмел освободиться. Катастрофа, двойная катастрофа! Магические инструменты потеряны, а вихрь вырвался на волю! Он растерялся. Нэнси с полужакрытыми глазами бормотала: "Генри, не надо, пожалуйста, Генри..."

- Ты уже сделала все, что могла, - глухо проговорил он. Между ними больше не было секретов, и теперь можно было говорить, не таясь.

- Останови бурю, - настаивала Нэнси. - Дорогой, не делай этого. Не таким способом.

- Я не могу, - сказал Генри. - У меня больше нет карт. Пойдем-ка внутрь. Нельзя здесь стоять. Кто знает, что может случиться.

Он не повысил голос, она не возразила. Надеждам и чаяниям обоих пришел конец. Башня, которую воздвигал каждый из них своими стремлениями, желанный небесный Вавилон рухнул в грохоте противящихся друг другу воле и языков, и ужасающая тишина наполнила оба сердца. Наступило время нового союза - союза отчаяния. Генри обнял Нэнси за плечи.

- Пойдем.

Первые шаги дались с трудом, но дальше было еще хуже. Шторм разыгрался с новой силой. В воздухе закипела битва, сами небеса, бывшие прежде только безучастными свидетелями происходящего, пришли в движение. Начинался бунт естественных и сверхъестественных сил. В какое-то мгновение Нэнси оторвало от Генри, но они тут же снова соединили руки, охваченные единым порывом самосохранения. Дважды метель сбивала их с ног, и они пробирались ползком, пока случайная промашка врага не позволяла им встать. Едва живые, добрались они до открытой двери, как до безопасной гавани. Но для спасения следовало предпринять еще кое-что. Генри, спотыкаясь, добрался до кухни и позвал на помощь. Одна служанка занялась Нэнси, вторая вытерла пол и вместе с Генри заперла дверь. Едва был задвинут засов, как Генри рухнул без сил прямо на пол, разом забыв и о своем плане, и о своем крахе, и о своем достижении.

Глава 9

СИБИЛ

Сибил Кенинсби шагнула в метель. Ветер обжег лицо и едва не сбил с ног. Она не обратила на это внимания. Ветер раскачивал ее тело, но сама Сибил без труда подчиняла себя тому единственному, что открылось ей в жизни: щедрости Любви. Она склонялась перед ветром не от бессилия, а так, как верующий преклоняется перед внешними проявлениями Бога, позволяющими полнее ощутить свое единство с Ним. Сибил на миг замерла, словно в ожидании радостной обещанной встречи, и ветер не обманул ее ожиданий, позволив удерживать равновесие. И снова ее наполнила безмятежная удовлетворенность.

Это ощущение было чистой радостью. Знание и благодарность слились, а радость стала следствием их союза. Стоило направить ее вовне, как она возвращалась обратно; Лотэйр Кенинсби, к которому устремились помыслы Сибил, где бы он не был, уже попал в сферу этого возвратного движения. Теперь в умиротворенности Сибил появился новый оттенок. Она сосредоточилась на брате; она собрала внутри себя все, что знала о нем, и растворила в себе это знание. И все вокруг обрело свои истинные места и формы.

Такого состояния, в котором интересующие ее вещи и люди больше не требовали мысленного контроля, а возникали словно из небытия так же легко и естественно, как они существовали независимо от Сибил, - такого состояния даже она достигала нечасто. Это искони присущее человеку наивысшее состояние было искажено в ней, как и во всех прочих, грубым

господством собственных желаний. Когда она открыла истинный закон, когда узнала, что имеет право и силу владеть всем просто потому, что полностью владеет собой, на пути к полной свободе все еще оставалось множество препятствий. Дни проходили в страданиях, ночи - в молитвах, прежде чем ее одинокая душа смогла найти спасение, а суетные желания, равно как и не праведные мечтания, угасли. Был период, когда прирожденная веселость - естественное следствие быстрого ума - оставила ее. Брат называл такие состояния просто: "Сибил что-то хандрит". Каждый раз она чувствовала себя при этом чуть ли не предательницей, поскольку считала радость долгом каждого человека по отношению к окружающим. Она попыталась заставить себя выглядеть веселой. Старания не увенчались успехом, зато принесли ей подлинный подарок.

Едва ли она помнила, когда именно слово Любовь стало означать для нее самое великое в человеке. То один, то другой случай высвечивал в сознании эту мысль. Однажды незадолго до смерти мать сказала ей: "Люби, Сибил, если осмелишься; если нет, признай это" А как торжественно звучало слово "Любовь" у великих поэтов, особенно когда она в юности читала Данте. Вспомнился и какой-то проповедник в поезде, сунувший ей брошюру: "Люби Господа или попадешь в ад". Только много лет спустя она смогла понять, насколько точна была формулировка. Будущее время стоило бы заменить настоящим: "Либо ты любишь Бога, либо пребываешь в аду". Правда, необходимость слова "Бог" тоже вызывала у нее некоторые сомнения.

По ее мнению, Любовь была вполне самодостаточна. Она все еще пыталась радоваться, когда однажды шла по Кингсуэй и внезапно осознала, что незачем ни пытаться, ни радоваться: надо только оставаться в покое и позволить радоваться самому Божеству, поскольку того требует Его собственная природа. Порой она забывала об этом; ее смертное земное начало время от времени порывалась действовать, приводя ее в смятение и затмевая Его тонкие проявления. Но такое случалось с ней все реже; воля Судьбы, имя которой и есть Любовь, все полнее овладевало ее существом.

Сила Любви вела Сибил и теперь; мысли ее сосредоточились на брате. Она вышла с подъездной аллеи на дорогу и осмотрелась. Едва ли она рассчитывала сразу же увидеть Лотэйра; нет, ее задача заключалась в том, чтобы искать. Ее не удивляло, что она так легко шла сквозь вьюгу, ведь на самом деле шла не Сибил - шла сама Любовь, и не буре заступать ей дорогу. А буря, между тем, разыгралась поистине величественная; Сибил благоговела перед грозной силой стихии. Она мельком подумала, что Лотэйр сейчас вряд ли разделяет ее чувства. Хорошо бы, конечно, суметь показать ему, как прекрасна эта слепая мощь. Тогда бы они могли порадоваться вместе. А если бы к ним присоединились Нэнси, Генри, Аарон Ли, Ральф, и все прочие тоже, было бы совсем замечательно. На миг ей привиделось человечество, ликующее среди всей этой грозной красоты, где радость творения отвечала радости Творца.

Наверное, Лотэйр сбился на развилке, свернув к холмам. Если до перекрестка она не встретит брата, то как же ей быть: идти вперед или тоже повернуть к холмам? Она давно поняла: Любовь требует, чтобы человек сначала сделал все, что в его силах, а потом уже полагался бы на Нее. Любовь может соизволить воспользоваться услугами разума, но лишь в том случае, если он должным образом подготовлен. Поэтому Сибил начала размышлять и тут же споткнулась обо что-то.

"Во всяком случае, это не мой брат, - мелькнула у нее мысль, - но по ощущениям оно мягкое и живое". Она наклонилась, протянула руку, нащупала что-то у ног и подняла повыше. Это оказался довольно большой котенок. Интересно, откуда он взялся? Разве что из дома Аарона Ли. Она грела и гладила несчастное полузамерзшее существо, пока оно не зашевелилось. Тогда Сибил растегнула пальто и сунула животное за пазуху. Котенок пригрелся

и удовлетворенно замурлыкал, а Сибил пошла дальше, улыбаясь при мысли о том, что Лотэйр мог разминуться с ней и сейчас сидит уже дома, в безопасности... Сила, ведущая ее, вполне могла выгнать Сибил из дома только за тем, чтобы не дать замерзнуть котенку. Да будет на все Его воля! Быть может, котенок принадлежал какому-нибудь малышу из деревни, и Сибил проделала пару миль в пургу для того, чтобы они оба были счастливы. "Пожалуй, Лотэйру я едва ли смогла бы объяснить подобную прихоть Провидения", - подумала она.

Метель внезапно прекратилась, когда Сибил уже подходила к перекрестку. Она сразу заметила фигуру, скорчившуюся возле изгороди; снег уже начал заметать ее. Придерживая котенка, Сибил быстро перешла на другую сторону. Среди снежного мельтешения ей почудилась на мгновение высокая фигура, спускавшаяся по белым ступеням реющих снежных хлопьев; едва стопы видения касались прозрачных перекладин, как снежинки начинали кружиться вихрем. Перед фигурой разливалось слабое золотистое сияние, хотя снежная пелена не давала пробиться на землю ни единому лучу закатного солнца. От этого сияния чуть искрились снежинки и металась блики на руках, протянутых к жертве. Руки почти касались человека под забором подобно тому, как в Сикстинской капелле рука Господня вечно касается просыпающегося Адама.

Но стоило Сибил приблизиться, и видение исчезло. Еще раз коротко мелькнул золотой перелив и тут же погас в белесом Мраке. Потом она оказалась рядом с человеком, наклонилась, тронула его за плечо и легонько потрясла. Только опустившись на колени, она убедилась, что перед ней был Лотэйр. Без шляпы, без очков, в распахнутом пальто брат сидел под забором, и тяжелые полы хлопали по ветру. Сибил хотела застегнуть пальто, но не нашла ни одной пуговицы. Лотэйр Кенинсби успел посинеть от холода, его трясло. "Как это предвзвешенно, подумала Сибил, - быть попечителем сумасшедшего дома. И как же, мой дорогой, ты похож при этом на ребенка, потерявшегося в лесу. Знаю, знаю, тебе бы подобное сравнение не понравилось. Лотэйр! - позвала она, - Лотэйр, дорогой! Ты меня слышишь?".

М-р Кенинсби никак не отреагировал на ее голос, только расслабился и осел еще ниже. "Ну вот, вздохнула Сибил, - а я не могу выпустить котенка". Она постаралась закутать брата в пальто, потом встала, левой рукой подхватила его подмышки и изо всех сил попыталась приподнять. Невозможно, слишком уж он не владеет собой. Она заставила себя успокоиться - Любовь либо поднимет его, либо разрешит возникшую проблему каким-то другим способом. Она привычно сосредоточилась и снова начала трясти его и звать по имени.

Наконец м-р Кенинсби открыл незрячие глаза.

- Ты здесь, Сибил? - прохрипел он. - Уже уходишь?

- Кто уходит? - сказала она. - Отведи меня домой, Лотэйр. Такая ужасная метель!

- Все хорошо, - пробормотал он. - Просто обопрись на меня, и п-пойдем. А они ушли?

Она снова потрясла его.

- Я никогда не бывала на улице в такую погоду. Лотэйр, ты же всегда берег меня. Ну, пожалуйста, отведи меня домой. - В ее голосе послышался явный намек на слезы. Брат встревожился и зашевелился.

- Я п-поберегу тебя, - сказал он, - И отведу.., домой. П-прямо.., сейчас. Я не знал, что ты тут.

- Я пошла встречать тебя, - пожаловалась она, и совсем выбилась из сил.

М-р Кенинсби медленно покачал головой, как делал всегда, когда осуждал ее легкомыслие.

- Это неразумно, - с трудом произнес он. - Крайне неразумно. Оставалась бы в доме. Кто тебя обидел?

Она сжала его плечо с такой силой, что он снова очнулся.

- Ох, Сибил! - проговорил он. - Побереги себя. Мы должны идти. Не стоило тебе выходить.

- Он с трудом начал подниматься на ноги, огляделся по сторонам и заговорил, видимо, еще не вполне оправившись. - Забавно. Я их точно видел. Бежали рядом со мной, били меня. С обеих сторон. Здоровенные такие люди с дубинками.

Сибил тут же вспомнила привидевшуюся ей фигуру, но ответила совершенно естественно:

- Я никого не видела, мой дорогой. О, Лотэйр, помоги мне подняться.

Цепляясь друг за друга, брат и сестра кое-как встали на ноги. Растревоженный котенок когтями впился в запястье Сибил. Она погладила его одним пальцем, чтобы успокоить, и коготки медленно разжались. Оказавшись на ногах, м-р Кенинсби немедленно проникся чувством ответственности.

- Держись за меня и не бойся. Это хорошо, что ты меня увидела - а то бы совсем заблудилась. Я только на минутку остановился дух перевести. Может быть, ты будешь держаться двумя руками?

- Думаю, и одной хватит, - сказала Сибил. - Лучше запахнись.

Она не хотела показывать котенка, и еще ей надо было незаметно направлять Лотэйра к дому. Она точно знала: Любви совсем не нужно, чтобы они торчали по колено в снегу на перекрестке и спорили, куда идти. Но если Лотэйр убежден, что налево...

Он действительно колебался, но не в выборе дороги. Свист и завывание вьюги стали громче, и едва они вышли из-под прикрытия изгороди, как согнувшийся Лотэйр заставил пригнуться и Сибил, а потом остановился совсем.

- Может быть, - выдохнул он, - нам лучше.., спрятаться здесь.., ненадолго.

- Отведи меня домой, - взмолилась Сибил. - Я же нашла тебя и теперь хочу домой. - Неопределенность этих слов доставила ей большое удовольствие и она повторила их еще раз, медленно и отдельно, радуясь удивительной иронии вселенной, сделавшей фразу еще более тонкой, чем показалось Сибил поначалу. Потому что нашла его уж точно не она, а раз так, то найдется и сила, которая доставит их к дому и подбодрит в пути.

- Да, - выдохнул м-р Кенинсби, - ты совершенно права.

- Господи Боже, - проговорила Сибил, позволявшая себе упоминать Господа лишь в исключительных случаях, - конечно же. Только не оставляй меня.

- Я никогда не... - начал он, но продолжить не смог и только выдохнул:

- Конечно...

И они пошли дальше, сражаясь с той самой дорогой, по которой Сибил прошла так легко. Большую часть времени брат висел у нее па руке, опирался на нее, а то и вовсе спотыкался и падал. Но время от времени он бормотал что-то, стараясь подбодрить и успокоить ее. Сибил, несмотря на неловко повернутую руку и сбивающееся при каждом падении брата дыхание, не раз и не два успела подумать о том, какой он, в сущности, милый и нежный. Он искренне считал, что помогает сестре вернуться домой, и почти не проявлял раздражения, разве что пару раз, задыхаясь, проговорил: "Не могу представить.., зачем ты.., вышла на улицу. Ужасный день", и один раз обронил: "Как хорошо, что ты нашла меня".

- Да, - с чувством согласилась она, - я тебе очень признательна. - Даже в своем нынешнем состоянии он был действительно взволнован при мысли о той опасности, которой она подвергалась; ну конечно, он был очень славный.

Они брели дальше, ощущая рядом ненавязчивое присутствие смерти. Каждый делал все, чтобы спасти другого. В это самое время Нэнси на террасе удалось перехватить страшные движущиеся ладони, и магическое заклинание ветра и снега вырвалось из рук нерадивого практика и оказалось на свободе: десятибалльный шторм вышел из-под контроля.

К счастью для двоих, пробивавшихся сквозь метель, к этому времени они были уже около подъездной аллеи; к еще большему счастью, безумная пляска стихий оказалась немного слабее

именно вокруг них. Но когда брат с сестрой уже повернули к дому, м-р Кенинсби почти выбился из сил; только решимость Сибил не позволила ему остановиться совсем. Да, конечно, она поклонялась Любви, но это не мешало мыслям о том, что если котенок еще раз выпустит когти, ей придется забыть, что она любит его. Котенок же выпускал когти всякий раз, когда Лотэйр обвисал на ней. "Ну, зачем тебе так уж крепко держаться, малыш? - молча обратилась она к зверьку. - Ты уже знаешь, что я тебя не брошу. Это жаворонки могут упасть с неба, а тебе-то чего бояться? Лотэйр, дорогой, ты чуть не уронил меня. Котенок, да перестань же ты, пожалуйста. Конечно, если вас обоих это не очень затруднит".

М-р Кенинсби опять решил остановиться. Прямо перед ними, почти неразличимые в слепящей круговерти, показались еще какие-то люди. Похоже, их было трое. Сибил напрягла зрение.

- Я.., говорил тебе... - брат с трудом шевелил губами, - это те люди.., с дубинками...

У одного из троих действительно виднелось нечто вроде дубинки; только скорее это был все же посох, поскольку человек опирался на него. У остальных руки были пусты. Они шли примерно в том же направлении, только еще медленнее, чем Сибил с братом.

- По-моему, они направляются к дому, - сказала Сибил и перевела брата на другую сторону. - Хотя как им удалось найти дорогу... Лучше бы нам догнать их, - добавила она.

М-р Кенинсби кивнул. Сознание у него снова помутилось.

- Тогда мы все вместе славно отдохнем, - проговорил он так, что Сибил едва различила слова. - Славно посидим в тишине.

В этой мысли - посидеть в тишине - есть что-то привлекательное, призналась себе Сибил. Тем временем прохожие поравнялись с ними, и Сибил разглядела в середине маленькой группы женщину, обвисшую на руках своих спутников. Правда, при этом она что-то говорила.

Сибил почти начала разбирать отдельные слова, и тут ближайший незнакомец повернул лицо в ее сторону.

- Ральф! - воскликнула она.

- О, здравствуйте, тетушка! - крикнул Ральф. - Вот проклятущая погода! Вы-то что тут делаете?

- Гуляем, - пошутила Сибил, но ветер отнес ее слова в сторону. Ральф приглашающе махнул рукой, Сибил кивнула, и дальше они шли уже впятером. Женщина продолжала говорить. Голос у нее оказался настолько резкий, что преодолевал вой ветра. Ветер, казалось, даже усиливал его. Пронзительные звуки соответствовали тональности пурги; ветер гнал их дальше и словно пел на два голоса со случайной попутчицей. Сибил расслышала: "..., придет, придет, единое воспрянет...".

Ральф вопросительно взглянул на тетю. Сибил уже узнала странную попутчицу - старую цыганку, которую Генри называл Джоанной. Теперь понятно, почему они так уверенно вышли к дому. Но какая энергия наполняет ее голос и дух такой силой, в то время как тело беспомощно висит на руках спутников? Уж конечно не Сибил Кенинсби отрицать расчлененного и рассеянного по всей земле вечно торжествующего Осириса и ту победу, которую бессмертная Любовь постоянно одерживает над его врагами. Но если эта женщина пела гимн Любви, то каким же диссонансом звучал ее пронзительный голос! Впрочем, в сладостной иронии Совершенства случается и не такое. Ожидаешь одного, а получаешь всегда неизмеримо больше.

Впереди начало вырисовываться нечто темное. Еще несколько шагов - и все сгрудилось перед входной дверью: Лотэйр и котенок, Ральф и эти двое, и сама Сибил. Не из благодарности за спасение, а просто ради очередного властного проявления Любви, Сибил вновь преклонилась в душе перед ее таинством. Она потянула за колокольчик, Ральф принялся стучать в дверь, Стивен, если это был он, - заколотил в нее палкой. Лотэйр привалился к дверному косяку.

Старуха повернула голову мгновение они с Сибил смотрели друг на друга, и глаза узнавали знаки давних посвящений.

- Совершенно дьявольская погода! - объявил Ральф.

Из глубины дома послышались шаги. Дверь им открыл сам Аарон, и вместе со снежным вихрем люди и звери кое-как протиснулись внутрь. Сибил помогла брату войти и тут же обернулась, чтобы помочь Ральфу управиться с дверью. Наконец ее заперли. Привалившись спиной к содрогающемуся дереву, Сибил осторожно освободила котенка. Лотэйр повалился в кресло, Стивен сполз на пол по противоположной стене, а Джоанна, мокрая насквозь, не замечая сугробов на своих плечах, неотрывно смотрела в лицо Аарону.

- Я пришла! - крикнула она. - Я пришла. Тебе не удастся спрятать его, Аарон. Я пришла увидеть его пробуждение.

Глава 10

НЭНСИ

Было около шести вечера. Как только примчалась Нэнси, м-ра Кенинсби тут же отправили в постель. Обнимая племянницу, Сибил поняла, что девушкой овладело какое-то слепое отчаяние. Когда объятия кончились, она присмотрелась повнимательнее. Краски сошли с лица Нэнси, глаза были очень усталыми; сияние, которое лилось из них все последние недели, погасло, а движения стали тяжелыми и тревожными.

- А где Генри? - между прочим спросила Сибил.

- О, сидит где-нибудь взаперти, - сказала Нэнси и тут же замкнулась.

Ральфа представили хозяевам и сразу увели отпаивать грогом и отогревать в ванной. Оказалось, он просто хотел обменяться родственными поздравлениями с семьей и вернуться обратно. Однако машину пришлось бросить где-то неподалеку. Ральф сам слегка стыдился своего порыва и засмутился еще больше, когда признался Сибил, что своим появлением намеревался порадовать отца.

- Это же замечательно, Ральф, - тепло сказала она.

- Сам не понимаю, чего меня потянуло? - он пожал плечами. - Просто когда вы уезжали, он выглядел таким постаревшим, как человек, который собирается.., а, ладно. Ты же знаешь, тетя, ему нравится, когда люди думают о нем. Я хочу сказать, двум старым Грималкинсам все равно, буду я с ними в Рождество или нет. Там вокруг всегда полно народу. А отец словно так и остался при своих сорока, ведь правда?

- А ты на сколько рассчитываешь? - серьезно спросила Сибил.

- Ну, не знаю; скажем, до крепких шестидесяти, принялся размышлять Ральф. - Но я на самом деле исключение, тетя Сибил. Я хочу сказать...

Здесь его позвали, и он успел только коротко поведать, как буря заставила его бросить машину, как он заблудился, а потом встретил двоих путников, с которыми и отправился дальше - отчасти потому, что они вроде бы знали, куда и зачем идут, отчасти для того, чтобы поддержать Джоанну.

- И должен сказать, - торопливо добавил он, обращаясь к Сибил, - от заклинаний, которые она распевала всю дорогу, у меня такой мороз по коже, что куда там этой чертовой метели!

Сибил тоже пригласили принять ванну, хотя она и уверяла, что в этом нет необходимости. Однако уже перед тем, как опуститься в горячую воду, Сибил вдруг отметила одну несообразность. Почему-то не крепкие мужчины, а именно они с Джоанной вышли из этой передраги с минимальными потерями.

Тем временем Джоанна сидела в кресле в гостиной, продолжая кутаться в свой старый красный плащ, а снег таял у нее на плечах и ручейками стекал на пол. Как бы Аарон не показывал свое недовольство, изменить он ничего не мог. В самом деле, не выставишь же

Джоанну и Стивена за дверь, а сами они нипочем не уйдут, и поддержки ждать не от кого.

"Хотела бы я знать, - размышляла Сибил, - почему они так друг друга не любят. Семейные разногласия или что-то другое?"

Нет, лечь в постель она решительно отказывается, а вот горячего питья да, с удовольствием; и принять ванну - с удовольствием, и переодеться тоже не прочь. Чай, ванна и переодевание сами по себе были вещами весьма приятными; в этой части бытия одно удовольствие влекло за собой удовольствие как бы противоположного свойства. Общество - и на смену ему одиночество, прогулка - и последующее мягкое кресло, одно платье - и другое, чувства - и разум, метель и горячий грог, работа - и отдых - восхитительный порядок прекрасно продуманной и сотворенной вселенной. Все это очень напоминало прелестные фигурки в непрерывном танце; возможно, они как раз и являлись символом устройства мироздания; возможно, именно это и означали невнятные слова Аарона о том, что они берут силу от земли. Да, ничего прекраснее этих фигурок она не видела - и этот изменчивый свет, льющийся от каждой из них, и золотой ореол, висящий в воздухе... Как он вспыхнул и заколыхался, когда предсказывалась судьба Нэнси! Перед мысленным взором Сибил вновь возникло слабое золотистое сияние, охватившее там, в метели, ее брата, сжавшегося под забором.

Сибил видела, как возникает золотой ореол над удивительной танцевальной площадкой. Свет исходил от фигурки Шута. Она двигалась настолько быстро, что казалась находящейся в разных местах одновременно. Свет от нее, направленный вверх, и создал золотистый круг. А лучи других танцоров придавали этому фону то один, то другой оттенок.

Сегодняшнее происшествие выглядело так, словно одна из фигурок - может быть, и сам Шут, - решила навестить ее брата, заплутавшего в метели. Она поразмыслила над такой возможностью. Почему бы и нет? Разве не может прекрасное совершенство, составляющее основу мироздания, поддерживать свои творения в их естественных состояниях?

Она лениво пошевелила ногами в воде, и при этом движении отчасти пригрезившиеся, но отчасти и настоящие крошечные золотые пятнышки поднялись со дна, оторвались от поверхности воды и поплыли прочь; тогда она поспешила отогнать свои мечтания.

- Только мистики мне не хватало, - вслух сказала она себе. - Так и рождаются суеверия. Но вот беда, - добавила она, словно оправдываясь перед собой, - я-то знаю, что они были, что породила их я и я же прекратила. Люди, продолжала она размышлять, - убивали друг друга из-за подобных вопросов видел или не видел кто-то там золотые пятнышки? И правильный ответ один - нет, я видела только рябь на воде, и кончик собственного пальца, и хотя Лотэйру бы это не понравилось - палец был очень изящной формы. Как хорошо, что у Любви есть такой пальчик!

Уже одеваясь, она задумалась, где может быть Генри; она бы предпочла встретить в гостиной и его тоже. Фраза Нэнси "заперся где-то" звучала явно нелепо - не столько даже по смыслу, сколько по тону. Тон не был ни язвительным, ни даже жалобным скорее, в нем слышалось отчаяние. Отчаяние? Что, Генри отказался выйти к ней? Или он не переносит снега? Или у него, как любит выражаться Ральф, "крыша поехала"?

Что ж, в таком случае зимней порой Нэнси будет трудно. Генри придется впадать в спячку. Она представила разговор Нэнси с детьми: "Мама, а какие звери впадают в спячку?". "Медведи, черепахи, ежики и ваш папочка". Хороший это будет адвокат, который сразу после отпуска готовится захрапеть на всю сессию. Не очень-то прибыльно вести дела только летних клиентов.

Она решительно тряхнула головой; пора кончать этот милый треп. Ах, как они иногда славно болтали с Нэнси на пару! Нэнси... Что же стряслось с девочкой? Сибил застыла с одной туфлей в руке. Освободив сознание от всех мыслей и образов, она удерживала его пустым, пока

внезапная перемена восприятия не подсказала ей, что барьер самости пройден; затем она осторожно воспроизвела образ Нэнси и выделила память о ней. Нельзя сказать, что она молилась за Нэнси в обычном понимании этого слова; она предпочитала воспринимать Неведомого Творца и созданный им мир такими, каковы они есть и не пыталась вносить поправки своими просьбами. Она просто удерживала мысль о Нэнси в самом средоточии Неведомого. Она надеялась, что Нэнси не обидится на нее, даже если узнает.

Закончив свою не то молитву, не то медитацию и натягивая вторую туфлю, она неожиданно улыбнулась. "Допустим, в Неведомом прячется дьявол... Интересно, что будет, если просто предложить ему Любовь? Наверное, дьяволу это придется не по вкусу, и тогда... Да не верила она ни в какого дьявола, а вот в Таинство Любви верила, как и Нэнси до сегодняшнего обеда, между прочим...".

Надо постараться разговорить Нэнси. А ведь есть еще и Лотэйр - которому в этом странном доме наверняка захочется, чтобы она была рядом. И еще есть Джоанна - Сибил предвкушала будущий разговор с ней. Кажется, эта старая цыганка обладает удивительно точным видением мира, вот только очень не любит врагов Гора.

Перед тем, как спуститься вниз, она еще раз проверила свои ощущения. Вполне возможно, что Нэнси дождалась отца, успокоилась и сидит сейчас не в гостиной, а в своей комнате, за соседней дверью. Сибил немного подумала и решила, что вреда не будет, если она зайдет к племяннице, уйти-то ведь недолго. Она подошла к соседней двери и постучала. Высокий нервный голос произнес: "Входите".

Нэнси лежала в постели. Увидев тетку, она попыталась завести разговор, но тут же и оставила эти попытки.

Выглядела она куда хуже, чем недавно внизу. Си-бил еще от двери распознала человека, в котором сила Жизни вот-вот сдаст последние рубежи. "Нет, пожалуй, дело обстоит еще хуже, - подумала она. - Это существо предали, силу Жизни слишком быстро вытеснила Смерть, и девочка не успела с ней справиться". Ураган, угрожавший телам других, словно разрушил ее душу. Сибил быстро пересекла комнату.

- Что стряслось, дорогая? - спросила она. Нэнси не ответила, лишь слабо шевельнула рукой. Сибил присела на край постели и легонько взяла ладонь Нэнси в свои. Несколько минут они провели так в молчании; затем, едва слышно Сибил произнесла:

- Красота еще вернется. Подожди немного. Нэнси затрепетала, словно ураган бушевал у нее внутри, со стоном выдохнула: "Нет", и умолкла. Но стон по крайней мере означал жизнь; отрицание свидетельствовало о работе сознания; и Сибил обняла Нэнси за плечи. В молчании Сибил собирала все наличные силы, чтобы понять, в каком уголке этого разбитого существа еще сохранились глубинные животворные соки. Время уходило, но зато пальцы Нэнси уже чуть крепче сжали руку Сибил; плечо чуть расслабилось под ее рукой. Буря с неистовым упорством рвалась в окно, и внезапно Нэнси вздрогнула, словно только что услышала удары стихии, и незнакомым, сдавленным голосом вымолвила:

- Ты не знаешь, что это такое.

Сибил обняла ее чуть сильнее, десятками незримых нитей связывая Нэнси с жизнью. Ее безмятежная уверенность словно разрушила чары, сковавшие язык Нэнси, и девушка проговорила тем же невыносимым голосом:

- Это Генри убивает моего отца.

Дисциплинированное сознание Сибил даже не шелохнулось. Она спокойно, как о само собой разумеющемся, сообщила:

- Он вернулся со мной.

- Если бы он не вернулся, - прорвало наконец Нэнси, - если бы он умер там, если бы и я

умерла, буря бы прекратилась. А теперь она не остановится. Она будет всегда. Это Генри убивает моего отца, и он не может остановить это. Я помешала ему.

На миг Сибил все же смутилась. Ей вспомнились фантазии брата о "больших людях с дубинками". Она мягко отстранила это воспоминание, чтобы не мешать более важной работе, и ответила с нежной убежденностью:

- Ты не можешь сделать вообще ничего, если тебе это не позволено, правда? А если тебе позволили помешать ему, значит, так и должно было случиться. Но теперь уже ты сама не должна останавливаться.

Метель билась в окна.

Нэнси в отчаянии крикнула:

- Да ничто не может остановить ее! Он потерял их, он ничего теперь не может!

- Что потерял? - властно спросила Сибил, и девушка, захлебываясь слезами, ответила:

- Таро! Свои магические карты! Они были у него; он размахивал ими вверх и вниз; он вызвал бурю, чтобы убить отца, а я схватила его за руки и они рассыпались, пропали, и теперь ничто и никогда не остановит ветер и снег. Они найдут отца, они завалят снегом весь мир. Слышишь, как они пляшут! Слышишь, как они поют! Этот танец Генри и держал в своей комнате.

- Я знаю о танце, - терпеливо сказала Сибил. - Нэнси, ты слышишь? Я знаю, что такое танец, и знаю танцоров. Я знаю даже то, чего не знает Генри. Как ты полагаешь, может твоя метель коснуться Шута?

Сибил сама не знала, почему произносит именно эти слова, но что-то в них было созвучно отчаянию Нэнси, что-то задевало ее сознание. В лице тоже наметились перемены; на нем проступило тусклое воспоминание о жизни. Губы непослушно шевельнулись и выговорили:

- Шут...

- Я видела золото на снегу, - продолжала Сибил. - Твой отец был огражден золотым сиянием. Неужели ты думаешь, что Таро могут пропасть, пока Шут держит их?

- Но все говорят, что он не двигается, - выдохнула Нэнси.

- А я видела его в движении, - ответила Сибил, и нерушимая безмятежность была в ее голосе. - Ни в небесах, ни на земле нет ни одной фигуры, которая могла бы ускользнуть от такого партнера. Все они его навеки.

- И снег? - сказала Нэнси.

- И я, и ты, и Генри, и твой отец, - размеренно говорила Сибил. - Нам надо только помнить свои собственные правильные движения. - Она по-прежнему не вполне понимала, на каком языке говорит; словно у апостолов на Пятидесятницу, единая истина лилась из ее уст на тех наречиях, которых она не знала, словами, которым она никогда не училась <Имеется в виду нисхождение Святого Духа на апостолов в праздник Пятидесятницы в Иерусалиме, после чего они начали проповедовать на разных языках. См., напр. Деян. 2.4.>.

Она добавила так, словно это имело какой-то сокровенный смысл:

- Твой отец вернулся со мной; может быть, Генри теперь ждет тебя?

Как паломник на улицах Иерусалима, вдруг услышавший благую весть, Нэнси впервые подняла голову.

- Зачем?

- Почему ты считаешь, что таинство Любви творится лишь между теми, кто нравится друг другу? задала Сибил неожиданный вопрос. - Дорогая, ты часть этого таинства, и то, что тебе предстоит исполнить, может оказаться сильно непохожим на обыденные дела. Скажи-ка мне - нет, не про бурю, это - пустяк, она - у ног Шута; скажи мне, что все-таки случилось?

Поначалу неуверенно, сбиваясь, Нэнси начала рассказывать обо всем, что знала о Таро. Она

останавливалась, возвращалась к началу, перескакивала в самый конец, путала собственные впечатления с тем, что говорил Генри, а его слова, в свою очередь с тем, чего, как ей казалось, Генри добивался, и все это - со своим собственным отчаянным стремлением любить. Но и в этой мешанине то и дело всплывала неподвижная и вместе с тем стремительно летящая фигура Шута, а у ног его расцветало невинное и страстное желание юной женщины, поклявшейся сделать все возможное и невозможное для своего ненаглядного Генри, но не только и не столько для него, сколько ради великой тайны, о которой она узнала пока так немного и так надеялась узнать больше.

Сибил была готова ко всему, как и следует человеку, полностью владеющему собой. Она давно знала, что никакие потрясения не сравнятся с восторгом открытия самого существования Любви. Когда человеку открывается эта истина, любые другие события, любые новые красоты становятся лишь ее составной частью и уже не могут застать врасплох. Она серьезно и внимательно слушала историю Нэнси, видела не столько своими глазами, сколько глазами Нэнси - как мир открывается с неожиданной стороны. Она видела, теперь уже своим внутренним взглядом, отдаленную фигуру Жонглера, стоящего в пустоте до начала всякого творения, и сияющие шары, которые, покидая его руки, обретают бытие и становятся звездами и планетами. Часть из них оставалась парить в пространстве, часть падала почти сразу же, уходила вниз и поднималась снова, пока облик творца не затерялся среди роя новых миров. Она видела, по мере того как длил повествование возбужденный девичий голос, четыре великие фигуры, между которыми покоилась Земля - две стороны единого проявления, тело и душу человеческого существования, - Императора и Императрицу, а напротив Иерофантов, мужчину и женщину, четверичное начало знания и становления жизни на Земле. Меж ними катилась Колесница земного бытия. Но вот четверка распалась. Теперь по одну сторону оказался Отшельник - душа в радостном уединении, а по другую - Влюбленные, душа в радостном общении земной любви.

"И из них посыпалась земля", - жалобно проговорила Нэнси. Земля и воздух, огонь и вода - младшие стихии рождались из Старших Арканов, но и это было в танце. В каждом из четырех потоков Сибил продолжала видеть фигуру Шута, его летящие, исполненные радости движения. "Я подумала, что это Повешенный, и закричала", - Нэнси перескочила к другой части своей истории, а Сибил вспомнила распятия из своего прошлого, когда она ощущала себя повешенной, кричащей, выгнутой в муке, и видела золотое сияние и руки Шута, поддерживавшие и облегчавшие ее страдания, и слышала успокаивающие слова. "И что же нам делать? Что мы теперь можем сделать?" - бормотало юное существо рядом с ней, и вдруг Нэнси изо всех сил вцепилась в Сибил и разразилась слезами. И пока она рыдала и мучилась, руки Сибил поддерживали и утешали ее, а голос Сибил произносил успокаивающие слова.

Насколько быстрый ум Сибил в тот момент поверил рассказу Нэнси - дело другое. Кусочки раскрашенного папируса и вечно движущиеся фигурки, рассказ о создании земли и внезапная метель, страсть Генри и упрямство брата, увиденное собственными глазами и услышанное от остальных, трагическое отчаяние Нэнси и дикие заклинания Джоанны - Сибил не могла бы сказать тогда, связано ли все это с неким откровением, да она в общем-то и не думала об этом. Сердце Нэнси - вот что беспокоило ее в первую очередь. В нем была раздвоенность; в нем жили смятение и страх. Если Нэнси во власти иллюзии, то эта иллюзия слишком глубока, и ее не развеять несколькими словами утешения. Но если дело не в наваждении, если все эти странные, полумистические знаки и имена Старших Арканов исполнены смысла и реальны, тогда - она не сомневалась - в самое ближайшее время ее собственные отношения с Таро прояснятся и определятся. Сибил прижала к себе Нэнси.

- Сокровище мое, - сказала она, - твой отец в безопасности. Это тебе понятно?

- Да, - всхлипнула Нэнси.

- Тогда скажи мне - ну-ну, тихонько, все хорошо, лучше не бывает - скажи мне, где сейчас Генри?

- Наверное, у себя в комнате, - отрешенно проговорила Нэнси. - Я убежала от него, когда узнала...

- А он хотел, чтобы ты убегала? - осторожно спросила Сибил.

- Не знаю., нет, - покачала головой Нэнси. - Но я не могла остановиться. Он делал такое., я была в ужасе, и убежала от него - но я., я люблю его. Я не смогу жить, если не найду его, а как я теперь буду его искать?

- Но, милая, тогда это не называется "любить его", - мягко возразила Сибил. - Это всего лишь стремление жить, не так ли?

- Мне все равно, как это называется, - всхлипнула Нэнси. - Если бы я могла что-то сделать, я бы сделала - но я не могу! Как ты не понимаешь - он же пытался убить папу! Между ними стоит Смерть, и я - посередине.

- Значит, - сказала Сибил, - между ними есть и что-то помимо смерти. Кстати, ты можешь оказаться поважнее, чем она, ведь можешь? Откуда тебе знать, возможно, ты и есть Жизнь.

- Я не понимаю, о чем ты, - сказала Нэнси и резко высвободилась. - Иди, тетя Сибил, а то я с ума сойду. Ну, уходи же.

Сибил откинулась на спинку кровати.

- Успокойся и слушай, - сказала она. - Нэнси, ты сама говорила, что есть смерть и есть ты. Ты, что же, хочешь стать частью смерти, грозящей Генри и твоему отцу? Или ты будешь жизнью, связывающей их? В своей силе можешь не сомневаться, вот только в какую сторону ее направить? Тебе предстоит либо жить в них, либо позволить им умереть в себе. Решай быстро, потому что времени уже почти нет.

- Но я ничего не могу! - выкрикнула Нэнси.

- Твой отец вернулся благодаря мне, - сказала Сибил, вставая. - Иди и выясни, хочет ли Генри и дальше быть с тобой. Иди и выясни, чего он хочет, и дай ему это, если можешь. Я пойду к твоему отцу, а ты пойдешь к Генри. Давай-ка займемся действительно важными делами.

- Что я могу ему дать?! - воскликнула Нэнси. - Я даже не знаю теперь, чего он хочет.

- Радость моя, вполне возможно, он хочет уже не того, чего хотел два часа назад. Бывает, намерения у людей меняются. Иди и живи, иди и люби. Верни отца, верни отца - сейчас, и вместе с Генри, если сможешь. А если нет, слушай, Нэнси, если нет, и если ты любишь его, тогда иди и умри ради Любви. Ну же, она легонько подтолкнула девушку, направилась к двери, помедлила около нее и, оглянувшись, сказала:

- Я постараюсь вернуться побыстрее, - и ушла.

Нэнси смотрела ей вслед. "Иди к Генри?" Идти и жить? Идти и любить? Оказаться жизнью или смертью между любимым и отцом? Прижав ладони к щекам, она стояла и размышляла над темной головоломкой, постепенно начиная улавливать в ней проблески смысла. Что-то сохранило жизнь ее отцу, может быть, это что-то теперь ждет от нее действий, ждет, что она пойдет к Генри? Она не могла представить, что ей делать там, о чем они смогут говорить теперь, разделенные и одновременно связанные этой ужасной историей. Жизнь не сводится к разговорам. Любить - значит по крайней мере быть чем-то. Она качнулась в сторону двери. Может, Генри и не ждет ее, но... Все еще терзаясь сомнениями, Нэнси нерешительно вышла из комнаты.

Постучав и не дождавшись ответа, она все же рискнула войти. Он сидел - так же как и она недавно - в темноте. Нэнси включила свет, но тут же выключила, осторожно прошла по комнате и, опустившись на колени возле постели, тихо позвала:

"Генри!".

Он не ответил. Немного погодя она снова позвала: "Дорогой!", и поскольку он снова не ответил, так и осталась у его ног. Через несколько минут он глухо произнес:

- Уходи. Уходи отсюда.

- Если ты так хочешь, - искренне ответила она, я уйду. Я могу тебе помочь?

- Чем? - спросил он. - Нам всем осталось только ждать смерти. Мы все скоро будем там же, где и твой отец.

- Но он вернулся, он жив-здоров, - сказала Нэнси. - Тетя Сибил встретила его и привела домой.

- Жаль. Ураган все равно найдет его. Иди и будь с ним, пока это не произошло.

- А это обязательно должно случиться? - спросила она, и он горько рассмеялся.

- Ну, разве что ты придумаешь какой-нибудь способ загнать обратно Жезлы и Чаши. Если тебе это удастся, если потом ты сумеешь расположить карты по порядку, ты остановишь ураган. Но поскольку карты мечутся сейчас по небу, не представляю, как это сделать. Договорись с теми, что остались...

- А мы могли бы?.. - тут же спросила Нэнси, но Генри не понял.

- Попробуй, - насмешливо бросил он. - Вот четыре валета; возьми их и поговори с ними! Раз ты выпустила остальных, пусть эти расскажут тебе, где их искать. О, быть так близко, так близко!

- Я все равно поступила бы так, даже если бы заранее знала, как все будет, - сказала Нэнси, - но я не знала. Я только хотела удержать твои руки.

- Не стоило трудиться. Скоро они совсем успокоятся, - сарказм тут же сменился обреченностью, - так же, как и твои. - Внезапно Генри схватил и страстно сжал в темноте ее ладони. - У тебя прекрасные руки, - прошептал он. Они разрушили мир, но хуже от этого не стали. Нэнси, ты хоть понимаешь, что сделала то, о чем сотни лет говорили священники и ученые? Это - конец мира. Ты убила его - ты и твои прекрасные руки. Они выпустили ветер и снег, бросили их на весь мир, и теперь мир погибнет. Танец кончается: Жонглер покончил с одним из шаров.

- Тогда приласкай их немножко, - попросила она. - Приласкай, если уверен в этом. Если совершенно уверен.

- А ты можешь вернуть Жезлы? - он саркастически усмехнулся. - Все, от одного до десяти? Открыть тебе окно? Ты их будешь звать или ловить?

- А фигурки нам не помогут? - спросила она. - Ты должен знать. Может быть, они смогут управлять картами?

Генри ошутимо вздрогнул.

- Кто тебе про это сказал? Я не мог. Я ничего не знаю о том, как можно действовать изнутри. Если только...

- Если?.. - с надеждой повторила она. - С тобой я сделаю все, дорогой. Говори, что я должна? Он повернулся и наклонился к ней.

- Ты? Но ты же ненавидишь то, что я делаю, ты хочешь спасти отца, конечно, хочешь, я не виню тебя за это, - но как же тогда ты поможешь мне?

Неожиданно для самой себя она рассмеялась. Смех принес ощущение свободы, и липкий, ползучий страх потихоньку убрался из темной комнаты.

- Генри, милый, - сказала она, - разве для твоих танцоров свет клином сошелся на моем отце? Неужели ты считаешь, что они не могут спасти мир и при этом оставить отца в покое? Генри, ненаглядный, как серьезно ты ко всему этому относишься!

- Ты еще можешь смеяться, - ответил он, удивляясь ее легкомыслию. - Ты можешь

смеяться.., хотя я сказал тебе, что это - конец мира.

Она поднялась на ноги.

- Я начинаю соглашаться с тетей Сибил, - сказала она. - Совершенно не стоило проникать в тайны этих бедных карт, если так трудно потом удержать их. Но раз уж мы с тобой вдвоем повернули все не туда, не можем ли мы попробовать только попробовать, дорогой, - не можем ли мы все исправить?

- Ты боишься Таро, - печально произнес он, - ты всегда их боялась.

- Больше не буду, - заверила Нэнси. - А может, и буду. Я снова буду бояться, я снова буду падать, я снова буду ненавидеть и злиться. Но представь на миг, что есть кто-то, он бежит и смеется на бегу, и все твои карты, и все танцоры мчатся за ним, и почему бы ему не поймать для нас два-три листа, если мы очень попросим? Мы же никому не причиним вреда, если сможем все исправить, правда?

Генри тяжело поднялся на ноги.

- Нет пути, который кому-нибудь не причинил бы вреда.

- Дорогой, какой же ты мрачный, - упрекнула она. - Вот чем кончаются заклинания ураганов и попытки убить собственного отца твоей собственной Нэнси! Наверное, найдется способ не повредить никому. Кроме тех, - добавила она, и облачко печали затуманило охватившую ее изнутри веселость, - кроме тех, кто сам хочет себе вреда. Но давай предположим, что они не хотят, и давай считать, что они не будут, и давай радоваться, что мой отец в безопасности, и давай посмотрим, могут ли золотые танцоры вернуть Жезлы и Чаши. По-моему, это наш долг перед миром. - Она легко поцеловала его. - Конечно, ты выбрал самый простой путь. Другие чародеи загнали бы отца в амбар и подожгли, или заманили бы в реку и утопили. Ты добрый, Генри, только немного перевернутый кое-где. Говорят, все гении такие. А ты, по-моему, гений, мой дорогой, и ты так серьезно относишься к своей работе. Как Мильтон, или Микеланджело, или Моисей... Ты знаешь, по-моему во всем Пятикнижии Моисея нет ни одной шутки. Мне плохо видно в темноте, но по-моему ты хмуришься. А я болтаю. Но ведь ни болтовня, ни хмурые брови ничем нам не помогут, правда? Идем, мой гений, а то мы не успеем спасти мир до того, как твоя рукотворная буря совсем его доконает.

- Похоже, ничего другого не остается, - сказал он. - Но предупреждаю, я не знаю, что из этого получится. Может, ничего и не выйдет.

- Ну, нет так нет, - беспечно отозвалась Нэнси. - Но они же танцуют, так ведь, дорогой? И, возможно, если мы хотим любить...

- Ты все еще любишь меня? - недоверчиво спросил Генри.

- Никогда я не любила тебя так сильно, - сказала она. - О, давай не будем терять время. Идем, дорогой, а то еще твоя тетушка выкинет что-нибудь несусветное. У вас потрясающая семья, Генри. Вы все просто помешались на своих хобби. Я совершенно ничего не имею против, милый, но, умоляю, только не сейчас.

- Джоанна здесь? - воскликнул Генри, позволяя увлечь себя к двери.

- Конечно, - подтвердила Нэнси. - Но давай пока оставим ее в покое. Отведи меня к фигуркам, мой милый, потому что в ушах у меня звучит ритм танда, а в глазах - золотистый свет. Может быть, ради этого я и родилась на свет, и торжество славы Господней было, есть и пребудет вовеки. Поторопись, прошу тебя, потому что мир движется быстро, и мы должны успеть хотя бы предстать перед ним.

Глава 11

ДЖОАННА

Внизу в гостиной котенок потянулся и зевнул. Сибил спустила его на пол, как только вошла с улицы, и попросила служанку присмотреть за ним. Но руки до него дошли лишь сейчас:

м-р Кенинсби, Ральф, да и сама Сибил требовали внимания. А теперь добавились еще Джоанна и Стивен. Аарон Ли, глядя на сестру с настороженной ненавистью, произнес:

- Раз уж ты здесь, Джоанна, лучше бы тебе лечь в постель. Да и ему тоже, кивнул он на Стивена.

- Да, Аарон, - покладисто, но с легким смешком сказала Джоанна. - В такую ночь плохо оказаться на улице, а?

Аарон огляделся; кроме них троих и котенка, в гостиной никого не было.

- Зачем ты пришла? - прошипел он.

- Повидаться с тобой, дорогой, - отозвалась старуха. - И Стивен тоже. Он так любит тебя, мой Стивен. Так ведь, Стивен?

- Да, бабушка, - послушно ответил Стивен.

- Какой он большой, а, Аарон? - продолжала Джоанна. - Он намного больше тебя, правда?

Она соскочила с кресла и начала рыскать по залу, принюхиваясь. Наконец она добралась до котенка и уставилась на него. Котенок потерся о ее ногу, почувствовал мокрую ткань юбки и отскочил в сторону. Старуха нагнулась, почесала ему за ухом и начала приговаривать слова, которых никто кроме котенка не расслышал.

Котенок подпрыгнул, упал, перевернулся на спину и начал елозить по полу от удовольствия. Джоанна подозвала его, и он подобрался, внимательно следя за ее пальцами.

- Шла бы ты лучше отдыхать, Джоанна, - в сердцах воскликнул Аарон. - Сними это тряпье и заберись под одеяло, а то заболеешь.

- Ты глупец, Аарон, - отозвалась старуха. - Не то что болезнь, меня и смерть не берет. Я никогда не заболею. Я буду преображена, как только утраченное тело вновь станет единым. - Она повернулась к Аарону. - А где тогда будешь ты? Каково тебе будет в руках мучителей?

- Ты сумасшедшая, - проворчал Аарон. - Ты просто безумная старуха, погрязшая в своих бреднях.

Она отпустила котенка и чуть ли не подбежала к нему.

- Бредни, говоришь? - фыркнула она. - Ты помог спрятать моего младенца, Аарон Ли, а теперь говоришь, что это бредни?

- Твой младенец умер, - огрызнулся Аарон, и два старых человека яростно уставились друг на друга. - Разве ты до сих пор этого не поняла?

Она вцепилась в его одежду. От резкого движения брызги талого снега разлетелись по комнате.

- Мой младенец никогда не умрет, - крикнула она, - и ты знаешь это. Поэтому ты и ненавидишь меня. - Но тут как-то вдруг ее поведение изменилось. Ты прав, Аарон, - забормотала она. - Да, да, ты прав. Дай мне твою постель, в которой спать, и твою тарелку, из которой есть, и однажды я дам тебе еду и постель в доме, лучшем, чем этот. Но сначала поцелуй меня, Аарон, и я никогда не пошлю Стивена вырвать у тебя из глотки тайну могилы, в которой вы похоронили его. Поцелуй меня, Аарон.

Аарон Ли порывисто встал и наступил на котенка, деловито обнюхивавшего его ноги. Котенок взвизгнул; Аарон оступился и едва не упал. Он яростно обернулся и пнул котенка ногой так, что тот отлетел к противоположной стене.

- Выброси его! - завопил он. - Вышвырни его на улицу. Кто его приволок? Стивен, поймай эту тварь и выброси за дверь.

Молодой человек, который все это время тупо подпирал стену, следя глазами за Джоанной, нерешительно шевельнулся. Джоанна не подала ему знака, и он, в один шаг оказавшись у стены, поднял котенка, совершенно скрывшегося в его огромных ладонях.

- Что мне с ним делать, бабушка? - гулким басом спросил он.

- Выкипи за дверь! - приказал Аарон.

- О нет, не надо, не выбрасывай его в снег, - сказала Джоанна. - Это такой ловкий маленький кот. Он очень маленький, но все сначала бывает маленькое. Он вырастет, вырастет. Пусть он спит на моем одеяле, Аарон; кошки чувствуют кровь и садятся в круг около тайного места, ожидая Бога. Ты когда-нибудь видел, какими глазами они смотрят на тебя, когда ты тасуешь карты? Видел маленькие зеленые глаза и маленькие царапающиеся коготки? Дай его мне, и он будет спать, пока не придет должный час.

- Да ни один кот и близко не подойдет к твоим вонючим тряпкам, - сказал Аарон, тщетно пытаясь воззвать к здравому смыслу. Но старуха, не слушая его, подозвала Стивена и забрала у него котенка. У нее на руках он завозился и даже мяукнул разок, но вырваться не стал. Джоанна поднесла его к глазам, рассматривая и приговаривая что-то, а он уставился на нее в ответ. Примерно с полминуты они смотрели друг другу в глаза, потом Джоанна сказала:

- Покажи, где я буду отдыхать, Аарон. В этот момент вернулась служанка. Аарон переговорил с ней и бросил Джоанне:

- Иди с Анабель, она проводит тебя, - и обратился к Стивену:

- А ты иди со мной. Тебе дадут вытереться и перекусить.

- Ах нет, пусть Стивен спит в одной комнате со мной, - воскликнула Джоанна, - мы так привыкли, нам не по себе, когда мы врозь. Стог сена или погост, королевские покои или каменоломня - нам все равно, раз Стивен сторожит, пока я дремлю, а я бодрствую, когда он спит. Вот только он не умеет видеть мои сны. Я-то могу видеть его, но там только вода, ветер и огонь, и все это на земле, скрытой от других до прихода Гора.

С этим именем на нее снизошел покой; она прижала котенка к щеке и стала что-то напевать ему, идя за недовольной Анабель.

Стивену действительно дали "перекусить", но его не было за запоздалым суматошным ужином, на который вскоре собрались Аарон, Сибил и Ральф. Аарон пробормотал что-то насчет вероятной занятости Генри и, казалось, принял как должное отсутствие Нэнси, пожелавшей остаться в постели после всех переживаний. Сибил подумала, что Нэнси возмутила бы подобная трактовка событий, но в тот момент даже Сибил не до конца осознавала нависшую опасность. По словам Нэнси, Генри напустил бурю на Лотэира, воспользовавшись какими-то магическими приемами с картами Таро. Но и Нэнси не знала, а значит, не могла рассказать Сибил, о последовавшем вскоре после этого разговоре Генри и Аарона. Генри, очнувшись у запертой двери на террасу, увидел над собой лицо деда. Когда Аарон узнал о случившемся, то отшатнулся, потрясенный.

- Но тогда, - запинаясь произнес он, - мы не сможем остановить ветер, - и лицо его побелело. - Мы все погибнем.

- Да, - сказал Генри, - и это конец всем нашим ожиданиям.

И он отправился в свою комнату сидеть в темноте и размышлять о рухнувших надеждах, ожидать конца, который наступит, когда сила выпущенных на волю стихий ворвется в дом, и просидел так до самого прихода Нэнси. Но Аарон в глубине души не верил в подобный конец: такого просто не должно быть. Что-то обязательно произойдет, какой-нибудь невероятный случай спасет их. Он никогда не придавал значения вторжениям Генри в сферы стихий, так что Генри вполне мог ошибаться. Древние рукописи говорили о подобных возможностях, но и рукописи могли ошибаться. Они с Генри задумывали уничтожить гостя, исходя из предположения, что рукописи говорят правду, но буря могла подняться и сама по себе, Кенинсби вполне мог спастись; в обычную метель так бы скорее всего и случилось. Лотэйр Кенинсби не мог уйти слишком далеко, и вряд ли ему угрожало что-нибудь серьезное - если только снег и ветер не искали именно его. Ну а раз так, если все обойдется, значит, карты Таро и

фигурки не обладают силой сами по себе, а являются только пассивным отражением универсальных мировых законов, и их тайна - только тайна знания и пророчества, а не созидания и управления. Тогда их гость вернется домой благополучно, да и всем остальным едва ли что-нибудь угрожает.

Жаль, если часть карт действительно пропала. Это катастрофа: теперь никому уже не разгадать смысл танца. Предсказание судьбы уже никогда не поднимется до науки мудрости. Но сам он уцелеет. Годы упорных занятий отчасти пошли прахом, но сам он уцелеет. На краю полного уничтожения Аарон отчаянно сопротивлялся гибели. Он потребовал знака, и знак был явлен. Лотэйр Кенинсби, чуть не падая от усталости, вошел в гостиную, и Аарон, увидев его, вздохнул с облегчением. От карт он бы не ушел. Значит, метель - явление естественное, она прекратится сама.

Успокоившись, он даже не стал сдерживать перед Джоанной застарелые ревность и ненависть. Много лет назад фигурки стали его собственностью. Они с отцом благоговейно достали их из большого круглого серебряного ларца - всего около шести дюймов в высоту, но очень широкого. В нем веками, укрытая тряпьем и рухлядью, кочевала на телегах по миру сокровеннейшая тайна цыган. Немногие из бродячего племени знали о ней. Давным-давно жил на свете умный, пытливый цыган, удостоенный посвящения то ли где-то на Востоке, то ли в одной из лож Европы. Кто он был - египтянин, иудей, еретик-христианин из павликанцев, боголюбов, несториан - никто не знал. А может, он жил еще дальше, в окруженной песками Абиссинии; на это намекали странные фигурки-символы, не соотносившиеся ни с одной известной традицией. Они казались узнаваемыми, но оставались чужими, видимо, они существовали еще до появления большинства церквей и сект. Тот, кто создал эти фигурки вместе с листами раскрашенного папируса, соответствующими семидесяти восьми ступеням познания, полюбовался на бесконечный танец, спрятал все в ларец и отправил в бесконечное странствие. Он сложил карты Таро в определенном мистическом порядке, каждая из них была незримо связана с движениями более могущественного золотого оригинала, а тот, в свою очередь, отображал один из планов бытия.

В легенде говорилось, что рано или поздно найдется человек, который не только постигнет тайну карт и фигурок, но и подойдет вплотную к разгадке высшего смысла, заключенного в фигуре неподвижного Шута. Если, конечно, отблеск могущества не вскружит ему голову...

Однако недаром над всеми мистериями древности словно реяла темная длань Судьбы. Ее след явственно читается в священной истории Осириса, хранимой Египтом; в ритуалах иудаизма он заметен в плотном покрове молчания, облекающем грозный Тетраграмматон; не кто иной, как злой рок нанес рану Хранителю в Замке Грааля; тот же рок водил рукой слепого Хеда, поразившей Бальдра, самого доброго и прекрасного из всех богов Севера. Злая Судьба не спускает глаз с великого скрытого знания, она не устает наносить удары, разделять, ранить, крушить и уничтожать, и дело здесь не только и не столько в грехах людей, ведь в мифе о богах и восставших ангелах люди не упоминаются вовсе. Значит, причины этого нескончаемого преследования более глубоки. Человек всегда чувствовал, что объяснение великого смысла бытия лежит где-то совсем рядом, и все же никак не мог овладеть им. Здесь кроется противоречие, но нет другого способа дать понять смертной мысли истинную сущность вселенной.

Тот же злой рок едва ли не с самого начала сопровождал и колоду Таро. Некоторые винили в этом сына их создателя, презревшего отцовскую мудрость; другие называли имена людей, живших, как правило, незадолго до очередного обвинителя. Но сто или тысячу лет назад - все изменилось в ту ночь, когда был открыт серебряный ларец, запечатанный знаками зодиака, и тот, кто осмелился на это, забрал полупрозрачные раскрашенные листы. Он рассчитывал

научиться с их помощью предсказывать людские судьбы и стать богатым. Фигурок он коснуться не посмел, не тронул и золотое основание. Совершив святотатство, он бежал и умер несчастным, как гласит предание. Как оно было на самом деле - неизвестно, просто грешнику полагается умирать в мучениях.

Так разошлись пути золотых фигурок и карт. Как Израиль ждет пришествия Мессии, как Хранитель Грааля ждет явления Светлого Рыцаря, как убитый Осирис победы Гора над его врагами, а Бальдр в царстве теней - наступления Рогнарэка, означающего конец всего, а весь род человеческий - великого преобразования и возвращения утраченного единства, так сведущие в тайном знании ждали продолжения судьбы Таро.

Колода в конце концов нашлась. Увы, ее снова попытались использовать ради собственных интересов, а значит, ответных действий рока не придется долго ждать. Этот очевидный вывод, однако, ускользнул от внимания Аарона, мысленно перебравшего все предание. Во времена его отца несколькими скитальцами было решено, что фигурки не следует больше возить по свету, поскольку с каждым годом все труднее становилось избегать любопытства властей. Тогда с немногих богатых и множества бедных была собрана внушительная сумма, куплен уединенный дом, и сокровище поручили заботам старшего из рода Ли. Подготовили комнату, перенесли в нее ларец и предоставили танцорам самим отыскивать свои младшие аналоги - карты Таро. После смерти отца груз ответственности приняли Аарон и Джоанна, и оба снова неверно поняли обязанности посвященных. Джоанна погрузилась в жаркие мечты о ребенке, Аарон - в холодное изучение нескончаемой путаницы сведений. Безумие Джоанны носило ее повсюду, глупость Аарона удерживала его на месте; а когда она однажды пришла к брату просить помощи, он не позволил ей даже взглянуть на священную вещь. Долгие годы между ними росла вражда, они старательно избегали друг друга, и вот теперь Джоанна спала в доме Аарона.

Он ненавидел и боялся ее, хотя и сам не вполне понимал, чего именно боится и за что ненавидит. Он не верил, что она посмеет коснуться фигурок, да ей просто не удалось бы найти их без помощи его самого или Генри в лабиринте комнат и внешних пристроек. Впервые за последние годы Аарон задумался над формой помешательства сестры. Сила ли ее страсти, энергия ли ее безумия требовали призывать давно забытых богов Древнего Египта? Себя она упорно считала Божественной Матерью, Искательницей. Это было странно и нелепо, но вместе с тем - жутковато, она настолько вошла в роль, что временами образ Джоанны словно скрывали нильские туманы, и Аарон готов был поверить, что перед ним сама великая Исида, разыскивающая расчлененное тело мужа. И вот теперь она здесь, и с этим ничего не поделаешь. Генри рассказывал, как легко мисс Кенинсби справилась с Джоанной по дороге сюда. Возможно, она и дальше сможет усмирять припадки сумасшедшей?

Сибил, никогда не страдавшая отсутствием аппетита, по мере сил поддерживала разговор за столом. Она похвалила ужин, поговорила об урагане, который и не думал идти на убыль, отметила надежность и удобство дома и гостеприимство хозяев. Ей нравился даже ураган. На фоне разбушевавшейся стихии отчетливее становились видны и уют старого дома, и своеобразие его обитателей. Для Сибил все это были милые люди, каждый из которых обладал своими неоспоримыми достоинствами, каждый на свой лад утверждал торжество всеобщего спасения.

Вот ее брат, он хотел только покоя и поэтому обрел покой; вот Генри и Нэнси... Генри просто слегка заблуждался, если думал, что насилие приведет его в Царство Любви; скорее уж дорога туда лежит через надеяние, внимание, дисциплину. Но Сибил надеялась, что и Генри вместе с Нэнси в конце концов тоже придут к миру и покою. Вот Ральф, исполненный юной свежести и невинности; Аарон, погруженный в ученые изыскания и учтивый - даже если за этой учтивостью скрывались другие намерения, как полагала Нэнси и, скорее всего, была права, но

учтивость сама по себе достаточно хороша, чтобы радоваться ей. Стоит ли пренебрегать хорошим свойством только из-за того, что причины, обусловившие его, не так хороши? Мотивы поведения самой Сибил тоже не всегда блещут безукоризненностью; есть же разница между умением радоваться даже глупости рода человеческого и стремлением эту глупость вызывать, чтобы потом порадоваться ей. Она с беспокойством подумала, что иногда в Лондоне сама провоцировала тщеславие брата только потому, что подобная черта казалась ей удивительно милой и забавной. "Моя вина", вздохнула она про себя и еще раз предложила себя как средство, через которое Любовь получила бы возможность проявиться настолько полно, чтобы можно было любить, например, палача.

Конечно, нельзя сказать, что до сих пор Любовь проявлялась недостаточно полно, но, возможно, при посредстве Сибил., впрочем, подобные тонкости лучше оставить теологам. Во всяком случае, с таким грехом на душе не ей судить Аарона или Нэнси. Перед совершенной Любовью между ними нет особой разницы. Нисколько не извиняя себя, она все же считала, что каждый сам способен последить за собой, если не хочет, чтобы его увлекали куда-либо, даже так незаметно, как умела делать это Сибил. Между прочим, ей самой тоже не мешало бы последить, чтобы очарование учтивости Аарона больше не вовлекало ее брата в лишние волнения Учтивость - это одно; цель, которую она преследует - совсем другое, и смешивать их совершенно незачем. Она улыбнулась Аарону.

- А где мой котенок?

- Он сейчас в комнате сестры, - ответил Аарон. - Но если он вам нужен...

Сибил отрицательно покачала головой.

- Да что вы, нет, конечно. Я рассказывала вам, как нашла его в снегу? Я тогда подумала, что он - из вашего дома.

Аарон нахмурился.

- Нет, это не наш. Мы никогда не держали в доме животных, тем более котов.

- Почему? - удивилась Сибил. - Вы их не любите, мистер Ли? Или для них здесь атмосфера неподходящая? Или кошки теперь уже не хотят жить за городом и норовят перебраться в Лондон, поближе к театрам и метро?

Аарон вежливо улыбнулся.

- Вряд ли тут дело в социальных изменениях. Все коты, которые время от времени оказывались в нашем доме, не отходили от двери в комнату с фигурками. Они почему-то очень хотели туда попасть.

Ральф с недоумением поглядел на него, он впервые услышал о существовании какой-то особой комнаты.

- С собаками то же самое, - продолжал Аарон. - По правде сказать, одно время мы изрядно помучились, выдворяя их за дверь. Они отчаянно рычали, кусались, чуть с ума не сходили, прежде чем удавалось отправить их в конуру. У Генри в детстве был попугай, подарок моего кузена, важная такая птица. Так вот, однажды вечером Генри забыл закрыть клетку, а наутро мы нашли попугая мертвым - он всю ночь бился в дверь комнаты с фигурками.

С минуту все молчали, потом Ральф осторожно сказал:

- Попугаи вообще - штука полезная. Был у меня один приятель - он служил в Скотланд-Ярде - и к нему без конца ходили люди, которые думали, что кто-то им угрожает или замышляет против них что-то. Конечно, у некоторых были на то основания, но большинству просто делать было нечего. Приятеля моего они до того одолели, что он завел себе попугая, поселил его у окна напротив стола, то есть за спиной у своих посетителей, и научил по незаметному сигналу говорить одну фразу: "А что вы делали в четверг на прошлой неделе?". Попугай произносил это с такой зловещей хрипотцой, знаете, и приятель клялся, что половина

ходатаев мгновенно менялась в лице и вспоминала о неотложных делах. Однажды, правда, случилась накладка: ему попался человек, который в прошлый четверг как раз продул крупную сумму. Когда ему так грубо об этом напомнили, он сначала подскочил, потом разозлился и минут двадцать крыл всех подряд на чем свет стоит, а потом еще долго не мог вспомнить, зачем пришел в полицию.

- Это была замечательная идея, - убежденно сказала Сибил. - Просто, безвредно и эффективно. А что стало с попугаем, Ральф?

- В конце концов он совершенно отбил от рук. Вообразил себя инспектором и допрашивал всех подряд о прошлом четверге. Пришлось от него избавиться. Но мой приятель до сих пор уверен, что это - разумный выход для адвокатов, деловых людей, священников и вообще тех, кому досаждают посетители.

- В этом что-то есть, - согласилась Сибил. - Мистер Ли, а вы бы подскочили, поинтересуйся кто-нибудь, что вы делали в прошлый четверг?

- Увы, моя жизнь слишком однообразна, - сказал Аарон. - Вот уже много лет для меня все дни одинаковы - не считая Рождества, конечно, - так что и вспомнить нечего. Нет, не подскочил бы.

- А ты, Ральф? - спросила Сибил.

- Ну нет, - ответил Ральф. - Но задумался бы наверняка. Скотланд-Ярд все-таки.

- Как невинна старость, - сказала Сибил, улыбаясь Аарону. - Я бы тоже не подскочила.

- Ну, тетя, ты у нас ни от чего не подскакиваешь. -Ральф широко улыбнулся. - Когда та девица в гостиной грохнула целый поднос с фарфором, ты только и сказала: "Бедняжка, как она расстроилась", и заворковала вокруг нее, прямо как горлица у гнезда.

- Она и в самом деле расстроилась, - ответила Сибил. - Испугалась и расстроилась. А что касается поведения ваших животных, мистер Ли, у вас есть какое-нибудь объяснение?

Аарон слегка пожал плечами и развел руками.

- Ну что тут скажешь? Звучит невероятно, но фигурки словно притягивают их. Видимо, какая-нибудь месмерическая сила.., магнетическая склонность.

- Магнетическая склонность у котов? - удивленно переспросила Сибил. - Мне это никогда в голову не приходило. Но вы ведь не заставите моего котенка биться о дверь, правда? По крайней мере до тех пор, пока мы не попытаемся ублажить его каким-нибудь другим способом.

- Я слежу за ним, - пообещал Аарон. - Мне все равно предстоит присматривать за Джоанной, ну а она пусть присматривает за котенком. Кота ей можно доверить смело, ведь несчастная помешана на Египте. Сам Ра, бог Солнца, изображался в кошачьем облике.

- Никогда не слышала, улыбнулась Сибил. - Возможно, этот котенок - сам Ра, и я сегодня вернула домой бога солнца. Но, похоже, у бога солнца это был не лучший день в жизни.

Некоторое время все невольно прислушивались к метели; потом Сибил взглянула на часы.

- Надеюсь, вы извините меня, мистер Ли, - сказала она. - Надо бы мне проведать брата. Он будет рад. Все трое поднялись одновременно.

- Еще раз приношу свои сожаления, - поклонился Аарон. - Случай совершенно из ряда вон.., и последствия - весьма удручающие.

Сибил склонилась в ответном реверансе.

- Благодарю вас, - мягко проговорила она. -Пусть Лотэйр так и думает. Но сама-то я так думать не могу, ведь, насколько я понимаю, бурю-то вызвал Генри...

Аарон вздрогнул, отступил на шаг и сказал немного громче, чем того требовала ситуация:

- Эта буря - просто обычный зимний снегопад.

- По-вашему, зимний снегопад и ураган - одно и то же? - спросила Сибил. Но все равно это божественно красиво. Извините меня; я все-таки хотела бы подняться к Лотэйру, - она

повернулась и вышла из комнаты.

- Тетя Сибил, - проговорил Ральф после ее ухода, - найдет божественной даже камеру пыток. Равно как и вдребезги разбитый форд. Или микстуру от кашля. Или анаконду.

Глава 12

ПАДАЮЩАЯ БАШНЯ

В тайных покоях Аарона шум урагана почему-то слышался особенно сильно. И Сенри, и Нэнси отметили это, как только вошли. Но за двойными тяжелыми драпировками наступила перемена. Дикий рев неуловимо изменился и теперь больше напоминал отдаленное торжественное пение. Сжимая руку Генри, Нэнси замерла на пороге комнаты.

- Ты слышишь? Дорогой, ты слышишь? - воскликнула она.

- Слышу, - сказал он. - Это буря ловит нас, Нэнси.

- Я не об этом, - Нэнси досадливо поморщилась. - Она звучит здесь иначе. Послушай!

Генри выпустил из рук тяжелую портьеру и вслушался. Их встречала привычная слабая музыка, всегда звучавшая в этой комнате Нэнси подумала, что создают ее легкие движения танцоров, сам ритм танца, и никакому шуму в мире не заглушить его.

- Карты у тебя, милый?

Генри молча протянул ей масти Скипетров, Монет и старшие карты Жезлов и Чаш.

- Интересно, сможем ли мы обойтись только этими, - задумчиво проговорила Нэнси. Впервые с тех пор, как они встретились на террасе, Генри посмотрел ей в глаза.

- Не знаю. Я о таком не слышал. То, что я пытался сделать, теперь разрушилось; может, оно и к лучшему. Я-то думал, что делаю то, что нужно...

- Я понимаю, - ответила Нэнси. - Генри, ненаглядный мой, я действительно понимаю. Между нами теперь ничего нет. Ты делал, и я делала, а теперь вот мы здесь. Но ты говорил, что мы можем обратиться к Старшим Арканам и что они управляют младшими...

- Так и есть, - кивнул он. - Сила мастей, даже полных, меньше, чем сила Арканов. Но вторгаться к ним вот так, без подготовки, как мы сейчас, может быть очень опасно.

- Но мы ведь не можем ждать? - сказала Нэнси. - Если даже время и терпит, то мое сердце - нет. Послушай, как оно бьется. Поцелуй меня, Генри, и, если нас разведет в разные стороны, помни, что я всегда хотела любить. А теперь займемся делом. Кто будет держать карты, ты или я? И как нам вообще действовать?

- Делай так же, как той ночью, - сказал он, - а я положу руки на твои и буду держать восемь оставшихся у нас старших карт, а потом двинемся к столу. В тот раз мы остановились на полпути. Пусть в этот раз Господь поможет нам, если Он есть. Я боюсь представить, что будет, если мы войдем в ритм танца с неполной колодой.

- Все будет хорошо. Все будет просто замечательно, - шепнула она, занимая свое место.

Все было как в прошлый раз, только теперь Генри боялся больше, чем она. Протянув развернутые веером карты Таро в сторону танцоров, они вместе сделали первый шаг. Почти сразу же над столом взлетела золотая дымка, колыхнулась им навстречу, окутала и стала направлять, как и две ночи назад. Но сегодня намерения Нэнси были настолько ясными и сильными, что она даже не взглянула на Генри. Он же наоборот, бессознательно ища поддержки, заглянул ей в лицо и поразился его отрешенному выражению. В следующий миг все заслонили их собственные огромные руки, державшие карты, каждая из которых была уже размером с газетный лист. А потом раскрашенные фигурки двинулись и, словно обретая собственную волю, поплыли из рук смертных существ.

Неуверенность, владевшая Генри, только оттеняла решимость Нэнси. Она дюйм за дюймом, шаг за шагом неуклонно продвигалась вперед, и Генри с иронией отчаяния подумал, что совсем не так представлял себе победу над тайнами Таро. Он хотел прийти властелином стихий,

подчинившим ум и сердце одной-единственной цели, и привести за собой возлюбленную, друга, единомышленника.

Генри не замечал, что отводит Нэнси роль слуги и орудия. С помощью ее преданности он надеялся овладеть секретом могущества, открыть тайну обители, откуда посылаются в мир завоеватели, герои, мессии, несущие людям знаки горней власти. И вот итог: он послушно, как бычок на привязи, идет за Нэнси. Она указывает путь вовсе не потому, что он так решил. Такова ее собственная воля.

Занятый горькими мыслями, Генри не мог представить, насколько мужество и устремленность Нэнси зависят от него самого. Да, она пользовалась его знаниями, его силой, но если бы они не были созданы друг для друга, не помогла бы никакая воля. Никто кроме Нэнси не смог бы стать острием его силы, дать ей возможность концентрироваться и незаметно расти. В этой мистерии, в этом золотом тумане она была жрицей, но право управлять таинством давал ей он, Генри. Сама Нэнси готова была постичь любые тайны земные и небесные, но думала она при этом, конечно, не о себе.

Она сделала еще один шаг. Огромные листы карт дрожали, разлетались по ветру, который вдруг обнаружился и здесь, в самом центре золотого облака. Одна за другой карты покидали ее руки, преобразались в живые существа. Вот мелькнула полупрозрачная, освещенная малиновым и лазурным светом, Дама Чаш. Отдалившись, она вдруг стала отчетливо видимой женщиной в короне и длинном одеянии с малиновой чашей в руках. Возник ненадолго Валет Денариев, но облако почти сразу же поглотило темнокожего юношу в чужеземных одеждах с сияющей монетой.

Полупрозрачные руки Нэнси уверенно и быстро сновали в тумане. Они были величественнее и прекраснее, чем вылетающие из них и уносимые ветром видения, а рядом она видела прикрывавшие и поддерживавшие ее ладони сильные руки Генри. Никак иначе его присутствие не осознавалось; просто если бы не эти другие руки, она осталась бы одна. Но Генри был рядом, и теперь четыре руки стремились вернуть назад стихию, которую по неосторожности высвободили две из них. Сила Нэнси, порождение ее преображенной Любви, уничтожала самосознание, плескалась в ней и рвалась навстречу откровению, где ждала ее сила еще более могущественная. Нэнси продолжала идти.

На четвертом шаге Генри потерял ее. Он никак не мог избавиться от своей горькой иронии, он все еще воспринимал мир разделенным: он - и Нэнси; они с Нэнси - и карты Таро, карты - и золотые фигурки. Целостного, единого видения не получалось. В очередной раз пожалев, что все обернулось так не правильно, он отвлекся всего на мгновение - и Нэнси исчезла. Его руки были пусты, облако по-прежнему клубилось вокруг, но рядом больше никого не было. Он сделал еще шаг и остановился. Ветер ударил в лицо так крепко, словно, похитив девушку, хотел теперь разорвать его в клочья. Вместо редких дуновений на Генри надвинулась сплошная стена. Ему пришлось сильно податься вперед, с трудом удерживая равновесие. Он все еще словно сражался с метелью на террасе. Но если там он был умелым чародеем, управлявшим стихиями, насылавшим их, чтобы сокрушить врага, то теперь все изменилось. Его надежды развеялись в прах, власть ускользнула из рук. Любовь Нэнси к нему и к чему-то более великому, чем он, засияла во мраке, разгоняя черное отчаяние, голос Нэнси позвал его за собой. Следуя за ней, он оказался здесь; теперь он думал только о ее спасении. Пусть он сгинет, пусть исчезнет весь мир, лишь бы только ее миновали опасности этого сверхъестественного места. Еще недавно он подсмеивался над ее страхами, а теперь страх за нее переполнял его сердце. Золотистый туман проник в горло, он закашлялся. Облако стало плотнее, Генри ничего не видел. Но хуже всего была мысль о том, что он потерял Нэнси, что она осталась одна.

А потом что-то коснулось его. Поначалу он даже не заметил этого легкого прикосновения к

своей лодыжке. Но едва он попробовал шевельнуть ногой, как понял, что его держат, и держат крепко. Он торопливо взглянул вниз, но в плывущем золотом тумане ничего не разглядел. Он попытался оторвать ногу от пола и не смог. Он медлил нагнуться, чтобы высвободиться; туман под ногами казался особенно плотным. Генри резко дернул ногой, хватка сомкнулась сильнее, что-то обвилось и вторую лодыжку. Это, несомненно, были чьи-то руки, он чувствовал пальцы. Встретившись с таким противником, бессмысленно биться, как испуганный ребенок. Если в этом месте действительно обитает нечто враждебное, с ним можно справиться только сохраняя самообладание. Однако, что же делать?

Ноги Генри притиснуло друг к другу. Он напрягся, пытаясь развести их, и не смог. Он протянул назад руку, и она тут же попала в захват. Хватка была не грубой, но шевельнуться не позволяла. Почти сразу же и второе запястье оказалось скованным, некая сила отвела за спину и вторую руку. Ветер стих; похоже, он дул только затем, чтобы удержать Генри, пока его не поймут окончательно.

Он утратил ощущение времени. Казалось, прошли часы; ничего не менялось и захват не ослабевал. Его подогретое досадой воображение тщетно пыталось найти выход. Из поредевшего тумана доносились звуки музыки, то усиливавшейся, то стихавшей, словно источник звуков то приближался к нему, то удалялся. Два-три раза ему почудились зовущие голоса, но и они тут же умолкли вдали. Время от времени туман озаряли слабые вспышки света, и облачная масса подрагивала им в такт. Других реальных ощущений не было. При мысли о том, что это и есть конец, сердце Генри упало. Он неподвижно застыл, как Шут в центре круга - да и сам он в сущности только шут при Таро. А Нэнси - ее юная радость, ее бесстрашие, ее стремление любить - неужели ее тоже поймали и держат в этом неизменном золотом тумане? "Если нас разлучат, помни, что я всегда хотела любить". А ему теперь некого любить, кроме самого себя.

Часы складывались в дни, в годы. Хватка становилась туже; нечто все крепче сжимало его руки и ноги. Неспособность к движению стала еще полнее: туман сомкнулся вокруг него и принял форму тела. Генри ощущал себя барельефом в этом облаке, ставшем плотным и осязаемым. Он мог дышать - и только. Постепенно начали гаснуть мысли, а из чувств остались лишь зрение и осязание. Если бы не слабое позвякивание, доносившееся со всех сторон, словно звенела сама золотая субстанция, становившаяся все плотнее, и не крепкие тиски на руках и ногах, он бы вообще ничего не осознавал. Сознание покинула даже мысль об освобождении. Свободы не было, поскольку не было знания о ней; он был отделен от всего, чем был; монотонность нарушали только смутные воспоминания о каком-либо из Старших Арканов Таро. Между каждым из таких воспоминаний лежали века. Иногда перед ним смутно выступали из тумана то Женщина-иерофант, то Влюбленные, то огромная Башня, но как только его затуманенные глаза начинали различать каменные стены, Башня начинала раскачиваться, а потом в ужасающей тишине медленно падать - и никогда не разрушалась до конца. Из каменной кладки возникало множество рук, они поддерживали и возводили стены, используя в качестве строительного материала те руки, что оказывались ниже. Кулаки вколачивали их на место, так что вся Башня оказывалась сложенной из рук. Внизу Башня выглядела каменной, затем кладка становилась как будто тоньше, еще выше камни сменялись руками несколькими рядами движущихся рук, а на самом верху продолжали сновать хлопотливые пальцы и пристукивать твердые кулаки. А потом на Башню падал внезапный солнечный луч и кулаки пропадали, а руки расцеплялись - быстро, но неохотно, держась друг за друга до последнего, пока падение не разрывало их окончательно. Руки отчаянно цеплялись, дрожали и выворачивались, стремясь стряхнуть таившийся в них самих принцип уничтожения. Но стоило Генри присмотреться к этим мучительным конвульсиям, как вся конструкция исчезала в тумане, из которого возникала. Шли годы, и снова и снова - каждые четыре или пять лет - Башня воздвигалась из руин, и

каждый следующий раз стены ее придвигались все ближе.

Годы складывались в века. Он больше не мог смотреть; зрение тоже исчезло. Очень медленно, практически незаметно. Башня оказалась внутри него. Он больше не мог ее видеть, он стал ей. В нижней части стены он ощутил дрожь и воспринял ее как дрожь собственных ног, а потом дрожь прекратилась, и он почувствовал, как костенеет изнутри - выше, выше, пока от поясницы до головы не превратился в башню из камня. Он еще пытался поднять огромную мраморную руку, протянуть ее, снять звезды с небес и поместить их в корону - тяжелую золотую корону с острыми краями, сделанную словно по голове Нимрода, а может, и для него.

Он сооружал огромное подобие самого себя, он хотел, чтобы перед ним склонились земля и небо. Он был достаточно силен и велик, чтобы сделать то, чего до него не делал ни один человек, и встать на вершине, среди хоровода огней небесного мира. Но затем, всегда, как только он собирался шевельнуться и разрушить хватку холодных рук, как только он начинал грезить о покалывающих плечи звездных лучах, что-то внутри него начинало опадать. Он дрожал от головокружения; он качался бы, если бы мог. Мурашки начинали бегать по монолитному телу, колени тряслись, бедра дрожали; его разрывало изнутри по всем направлениям... Потом он опять медленно обретал силы, и снова начинался долгий процесс окаменения, и так цикл за циклом в течение долгих лет создавалась и разрушалась его воля, пока наконец после бесчисленных повторений сердце сдалось, и он смирился с невозможностью успеха. Звезды так и остались недостижимы, Вавилон был обречен на вечное разрушение - всегда в ту последнюю минуту, когда до небесных полей оставалось всего несколько ярдов. Смятение охватывало все, утратившие единую волю строители бежали, стихии вырывались наружу, и мир снова тонул в войнах и грохоте, конфликтах и катастрофах. Но теперь каждый раз, когда он ощущал волну очередного разрушения, он слышал одинокий голос, вздымающийся над странным, разноголосым хором, и говорящий: "Помни, я хотела любить". Он звучал после каждого падения и с каждым разом все яснее. Только это и уцелело из всего его прошлого; только это сохранило смысл в пустоте, которой обернулся его замысел.

Голос звучал снова и снова; он приближался. Века кончились; ход времени теперь исчислялся годами; страстный зов властно вторгался в него, и когда он напрягся, чтобы ответить единым порывом всего своего существа, хватка сверхъестественных сил неожиданно исчезла. Он шевельнулся и зашатался; время мчалось вокруг и сквозь него; туман за клубился и распался, он неуверенно шагнул вперед и оказался лицом к лицу., с Джоанной. Но тут золотое облако снова легло между ними и опять разлучило двух самых страстных искателей тайны Таро.

Глава 13

ПУТЬ В НОЧИ

Лотэйр Кенинсби лежал в постели и не мог уснуть. Почему-то ему было беспокойно. Хорошо, конечно, что его уложили в постель, опасаясь, как бы он не простудился., вот только образ Сибил все время стоял у него перед глазами. Он смутно помнил, что Сибил не только не легла, но и не собиралась этого делать. А если она на ногах, то он-то почему лежит? Конечно, такая забота о гостях лишней раз подтверждает порядочность хозяина, чего никак нельзя сказать о его внуке. Молодой наглец с тупым упорством пытался заполучить эту несчастную колоду карт. Он и думать не думал, что для него, Лотэйра, это - единственная память о старом близком друге. Что может знать о подобной дружбе такой зеленый юнец, как Генри! Да у цыган вообще друзей не бывает - разве только из собственного племени, бродяги да попрошайки. У Нэнси с такими людьми просто не может быть ничего общего. Да, внучек не в деда пошел. Не иначе как мамаша гуляла на стороне - нет, фамилия у них одна и та же, ну, значит, отец... В общем, в семье не без урода. Вот Аарон Ли - совсем другой человек. Весьма благовоспитанный. Тем не менее, если войдя в дом, еще не оправившийся от потрясения м-р Кенинсби принял его

заботы и опеку, то теперь, час спустя, он вынужден констатировать, что подобное обращение его не устраивает. Не настолько уж он стар, чтобы обращать внимание на какую-то метель.

М-р Кенинсби пренебрежительно усмехнулся, бросая вызов буре, бушевавшей за занавешенными окнами. Ураган немедленно потрянул дом с такой яростью, что м-р Кенинсби вздрогнул, прикусил язык и беспокойством посмотрел на занавеси. Не приведи Бог, если эта дьявольщина разобьет окно и ворвется внутрь, вынудив его прыгать полуголым по комнате и лихорадочно натягивать одежду. Он на миг представил себе, как пытается найти запонку на заметенном снегом столе и завязать галстук, вырывающийся из рук на диком ветру. Конечно, нужно бы встать. Самое главное - Сибил по-прежнему на ногах, а она ведь совсем не молода. Он, конечно, пробыл на улице подольше, но он все-таки мужчина и не даром гордится своим здоровым образом жизни. Аарон, Сибил, - да и Нэнси с Генри, надо полагать, бодрствуют, - а ему засунули грелку под одеяло! Горячая вода! Молодежь считает, что больше родителям ничего и не нужно. "А вот когда, - продолжал развивать любимую мысль м-р Кенинсби, - вот когда их как следует припечет со всеми этими дискотеками, кривляньем, неграми-менестрелями и ночными клубами, к кому они бегут за помощью? К тому самому старику с горячей грелкой в ногах".

Если бы Ральф и Нэнси действительно оказались в затруднительном положении, то искать помощи у отца им пришлось бы в голову в последнюю очередь. Но м-р Кенинсби, пребывая в слегка взвинченном состоянии духа, не замечал этой несообразности. Итак, они все на ногах - и, скорее всего, ужинают. А ему до сих пор никто ужина не принес; впрочем, может быть, и остальные еще не садились за стол. "Я человек прямодушный, - сказал сам себе м-р Кенинсби, - и должен отметить, что ужин слегка запоздал. Тем лучше. Пора вставать. Раз моя сестра на ногах, то и мне можно".

Последняя фраза заключала в себе некий глубинный смысл. До сих пор м-р Кенинсби старательно отгонял прочь ужасное подозрение: а действительно ли он спасал Сибил? О многих вещах у Лотэйра Кенинсби были, как бы это сказать, не совсем правильные представления, но глупым он никогда не был. Просто он выстраивал факты так, как ему казалось предпочтительнее, но желаемое за действительное все-таки принимал не часто. Иногда факты упирались - Нэнси смотрела в рот Генри, Ральф уехал на Рождество - и тогда ему не оставалось ничего другого, как посочувствовать самому себе и задвинуть неудобный факт подальше. Сегодняшнее приключение было как раз из таких. Он считал, что спасает Сибил, он думал, что спас ее, он так волновался из-за нее, но теперь, в тепле и уюте, ему отчетливо вспомнилось, какой деятельной она была все это время. И голос такой как обычно. Она даже.., нет, она определенно напевала, пока они ждали у закрытой двери. А уж ему-то было явно не до песен; впрочем, он вообще редко пел. Открывать рот следует только в подходящем месте и в подходящее время; а крыльцо перед закрытой дверью в зимнюю метель к таким местам не относится.

Ну, допустим, она вышла его встречать... А кому из них больше нужна была эта встреча? Хорошо, допустим, они оба обрадовались. Взаимная помощь. Любимое занятие Сибил. А самому Лотэйру, так уж получалось, приходилось довольствоваться пассивной ролью. Выходит, и сегодня днем?..

Это становилось невыносимым. Ветер молодецки ухнул и с новой силой навалился на окна, подталкивая его к решению. Да, он встанет. В конце концов, сегодня же Рождество! А он еще никогда не проводил рождественский вечер в постели. Он всегда принимал самое деятельное участие в любом затевавшемся веселье. Пожалуй, веселья в этом доме не дождешься, но можно, по крайней мере, рассчитывать на неторопливую беседу, и даже - Аарон, помнится, намекал - на довольно редкое вино. Пожалуй, будет и немного музыки, и кто знает, чего еще. Во всяком

случае, он не собирается валяться здесь как забытое полено, когда прочие чурбаны.., ну, скажем, веселятся внизу. Сибил должна понимать: если ей и пришлось немножечко помочь ему, то это была минутная слабость; а если это он ее спасал, то глупо спасенной оставаться на ногах, когда спаситель в постели. Опять же, если эта проклятая метель все-таки выставит окно, он сможет быстро перебраться в другую комнату.

Как ни крути, лучше подняться. Все про него забыли: и хозяин, и Генри, и Нэнси, и Сибил - все. Что ж, он спустится; он не будет жаловаться, но если хоть кто-нибудь удивится - он скажет этак небрежно:

"Ну, не лежать же мне в одиночестве...", или так:

"Пока человек не разболеется по-настоящему, ему приятнее быть на людях...", или еще лучше: "Думаю, среди вас мне будет лучше". Главное выделить голосом это "среди вас", не настолько, чтобы его сочли совсем уж немощным, просто чтобы Сибил и, пожалуй, Аарона кольнула совесть. От Нэнси такого, понятно, не дождешься, а вот на досаду Генри посмотреть будет приятно.

Одеваясь, он все прикидывал, что и как лучше сказать, и английский язык все больше представлялся ему грубоватым, не способным выразить нужные оттенки. Но точно донести до окружающих ваши мысли, чувства и переживания вообще сложно. М-р Кенинсби никогда не давил на других. Ему достаточно было просто слегка обозначить свое отношение. Нельзя давать волю эгоизму - особенно в рождественскую ночь! Он рассмотрел и отверг жалобное "Пожалуй, вы не откажете мне в праве спуститься к вам..." и решил остановиться на жизнерадостном "Ха-ха! Ну вот, видите: нечего меня было укладывать. О, Сибил, а ты.., ты не...". Обидно. Он не мог придумать, что бы такого жизнерадостного сказать Сибил. Он оделся, выключил свет и вышел.

Комната м-ра Кенинсби располагалась наверху, рядом со спальней Аарона. Коридор поворачивал направо, потом налево, и каждый поворот кончался маленьким тупиком. В самом дальнем углу справа была дверь в кабинет Аарона и в ту чудную внутреннюю комнату с марионетками. Ему понравилось, как он назвал их при Генри, и когда он посмотрел на дверь, слово вспомнилось снова.

К немалому своему удивлению, выйдя из комнаты, м-р Кенинсби обнаружил в коридоре странную процессию, только что миновавшую его дверь. Молодой мужчина впереди ничем не напоминал Генри; этого человека он вообще никогда не видел. На нем было длинное пальто, как у шофера; но руки торчали из рукавов, а тонкой шее было слишком просторно в воротнике. Нет, это не шофер. Да и нечего шоферу делать на втором этаже. Женщину, шедшую впереди, м-р Кенинсби хотя и с трудом, но вспомнил. Глаза опущены долу, одеяло обернуто вокруг костлявых плеч "Экстравагантно! - подумал уже не столько изумленный, сколько негодующий гость - да это же та сумасшедшая старуха, которую мы встретили по пути сюда". Несомненно, это она: спутанные седые волосы, в их прошлую встречу они бились на ветру; согбенная спина; рука придерживает одеяло у горла. Она, похоже, идет по следу: голова наклонена вперед и вниз. М-р Кенинсби непроизвольно вытянул шею, пытаясь разглядеть, что она ищет - и увидел перед старухой котенка. Он смотрел им вслед в полном недоумении, а загадочная процессия тем временем двигалась дальше. Котенок мягко переступал лапами, внезапно замирал на середине шага и так же неожиданно продолжал путь, не забывая обнюхивать все вокруг себя; старуха в нелепом одеяле шла следом; а замыкал шествие молодой человек в пальто.

М-р Кенинсби покрылся мурашками. Откуда взялся котенок? И почему свихнувшаяся карга так тихо крадется за ним? Может быть, это ее котенок, и она хочет его поймать? Но она вовсе не торопится; если котенок останавливается, останавливается и она; если он идет, она просто идет следом. И все их движения повторяет этот дылда в пальто. Безумие какое-то; да просто жуть! Не отпуская дверной ручки, м-р Кенинсби смотрел им вслед.

Хозяин должен бы знать о происходящем - но вот знает ли? Это жалкое существо, похоже, недолюбливало Аарона. А вдруг он и правда не знает! Не похоже, чтобы он позволил совершать подобные маневры по дому старухе в одеяле, котенку и молодому головорезу в пальто с чужого плеча - особенно если учесть, что в доме Сибил и Нэнси. Правда, Си-бил, помнится, замечательно управлялась с ними на дороге, но все равно... А если Нэнси на них наткнется? А если эта дьяволица нечаянно уронит одеяло, хорошо, если нечаянно, а ну как нарочно? У м-ра Кенинсби похолодело внутри, едва он представил себе, что может случиться. Он выпустил дверную ручку и произнес неожиданно твердым, но почему-то довольно тихим голосом:

- Эй вы, там!

Никто не обратил на него ни малейшего внимания. Котенка уже не было видно, процессия добралась до конца коридора. По крайней мере он должен узнать, куда они идут. Может быть, они просто хотят принять ванну. Господи, только не это! Мысль о том, что ему придется пользоваться ванной комнатой после этой старухи, что у них вообще может быть что-то общее, даже желание принять ванну - мысль эта показалась м-ру Кенинсби чудовищной. А котенок? Что делает здесь котенок? Ладно бы на его месте оказалась служанка, провожающая гостей в их комнаты... Может, это тоже марионетка? Ха! Попробовал бы котенок провожать в комнату самого м-ра Кенинсби! Короче, он идет за ними. Надо же посмотреть, а вдруг они ворвутся к Нэнси! Он должен избавить ее от подобного потрясения. И он не желает больше видеть Сибил на коленях, как в церкви. Она сегодня уже была в церкви. Причастилась. М-р Кенинсби крадущимся, как ему казалось, шагом двинулся по коридору. Он твердо вознамерился не допускать больше никаких сомнительных благословений. В церкви - пожалуйста, а здесь вам не церковь, здесь - частное владение.

Пришельцы столпились возле кабинета Аарона. М-р Кенинсби услышал, как мяукнул котенок. Джоанна - кажется, старуху звали именно так - открыла дверь. М-р Кенинсби снова окликнул их, на этот раз погромче - "Эй, вы там!". Но на него опять не обратили внимания - "там" входили в комнату. М-р Кенинсби припустил бегом, потом одернул себя - в конце концов, хозяин вполне мог позволить Джоанне войти в свой кабинет. Он взвесил эту возможность и отклонил ее. Аарон явно не благоволил к Джоанне. Значит, налицо было самоуправство.

Ужасная мысль буквально пригвоздила его к полу. А что, если Джоанна просто собралась выпустить котенка погулять в сад, или там во двор? Котят же выпускают погулять, и каким же идиотом он будет выглядеть, если все так и окажется. Подождите-ка, но не в такую же метель? И не со второго этажа! Пребывая в мучительных раздумьях, м-р Кенинсби наконец добрался до кабинета Аарона.

Все остальные, включая котенка, были уже внутри. Войдя в кабинет, м-р Кенинсби снова услышал мяуканье, жалобное и настойчивое. Маленькое существо стояло на задних лапах у внутренней двери. Впрочем, не такое уж оно было и маленькое; еще пара дюймов, с удивлением отметил м-р Кенинсби, и это был бы вполне взрослый кот. Да и шума от него было куда больше, чем от котенка. Джоанна стояла позади котенка, а молодой мужчина как раз заканчивал обходить большой рабочий стол Аарона. М-р Кенинсби вспомнил, что за внутренней дверью находятся фигурки, золотые, между прочим. А, вот что ей надо! Все сходится: цыгане - золотые статуэтки - воровство. И м-р Кенинсби громко произнес:

- Так-так, и что это вы здесь делаете?

Джоанна наконец услышала его и оглянулась. С обветренного морщинистого лица, обрамленного тусклыми космами, смотрели какие-то слишком уж спокойные старческие глаза. Одеяло было перетянута веревкой. Старуха проговорила:

- Уходи. Ты опоздал.

- А мне показалось, что в самый раз, - ответил м-р Кенинсби, вошел в комнату, обогнул

стол и оказался напротив молодого человека. - Надеюсь, мистер Ли знает, что вы здесь?

Джоанна неприятно хихикнула и кивнула.

- Узнает, - сказала она. - Скоро узнает. Подожди, пока я вытащу кое-что наружу.

- Наружу? - недоуменно переспросил м-р Кенинсби. - Как это - наружу? Что вы собираетесь вытаскивать?

Она показала на внутреннюю дверь и понизила голос до шепота:

- А то, что у него там.

- Что у него там - это его дело, - внушительно сообщил м-р Кенинсби. - Я так и понял, что вам как раз этого и надо, и ваше счастье, что я оказался рядом. Вы, кажется, собрались его ограбить? Ну, в этот раз сорвалось. Идите-ка себе, и заберите этого проклятого котенка с собой - если он ваш, разумеется.

Джоанна взялась за ручку двери, но м-р Кенинсби, преисполненный чувством долга, ринулся к ней.

- Оставьте-ка эту дверь в покое. Давайте-давайте. Я сам спущусь с вами вниз. Ничего себе, делишки! Это в ваши-то годы!

Кот у двери завыл. Джоанна сердито посмотрела на него и сказала:

- Ты.., ты хочешь помешать мне найти мое дитя?

- Кого? - воскликнул м-р Кенинсби. - Да не прикидывайтесь вы дурочкой. Нет там никакого ребенка. Там только марионетки - милые вещицы, но ни одна из них даже не похожа на ребенка. И не пытайтесь сбить меня с толка. Идите-ка отсюда.

- А-а! - вскричала старуха с неожиданной силой. - Так ты один из них, ты один из прислужников Сета!

Кот завыл еще громче. М-р Кенинсби почувствовал себя как-то ужасно неуютно и одиноко. Кошачий вой заполнил комнату, когти зверька всерьез драли дверь. Там, за дверью продолжалось вечное гармоничное движение, а здесь был сплошной хаос: орущая четвероногая тварь, сердитая старуха, идиот, топтавшийся позади нее. Кот выл, ветер за стеной визжал... М-ру Кенинсби отчаянно захотелось, чтобы рядом с ним оказался еще кто-нибудь. Чертовы фигурки! Нелепый дом! Ветер этот проклятый! Кот и метель за окном взвыли в унисон. Старуха внезапно заорала:

- Он уже близко! Уходи, пока он не ударил! Всех его врагов ждет смерть. Кошки чувят его; бог грядет.

- Никого здесь нет, - растерянно огрызнулся м-р Кенинсби, голос у него срывался и звенел.

- Оставь дверь в покое!

- Тебе не остановить его, - вещала старуха. - Даже миллиону таких, как ты, не остановить его. Тебя возьмут и разрежут на тысячу кусков, тебя похоронят заживо в адской пирамиде, тебя утопят с теми крокодилами, которые разорвали твоего отца, тебя рассекут пылающими ножами Анубиса, и сердце твое будет съедено на судном месте <По представлениям древних египтян, душа умершего взвешивается богом Анубисом. Грешные души тут же пожирает подземное чудовище.>.

Старуха повернула ручку двери. М-р Кенинсби кинулся к ней, отшвырнув по дороге кота, и попытался закрыть дверь. Мимоходом он, правда, успел пожалеть о своем порыве, надо было плюнуть и оставить в покое эту бесноватую. Чепуха, конечно, полная, но все его существо содрогнулось от ужасных слов "похоронят заживо". Его нельзя хоронить заживо!

- Нет, не войдешь! - каким-то совершенно недостойным голосом проблеял он. - Оставь дверь в покое! Ай!

Это кот прыгнул на него сзади и вцепился в ноги. М-р Кенинсби попытался лягнуть его и промахнулся. Кот повис на брюках, сорвался и укусил его за лодыжку. Он словно взбесился,

обезумел так же, как Джоанна. Старуха сбросила с плеч одеяло и, выставив вперед крючковатые пальцы, пошла на м-ра Кенинсби. Он сумел увернуться от нее, снова пнул кота, отчаянно вцепился в дверь и тут же понял, что борьба напрасна. Джоанна костлявыми пальцами стиснула горло м-ра Кенинсби и крикнула что-то своему спутнику. Идиот легко обхватил м-ра Кенинсби за талию, оторвал от двери, приподнял и перевернул в горизонтальное положение. Джентльмен висел, нелепо размахивая руками и ногами, ругаясь и пытаясь лягнуть противника.

- Что с ним делать, бабушка? - спокойно спросил Стивен. - Выбросить на улицу?

Старуха в сомнении посмотрела на окно и видимо решила, что пропихнуть через него упирающегося м-ра Кенинсби будет трудновато.

- Брось его вон туда, - показала она в дальний угол комнаты, и Стивен подчинился. М-р Кенинсби пролетел по воздуху, ударился о стену и свалился на пол. Голова, по чистой случайности, осталась цела, он хотя и с трудом, но продолжал воспринимать происходящее. Некоторое время в нем боролись страх и гордость, но гордость победила. Он еще немножко полежал в углу, приходя в себя и распаля боевой дух, а потом попытался встать и посмотреть, что творят злодеи. Они уже скрылись за занавеской. Они уже добрались до золотых фигурок. Он прав это воровство, нет, просто грабеж. Приговор этому придурку светит немаленький, а будущее Джоанны он, как специалист, мог предсказать до мельчайших деталей. Сейчас главное - не дать им уйти. Мысли м-ра Кенинсби еще слегка мешались после падения, иначе он задал бы себе вопрос - неужели Джоанна собиралась выйти отсюда в такую метель с одним драным одеялом вместо плаща, в полу которого будут завернуты золотые фигурки?

Тем временем Джоанна стояла на пороге внутренней комнаты и всматривалась в туман. Вскоре она охватила взглядом величайшую мистерию, прочла символы происхождения земного мира и хрипло выкрикнула имя бога. С этого момента уже ничто не связывало ее с реальностью. Она пошла вперед. Стивен остался позади, отчаянно мыча и размахивая руками, словно пытаясь ее задержать. Джоанна раздраженно обернулась и на лице у нее проступила такая всепокрушающая злоба, что несчастный дурачок отпрянул, обреченно скорчился у двери и только шептал оттуда:

- Не ходи, бабушка... Не ходи...

Всего этого м-р Кенинсби не видел. В нем все еще продолжала укрепляться решимость пресечь беззаконие. Он уже начал медленно, с кряхтением, подниматься на ноги.

"К счастью, - думал он при этом, - к счастью, я захватил с собой запасные очки. Одну пару я потерял в снегу - никогда не видел ничего подобного - Ральфу вроде бы звонили? - упустили Ральфа - пустозвон - нет чтобы оказаться рядом, когда отца швыряют об угол, как .., как резиновый мяч. Впрочем, незачем ему на это смотреть. Надо скорее покончить с этой чепухой. Уф! Что там еще?"

Наконец он поднялся на ноги и водрузил на нос очки. Золотая цепочка помогла им не потеряться, хотя и не уберегла на носу владельца. Из внутренней комнаты выползали призрачные пряди тумана. "Что за дьявольщина? - подумал м-р Кенинсби и всмотрелся пристальнее. - Это не снег... И вроде не дым... Или все-таки дым? Неужели эта старая колдунья подожгла дом?". Он подошел немного ближе, оставляя между собой и дверью большой стол - на тот случай, если Джоанна или ее подручный опять набросятся на него - и обнаружил, что весь дверной проем полон этим странным дымом. На мгновение ему почудилось, что у порога стоит огромная толпа, но этого просто не могло быть. Если даже еще кто-то укрывался в этом доме от непогоды, то находиться они могли только в кухне или в гостиной. Нет, это не люди. Это дым, или туман, или что-то в этом роде. Ему внезапно вспомнилось, что именно такой туман окутывал Нэнси и стол с фигурками, когда предсказывалась ее судьба, но он не обратил внимания на это воспоминание. Он и тогда-то нарочно смотрел не на дочь, а в сторону. Если эта

старушенция явилась узнать свою судьбу, то м-р Кенинсби и без всяких фигурок готов предсказать ее, жаль только - некому. Никого вокруг, только туман и.., вот снова.., странное ощущение присутствия множествадвигающихся людей.

"А все эти проклятые фигурки, - подумал м-р Кенинсби. - Все из-за них. О Боже, он становится гуще". Он повернулся, выбежал в коридор и крикнул изо всех сил: "Пожар! Горим!".

Второй раз он крикнуть не успел. Снизу донесся внезапный треск, и дом отозвался стоном и скрежетом. Ветер сразу завыл гораздо отчетливее и громче, чем минуту назад.

- Господи Иисусе! - закричал м-р Кенинсби, переходя на высокий стиль, однако выдержал его недолго. - "Что там еще стряслось, к дьяволу? - Но еще не закончив фразу он уже понял, что произошло. Двери и окна не выдержали, сдались под напором урагана. "Снег рвется внутрь, а огонь - наружу, - подумал он и с трудом заставил себя оглянуться. - Отец наш Небесный, ну и Рождество!".

Внизу Аарон и Ральф еще смотрели друг на друга, когда раздался жуткий треск. Оба вскрикнули одновременно, но первым в прихожую выскочил Ральф. Он увидел, как входная дверь медленно подается под неистовыми порывами бури. Ральф мельком подумал, что с тех пор, как они вошли в дом, стихия все наращивала свои усилия. Буря словно выслеживала кого-то.

Карты, вырвавшиеся на свободу, впитали в себя намерения Генри, и те смутные фигуры, которые чудились Лотэйру Кенинсби в снежном вихре у перекрестка, теперь с удвоенной яростью колотили в дверь, за которой скрылась их жертва. Наконец их пудовые кулаки сорвали замок и засовы; дверь распахнулась, вихрь ворвался в дом. Пол в прихожей засыпало мгновенно; ветер, больше похожий на пляску стремительно рыщущих фигур, моментально проник во все уголки. Со стен сорвало картины; они попадали на пол, избежав дальнейшей расправы; столик перевернуло, подставка для зонтов отлетела к дальней стене. Ветер разочарованно взвыл, и снег покрыл первые ступени, ведущие в комнаты, словно преследователь решил не останавливаться, пока не достигнет добычу.

Ральф шумно выдохнул и бросился к двери.

- Сюда! - отчаянно крикнул он. - Зовите всех и помогите мне закрыть ее! он попытался прикрыть дверь, однако новый порыв ветра отбросил его назад. - Да идите же сюда! - рявкнул он на Аарона. -Зовите всех!

Аарон словно окаменел. Стоило ему успокоить себя, как гигантские руки одним взмахом смели все его построения и теперь ломали его дом. Нет, это была не обычная зимняя метель - это была Смерть. Она пришла не сама, ее вызвала магия карт, здесь был эпицентр бури, форму которой приняла Смерть. Она собирается охватить весь мир, и дом Аарона станет лишь первым звеном в цепи катастрофических разрушений. Но стихия разбушевалась не сама, ее вызвала воля человека, человек поставил задачу и теперь, пока она не будет выполнена, ураган не устанет бушевать над миром. Сознание подсказывало, что проще всего подчиниться натиску ветра и снега, отдать им то, что они ищут, вышвырнуть гостя за порог, принести его в жертву уже не ради магического знания, а ради спасения всех остальных, живущих на земле. Но осторожный Аарон понимал: когда ураган уже вырвался на свободу, некая сила привела к м-ру Кенинсби спасителя, а в дом к самому Аарону - двух его недругов. Здесь на его стороне только Генри, да и того еще надо найти в кромешной тьме. Хорошо, он отыщет его, но выстоят ли они с Генри против целого семейства Кенинсби? И не проще ли в этом случае отдать стихии самого Генри? Не удовлетворится ли ураган чародеем, пробудившим его? Если да, то Аарон Ли останется жив, а сейчас во всей вселенной не было ничего важнее, чем жизнь Аарона Ли.

Мысли эти стремительно проносились в сознании старика, пока Ральф боролся с дверью. Наконец молодой человек понял, что одному ему не справиться, подбежал к хозяину, впавшему

в странное оцепенение, и крикнул:

- Да позовите же кого-нибудь! Нам надо закрыть и подпереть дверь, а потом окна! Эй, кто тут есть! Идите вес сюда! Я вас зову! Идите - сюда - все!

Слуги - две служанки и повар - уже спускались к нему, крича, что заднюю дверь тоже выбило. Одна из служанок рыдала в голос, другая, не менее испуганная, держалась получше, к ней Ральф и обратился.

- Идите сюда! Видите, надо подпереть дверь. Давайте-ка возьмем большой стол и придвинем его, а кто-нибудь прихватит его к двери веревкой. Лучше всего обеденный стол, как вам кажется? Такого огромного стола я в жизни не видел. Он схватил служанку за руку и подтащил к столу. - Господи, уймется когда-нибудь эта проклятая волюнка на улице! Нет, только, ради Бога, не уходите. Вот так, скидывайте с него все подряд. Хорошо! Да не подбирайте вы эту ерунду, девочка! Как вас зовут? Анабель? Хорошо, Анабель, сгребите все в кучу, и ладно. Теперь сюда. Осторожнее! Проклятая ножка! Лучше этим боком, по-моему; да, вот так, осторожненько - не волнуйтесь. Да плевать на полировку! - Они опрокинули стол и придавили им строптивую дверь.

- Чем помочь, Ральф? - произнес позади голос Сибил. Она поднималась к себе в комнату, когда сорвало входную дверь, и тут же вернулась вниз, но в суматохе ее приход остался незамеченным.

- Спасибо, - только и успел выдохнуть Ральф. Теперь они со служанкой пытались развернуть стол в длину поперек двери, а ветер неумолимо отжимал преграду к лестнице. Ральф и Анабель с двух сторон вцепились в него, как два несчастных пленника, связанных веревкой, перед грозным Сетом на одной из карт Таро. Сибил схватилась за стол рядом с Анабель, Ральф через плечо заорал Аарону, повару и рыдающей служанке:

- Веревку! Милю веревки!

- Может быть, проще сначала закрыть дверь, Ральф? - спросила у него Сибил.

- Лучше бы, - отозвался Ральф, - но вряд ли проще.

Сибил с сомнением посмотрела на Анабель.

- Придержите пока стол, милочка. Думаю, если мы сначала закроем дверь... она неторопливо пересекла гостиную, взялась за ручку и спокойно затворила дверь. - Вот что я имела в виду, - удовлетворенно сказала она. - Тебе не кажется, что так проще, Ральф?

- Намного, - согласился Ральф, не зная, чему удивляться больше ее уверенному тону или профессиональному обращению с дверями. Наверное, буря опять ненадолго утихла. Они с Анабель придвинули тяжеленный стол вплотную к двери и как раз собирались привязать его, когда сверху донесся крик м-ра Кенинсби.

- Пожар! - кричал он. - Горим!

В прихожей опять воцарился хаос. Перепуганная Анабель отпустила стол и столешница грохнулась на пол в дюйме от ноги Сибил. Рыдавшая горничная теперь вопила как целый зоосад. Повар повернулся к Аарону и уточнил:

- Сэр, вы слышали?

Аарон бросился к лестнице, бормоча на ходу что-то невразумительное. Ральф заорал ему вслед:

- Что? Где? - потом, уже спокойнее, добавил:

-Что ж, если там горит, то загоразивать дверь вроде ни к чему. Давайте-ка просто подопрем ее креслом, пока...

- Огонь! - донесся крик м-ра Кенинсби.

- Иди, посмотри, Ральф, - посоветовала Сибил. -Может быть, это ошибка.

- Может и так, - согласился Ральф, - только давайте сначала все-таки придвинем кресло.

Анабель, ясные глазки, переставь его сюда, а потом успокой, пожалуйста, эту корабельную сирену. Чуть-чуть подтолкните, тетя; готово!

Теперь стол и тяжелое кресло перегораживали дверь. Ральф с сомнением оглядел баррикаду.

- И пары минут не выдержит, - заключил он. - Ладно, пойду-ка посмотрю, какая там муха отца укусила. Если дело серьезное, я дам вам знать.

Он метнулся вверх по лестнице, на середине пролета нагнал Аарона и одновременно с ним оказался на площадке, где их ждал встревоженный м-р Кенинсби.

- Все эта старуха, - принялся он объяснять Аарону. - Она вошла в ваш кабинет, туда, где марионетки, а потом оттуда повалил дым. Вряд ли она успела причинить вам серьезный ущерб, но лучше бы остановить ее. Пойдем с нами, Ральф, мой мальчик, ты можешь понадобиться. Там с ней такой отчаянный оборванец, одному мне, пожалуй, не справиться.

Пока они бежали по коридору, в одной из комнат послышался уже знакомый Ральфу треск. "Окно, отметил он про себя. - Плохо дело! Дай бог, чтобы обошлось без пожара!".

Они добрались до кабинета Аарона. Станный золотой туман клубился перед ними. Он поползал не быстро, но уже скрыл противоположную стену, а в самой комнате, словно огромное покрывало, лежал над большим столом. Это было красиво. Ральф сразу понял, что это не дым, но природа явления оставалась для него загадочной. Он смотрел во все глаза;

Аарон рядом с ним застонал в отчаянии, а отец проговорил:

- Не могу понять, почему она не выходит. Там все как-то чудно светится...

- Надо встать цепочкой и передавать ведра, - по инерции предложил Ральф. Да нет, папа, это же не дым!

- А что же? - только и спросил м-р Кенинсби.

- Если кто-то остался там, внутри, надо пойти посмотреть! - воскликнул Ральф. - Послушайте, мистер Ли...

Но Аарон не мог ни слушать, ни отвечать. Ужас парализовал его, он только тихо стонал и протягивал перед собой руки, словно пытаясь остановить медленно наползавшее облако. Опасность грозила и снаружи, и изнутри. Генри не было рядом, Аарон остался один. В этом облаке была Джоанна - Джоанна наедине с золотыми фигурками, Джоанна, уверенная, что он прятал их от нее, Джоанна, думавшая только о мщении, дни и ночи зовущая своего божественного сына, чтобы восстановить целостность божества. Как это случилось? Что же это такое обрушилось на него разом?

"Старик совсем голову потерял, - подумал про себя Ральф. - Немудрено, денек выдался суматошный", - и, обогнув стол, направился к двери.

- Осторожнее, мой мальчик, - подал голос м-р Кенинсби, - я тоже пойду с тобой. Не думаю, что это пожар. Только тогда... Что случилось?

На лице Ральфа застыло изумленное выражение. Он нелепо передвигал руками и ногами у самого края пелены тумана, словно танцевал перед зеркалом, потом озадаченно проговорил:

- Я не могу пройти. Он слишком густой.

- Не говори глупостей, - отозвался отец. - Совершенно очевидно, что он не густой. Каким бы густым туман не был... - Последние слова прозвучали не слишком уверенно, потому что клубящееся диво приближалось, и в перекатывающихся волнах открывались неизмеримые высоты и глубины. Да, туманом это назвать было трудно.

Ральф медленно пятился назад. Он пытался протянуть руку - она уходила словно в густую, но не липкую патоку. Нельзя сказать, чтобы ощущение было неприятным, просто он никогда такого не испытывал. Он отступил еще на пару шагов.

- Ничего не понимаю, - честно признался он. М-р Кенинсби тоже осторожно протянул

руку. Еще дальше. Она должна была коснуться тумана, потому что он уже не видел ни кисти, ни запястья, но он не ощутил ничего. Еще чуть дальше - и чья-то рука легонько коснулась его пальцев. Он вскрикнул, отдернул руку и отскочил назад.

- Что это? - резко воскликнул он.

В глазах Аарона застыл ужас. Его пугало не движение тумана, а те перемены, которые происходили в облаке. Оно принимало форму - он не сразу понял, какую именно, и вдруг осознал, что смотрит на движущуюся руку, обычную мужскую руку. Потом он вдруг перестал ее видеть: так трещина на стене оборачивается кошачьей головой, а в следующий миг превращается в бессмысленный зигзаг. Аарон моргнул и увидел еще одну руку - на этот раз гибкое женское запястье, державшее ту, первую руку.., пальцы обеих рук соединились и образовали третью. Она начала двигаться вверх-вниз, как молот на наковальне, а потом скрылась под тыльной стороной четвертой руки. Аарон скользил взглядом по туманным уплотнениям и видел сплошные руки, туман просто кишел ими, он состоял из рук разных размеров и темперамента. Они хватали, держали, ударяли, сражались, гладили, карабкались вверх, срывались вниз, появлялись и исчезали, неуловимо меняли свои занятия; руки, везде и всюду - руки. То здесь, то там в золотом тумане показывалась обычная человеческая плоть, но тут же пропадала, и снова повсюду разливалось золотистое сияние. Руки преобразовывали вещество, состоявшее из таких же рук, так что сами работавшие снова и снова оказывались частью того, над чем трудились. У стола, над ним и под ним, колыхалась таинственная завеса. Массивная столешница ничуть не мешала мерному движению, словно была не плотнее воздуха. Облако продолжало сгущаться и тянулось к Аарону. Оно приближалось к двери, и трое мужчин вынуждены были отступить перед ним.

Вернее, отступали только Ральф и его отец. Аарон, стоявший подальше в коридоре, только теперь понял, что находится перед ним, и крикнул в ужасе:

- Оно живое! Это живое облако! Бегите! - Он повернулся и изо всех сил бросился к лестнице, уже на бегу в отчаянии позвав Генри. Облако, начало всех вещей этого мира, качнулось и метнулось вслед. Аарон скатился по лестнице, но одолев дюжину ступеней, не удержался на ногах и вцепился в перила, чтобы не упасть.

М-р Кенинсби неодобрительно посмотрел ему вслед, еще раз изучил золотой туман, отступил немного назад и с несвойственным ему сомнением сказал Ральфу:

- Живое облако? Ты видишь в нем что-нибудь живое?

- Оно выглядит чертовски твердым, - ответил Ральф, - не поймешь, на что похоже. Не то известняк, не то густой крем. Откуда оно взялось?

Ответить м-р Кенинсби не успел. Из облака послышался легкий быстрый топоток, и на них внезапно выскочил котенок. Прошмыгнув у людей под ногами, он мигом оказался на середине коридора, но там резко остановился, огляделся, дико мяукнул и рванулся обратно в облако. Прежде чем м-р Кенинсби или Ральф пришли в себя, кот, еще более ополоумевший, выскочил снова, домчался до лестницы, мелькнул мимо Аарона и, отчаянно завывая, припал к полу у нижней ступеньки.

Тем временем Сибил занималась рыдающей служанкой и, надо сказать, не без успеха. Она стояла спиной к лестнице и не видела, что происходит наверху, хотя, конечно, слышала вопли кота и крики Аарона. Она в последний раз ласково провела рукой по голове девушки и обернулась. Именно в этот момент кот и Аарон решили продолжить свои занятия. Кот прямо от подножия лестницы невероятным прыжком махнул к парадной двери, приземлился посреди сооруженной Ральфом баррикады, свалился на пол, фыркнул и начал карабкаться на стол. Одновременно с ним Аарон сделал два неловких шага, поскользнулся и съехал вниз по ступеням. Сибил бросилась к нему.

- Бедный вы мой, - воскликнула она и услышала безумный ответ:

- Ноги не слушаются. Они меня не отпускают.

- Вы не ушиблись? - спросила она, помогая ему подняться, но старик только простонал:

- Лодыжка...

Сибил опустилась на колени, чтобы осмотреть ногу, и Аарону сразу стало спокойней от ее всепобеждающей безмятежности. Невозмутимость не относилась к чертам характера Сибил, она была просто проявлением целостности ее натуры. Качество это не такое уж редкое, но мало кто пользуется им осознанно, а лишь в этом случае оно способно принести глубокое удовлетворение не только обладателю, но и окружающим. Над этим умением Сибил Лотэйр посмеивался, однако пользовался им неизменно, ничего не имея против душевного подъема и спокойствия, исходящих от сестры; Нэнси прекрасно ощущала покой, исходящий от тети, и тоже частенько пользовалась им, чтобы привести в порядок собственные расстроенные чувства; наконец, невозмутимость Сибил сразу заметил Генри, ибо и сам стремился достичь подобного состояния духа.

Вот и теперь невозмутимость и собранность легко победили смятение Аарона. В тот же миг, едва ли случайно, в доме воцарилась тишина; ветер снаружи стих, и все вокруг враз успокоилось. Это странное затишье длилось всего мгновение; у двери снова взвыл кот, и, словно по сигналу, буря опять пошла на приступ и начала медленно преодолевать заслон. Стол и кресло развернуло в сторону, дверь распахнулась, и метель моментально замела пол в прихожей. Вихрь устремился вверх по лестнице, увлекая за собой кота. А сверху, навстречу клубящемуся снежному облаку, все быстрее двигалось облако совсем другой природы. Золотой туман встретился с ветром и снегом; на летящих снежинках заиграл золотистый отблеск, а туман побелел. В доме все смешалось; люди оказались оторваны друг от друга, и каждый на ощупь пытался найти хоть какое-нибудь убежище. В голосах звучали страх, отчаяние, гнев, но все звуки покрывал слаженный вой кота и бури. В жуткую симфонию не замедлила вплестись музыка из комнаты с фигурками, только теперь она звучала высоко, громко и страстно. Вскоре она уже доминировала над прочими звуками и объединяла их. Не нарушая ее ритма, в круговерти золотого и белого мелькнули танцующие ноги; золотые руки показались и исчезли. Началось вторжение символов Таро.

Сибил осмотрела лодыжку Аарона и сказала:

- Мистер Ли, если бы вы сумели как-нибудь добраться до ближайшей комнаты, мы бы помогли вашей ноге.

Глава 14

ЛУНА ТАРО

Нэнси оказалась одна. Туман вокруг нее стал тоньше, а за ним распростерлась темнота. Она помнила внезапную острую боль, когда руки Генри отпустили ее; потом она полностью сосредоточилась на своей задаче. Необходимо положить конец этому разгулу стихий, спасти всех, кому они угрожают. Краем сознания Нэнси отметила, что уже некоторое время не слышит шума бури. Грандиозность задачи нисколько не тяготила ее; на сердце было легко. Вместе с мистерией Таро в ее жизнь вошло новое чувство радостного изумления. В образах Таро чудесного оказалось не больше, чем в обычных, давным-давно знакомых людях. Просто трепетание золотого света, озарявшего теперь для Нэнси весь мир, сделало его иным. То, что она успела узнать до этого, может быть, и не стало понятнее, но заняло свое место, и каждый образ казался прекрасным и святым. Все они были "гонцами земли и вод", и она тоже, каждый обрел свое место в танце и теперь был счастлив, хотя сам танец все еще немножко пугал ее. Нэнси по-прежнему многого не понимала, но знала определенно: все это - часть таинства Любви, а потому - безопасно.

Она делала то, что должна была делать, а добьется она результата или нет неважно. Вообще ничто не важно, кроме того, чем она занята сейчас. Только в этом моменте она может жить в полную силу и в полном соответствии с законами танца. Танец Таро - это танец ее крови, души, воспарений духа, которые, наверное, так хорошо знает тетя Сибил. Нэнси, конечно, пока не достигла таких высот, может быть, и никогда не достигнет, но теперь она знала об их существовании, могла откликнуться на них. Отец, Генри, Ральф, она сама - все исполняли свои партии. Последние пряди золотого тумана растаяли, и Нэнси с радостным трепетом вступила в темную, тишину, поджидавшую ее.

На самом краю она помедлила. Глаза ожидали увидеть стол с фигурками, но ничего подобного перед ней не было. Вокруг простиралась прохладная бархатная ночь. Она посмотрела вниз: в руках не было карт, хотя кисти все еще оставались чуть приподнятыми, словно продолжали сжимать листы. Пальцы слегка подрагивали. Так бывает при невралгии, впрочем, не совсем так, вернее, совсем не так. Разве что бывает невралгия от счастья, когда каждый нерв шлет в мозг весть о трепетной радости и силе. Еще самую малость - и радость сменится болезненным спазмом, но он все не наступает, а восторг все длится и становится только острее от сознания, что еще одна капелька радости может все обрушить.

Нэнси была совершенно уверена, что сила, звеневшая сейчас в каждом ее нерве, говорит о том, что с ней все в порядке и она делает то, что должна делать. Радость стала некоей материальной субстанцией; Нэнси получала ее от земли, с которой в этот миг осознавала полное родство.

Она удивленно разглядывала свои притихшие руки. Они бывали так заняты в мире, все время делали что-то. Как много предметов побывало в этих ладонях спинки стульев, чашки, теннисные ракетки, руки друзей, птицы, книги, ручки всевозможных сумок и зонтиков, платья, простыни, дверные ручки, ножи и вилки, бокалы, картины, туфли словом, все! У каждого предмета был свой смысл, руки придавали ему смысл новый, творили что-то такое, чего никогда прежде не существовало на свете... Нет, не совсем так. Руки всегда опережали ее, оказывались в будущем - да они и лепили ее будущее. С руками Генри они обменивались лаской, красотой и знанием; с руками отца.., кровь прилила к щекам, ей стало стыдно. Из рук Сибил она совсем недавно получала силу, делясь собственной слабостью. Ее руки были полны земли, сотворенной силой карт Таро; они удержали руки Генри, пытаясь остановить неистовые ветра и воды. Она вытянула руки вперед. Как же предотвратить то несчастье, которое угрожает всем? Что сделать ее рукам? Что велит мистическая сила, скрытая в них? Она вспомнила руки старухи, воздетые над головой Сибил; она вспомнила руку священника, поднятую этим утром для благословения; она вспомнила "Молящие руки" Дюрера, руки Христа на распятии, и руки Девы Марии, поднимающие Сына, и маленькую благословляющую ручонку Самого Младенца; она вспомнила руку Императора, простертую над тревогами мира; руки Жонглера, подбрасывающего шары, и руку Шута, призывающего мертвеца выйти из могилы в последний час; все это, оказывается, она успела заметить в танце, пока золотой туман не скрыл танцоров.

Несомненно, такое значение и такая сила человеческих рук заслуживали по меньшей мере восторженного удивления. Нэнси подумала о неведомом философе, изготовившем когда-то фигурки Таро; его руки были преисполнены духовного знания; быть может, они направляли его разум так же, как знание направляло их самих. Что сказал бы хиромант об этих ладонях? В чем сумел бы разглядеть центры мудрости и силы, наделившей фигурки и карты характерами стихий, так что другие руки смогли высвободить из них землю, воду, воздух, огонь и отправить их в мир? Освободить и направить. Она сильно встряхнула руками, неосознанно слясь обуздать ураган, бушевавший сейчас над землей; и когда тыльные стороны ладоней тускло засветились перед ней в темноте, она ощутила на них первые робкие прикосновения снежинок.

Ощущение сырой прохлады заставило ее мгновенно сосредоточиться. Итак, время пришло. Что-то должно свершиться. Тьма вокруг менялась. Где-то внизу родился золотистый проблеск; сначала она подумала, что различает золотую столешницу, но тут же поняла, что ошиблась. Это был уже знакомый золотой туман, вздрагивающий от вторжения снежных хлопьев. Он поднимался откуда-то снизу. Когда его пелена приблизилась, Нэнси наконец узнала потайную комнату. Она стояла в темноте между занавесями, а под ней расстиралось огромное открытое пространство. Холмы укутал снег, но метель утихла. Перед Нэнси раскинулся обычный зимний пейзаж.

Она видела города и деревни, засыпанные снегом; узнала дом Ли, ощутила суматоху, царящую в нем, и вдруг увидела, как из дома выросла явно не соответствующая ему по масштабу зыбкая фигура с огромной дубинкой, из которой непрерывно валил снег. Фигура быстро росла, потом нависла над ней, и тогда Нэнси протянула руки, задерживая взмах исполина. Руки ощутили удар как порыв ледяного ветра и онемели, но уже в следующее мгновение жизнь вернулась к ним, а призрачный великан изменил направление своего движения, повернулся и неторопливо канул в хаос, из которого возник. За этой фигурой последовали другие; разбуженные духи стихий рвались на свободу. Им тесно стало в доме, они пытались выплеснуться в холмы, в мир, где люди праздновали Рождество и не знали, как близка гибель. Но между ними и холодной смертью встала тонкая девичья фигурка. Теплые человеческие руки встретили вторжение и повернули его вспять. Они мягко помавали над бурей; они двигались, их танцевальный ритм завораживал и подчинял неистовую пляску чудовищных духов. Из этого противоборства постепенно выстраивалась гармония танца, но равновесие оставалось слишком зыбким и в любой миг хаос мог затопить вселенную. Башня, вся сплетенная из яростного клокотания, росла и рушилась под ладонями, простертыми над ней; она разваливалась, откатывалась назад, но все же пыталась сохранить прежнюю форму. Так, мало-помалу, магический ураган возвращался к своему истоку. На холмы Сассекса, на деревни и дороги, на графства и города Англии, на горы и реки продолжали падать пушистые снежные хлопья. Но это был уже обычный рождественский снегопад.

Рождественские хоралы звучали как и прежде. Люди не ведали о дарованном спасении - по крайней мере, о том временном спасении, которое в очередной раз пришло к ним из рук Матери-Любви. К середине ночи снег прекратился, и на ясном небе показалась луна. А в одном из домов Сассекса в эту ночь засияла другая луна, та, что была среди двадцати и одного изображений Старших Арканов. Теперь на листе пергамента между двумя башнями высоко в небе тоже сияла полная луна. Вечное строительство и вечное разрушение безумных зиккуратов древнего Вавилона прекратились. Башни были завершены. И под ними снова, по обе стороны долгой и одинокой дороги, сидели два зверя - два пса, а может быть, волк и пес, - и выли на луну. Вой изливал в мир жажду знания и мучительную неспособность отыскать пути к нему. Звук поднимался навстречу прохладному свету, лившемуся с небес. А внизу, на той же карте, в таинственных морских глубинах тяжело ворочалось еще одно существо. Замкнутое в панцирь из раковин, царапая когтями и гремя клешнями, оно пыталось достичь берега и не могло приблизиться к нему ни на дюйм.

Солнце еще не встало, и Шут, если он и двигался там, то незримый или просто неразличимый в лунном сиянии, растворенный в нем, ибо лунный свет есть ни что иное, как отражение света солнечного. Если Таро и вправду заключали в себе все сущее в мире, тогда и в самом порядке их чередования был смысл. Повествование карт завершится тогда, когда мистерия Солнца сменит мистерию Луны. Затем протрубят трубы, созывая на Страшный Суд, раскроются могилы и в последнем таинстве одинокая фигура, называемая "Миром", завершит радостный танец во вселенной без солнца и луны. Тогда число Старших Арканов станет

полным. Если, конечно, не считать Шута, потому что его мудрость человечество полагает глупостью, пока не постигнет ее. Шут правитель всего или ничто; но если он - ничто, значит, человек рожден мертвым.

Нэнси стояла над миром. Ее протянутые руки ощущали удары, но она лишь смеялась, видя, как бессильно опускаются дубины, пытавшиеся нанести удар снизу вверх и не способные пробить маленькие живые щиты, защищавшие от них мир. Она смеялась, ощущая эти удары, точно так же, как однажды смеялась и подшучивала над Генри, когда его пальцы щекотали ее ладонь; сама опасность превратилась в радость любви. От ее смеха, как от блистающего духовного меча, пятились призрачные гиганты; смех, обоюдоострое оружие, слетал с ее губ, словно с уст некоего мистического героя Апокалипсиса. Смех и та сила, что всегда хранит мир, вошли в нее и, по-прежнему смеясь от переполнявшей ее чистой радости, она двинулась вперед. Призрачные духи рассыпались перед ней и бежали обратно, в хаос; серый снежный вихрь принял их, и в следующий миг Нэнси снова оказалась в золотом сиянии, она опускалась в него, шла через него. Золотой туман вихрился, дрожал, уплотнялся, темнел. Она стояла у золотого стола, только теперь на нем не было фигурок. Нэнси взглянула через стол и увидела напротив дикое лицо Джоанны, ее стиснутые кулачки и рот, кривящийся непроизносимыми звуками.

Руки Нэнси обвисли; радость, безраздельно владевшая ей, стремительно покидала тело; она притихла. Однако еще не все было сделано. Буря обратилась вспять, но Нэнси не знала, удалось ли усмирить стихию окончательно; усомниться ее заставило свирепствующее в нескольких футах от нее воплощение урагана.

Джоанна вошла в комнату, когда туман, таившийся в танце или самих фигурках и вызванный влюбленными, уже заполнил всю комнату. Она вошла в ту брешь, которую оставила созидаящая сила, двигавшая танцорами; ее приняли испарения, флюиды, порождаемые танцем. Они с Генри мельком видели друг друга; она вошла, он вышел. Его цель была уничтожена, сознание приняло эту мысль и смирилось с ней. Ее цель, давно разрушенная, вместе с собой разрушила и само сознание. Вавилон ошеломил ее; она брела среди образов Таро, разыскивая любовь, которую считала своим правом, своим владением, своим живым вассалом. Безумная, однако не больше, чем большинство людей, она искала свой путь лелеять Бога, и для нее путь этот заключался в мечтах о Горе, о мести и муках. В этой надежде нежность мешалась с жестокостью, предназначение - с гордостью, власть - с тиранией, материнство - с алчностью. Джоанна рыскала среди символов вечного танца и в безумии верила, что правит этим танцем мощью своего божества и возвышается над любой из его составляющих. Они с Генри заметили друг друга, и она помчалась дальше. Она рвалась к центру комнаты, где туман завихрился расширяющимися кругами вокруг пустого основания, и видела ничто. Ничто - там, где все должно было быть воссоздано заново. Там, где поверженный бог должен был возродиться заново, исчезли даже следы от пролитой им крови. Несчастная в спешке миновала карты Таро, и теперь они лежали на полу у нее за спиной. Но зато она увидела Нэнси, и теперь смотрела на нее, быстро-быстро шевеля губами. Тишина по-прежнему лежала нерушимо; изо рта старухи не доносилось ни звука. Нэнси больше не боялась Джоанну. Она просто испытывала неловкость, не понимая причин ее гнева, и потому спросила слегка запинаящимся голосом:

- Вы.., все еще ищете?

Лицо Джоанны осветилось призрачной уверенностью. Она страстно кивнула.

- Да, - забормотала она, - все ищу, добрая госпожа. Добрая госпожа, она спрятала его здесь!

Нэнси чуть шевельнула рукой.

- По правде, - сказала она, - я не прятала его. Скажи мне, что ты хочешь, и я помогу тебе.

- О, да, ты поможешь! - хихикнула Джоанна. - Ты уж, конечно, поможешь! Ты ведь и все это время помогала, а? Разве это не ты шныряла у палатки и высматривала, где там мое дитя?

Все рыскала, все шныряла! И проскользнула-таки внутрь, и унесла его!

- Кого это я унесла? - сказала Нэнси, наполовину подыгрывая безумию старухи, наполовину поддразнивая ее. - Что я у тебя взяла? Я все верну, ты только скажи - что, или давай поищем это вместе с тобой.

Джоанна внезапно перегнулась через стол и схватила Нэнси за руку. Девушка почувствовала, как высохшие пальцы впиваются в нее с неожиданной силой.

Она подавила желание немедленно высвободиться.

- Я буду искать его, - сказала Джоанна. - Я знаю, где ты его прячешь. Кровь - в крови, а плоть - во плоти. Я выпущу его из тебя. - Она притянула девушку поближе и уперлась головой в грудь Нэнси.

- Я слышу его, - торжествуя заявила старуха. - Это он стучит в тебе. Я выпущу его наружу.

Внезапно Нэнси начало трясти. Смех, звеневший в ней, умер. Ему на смену пришла фантастическая мысль: вот чем придется заплатить за победу над бурей. Может, было бы лучше вместе с Генри умереть в метели, чем такое.., но это чушь. Она не собирается умирать. Она собирается жить для Генри, показать ему руки, усмирившие снегопад, и заставить его поцеловать их в качестве вознаграждения, и оставить свои ладони в его руках, в тех самых руках, которые затеяли все это, натравили на нее духов с дубинками, - и вообще она намеревалась всеми способами поклоняться таинству Любви. Не может таинство состоять в том, чтобы умереть сейчас вот так.., рядом с этой старухой. Должна прийти тетя Сибил, или мистер Ли, или отец... А пока она попытается любить эту старую женщину.

Джоанна с натугой выпрямилась и втащила Нэнси на стол. Крепко держа девушку, она наклонилась к ней и быстро забормотала:

- Рука, которой ты касалась его, рука силы, рука магии - вот, вот здесь мы выпустим его; середина руки - ты не знала? - это то место, через которое приходит и уходит бог. - Она повернула ладонь девушки вверх и провела по ней ногтями. - Я увижу его, - продолжала она, - в первой капле крови; крови, которую учует кот; он затем и привел меня сюда, тот самый кот, который живет в буре, тот Тигр, который всегда бежит у ног Шута. Кот придет, - ее ногти изо всех сил впились в ладонь Нэнси, - и бог выйдет на свет. Мой маленький, мой сладкий! Приходи, приходи, приходи.

Нэнси почувствовала боль и, надо сказать, достаточно сильную. Боль напомнила о том, что она ведь может и закричать - громко закричать - позвать на помощь. Особой беды от этого не будет, решила Нэнси. Ах да. Она же собиралась любить эту старую женщину - не обижать ее - понимать ее - желать ей добра. Но старуха - одна, и Нэнси - одна; и Нэнси не могла найти ни одной причины, позволяющей старухе портить руки, которые Генри считал такими красивыми. Она в последний раз попыталась вырваться - безуспешно. Неудивительно, слишком уж неудобно чувствовать себя наполовину на столе, наполовину на полу. Тогда она позвала, стараясь не выдать страха:

- Тетя Сибил! Генри! Отец! Тетя!

Внезапно ее голос оборвался. Вместо тех, кого ей так хотелось увидеть выходящими из золотого тумана, на столе рядом с ее протянутой рукой возник кот. В те несколько минут, которые Нэнси провела вместе с Сибил внизу, она не обратила внимания на котенка, а с тех пор у нее просто не было возможности узнать о его существовании. И в доме она не видела и не слышала никаких котов. Однако вот он, сидит рядом, мяукает, переводя взгляд с нее на Джоанну и обратно, раскрывает и закрывает розовую пасть, беспокойно подергивает хвостом.

"У него нет рук!". Почему-то только это и пришло Нэнси в голову при виде кота.

Уже в следующий миг открытие показалось ей таким жутким, что она едва не потеряла

самообладание. Да, у него не было рук - у него не было инструмента для воплощения духовных намерений, только лапы, которые могли гладить или царапать, подставляя то мягкие подушечки, то острые коготки - целых четыре лапы, и ни одной руки. Внезапно кот положил лапу ей на руку, и она чуть не вскрикнула от этого мягкого прикосновения. Кот попытался отнять лапу, но когти зацепились за пушистую ткань платья и не отцеплялись. После короткой борьбы кот все-таки оторвал лапу, и Нэнси почудился треск разрываемой ткани. Это было нелепо, но ей тут же представилось, как кот разорвал весь рукав, ее рука оказалась обнаженной по локоть, а кот и Джоанна вот-вот примутся терзать ее... Нет, она должна любить Джоанну. Джоанна хочет чего-то. Скорее всего, она так и не найдет ничего стоящего, но Нэнси все равно должна попытаться полюбить ее.

Никогда еще после смерти своего ребенка Джоанна не была так близка к той силе, о которой сама рассказывала себе столько фантастических историй. В средоточии всего сущего, в обители золотых танцоров, Бог предлагал себя тем, кто искал его, кто прикладывал к этому усилия. Нэнси вновь подчинила себя единому центру. В ее глазах, устремленных на Джоанну, в звуках голоса, обращенных к ней, Бог в который раз позволил проявиться вечной мистерии.

- Его действительно здесь нет. Я помогу тебе найти. Это обязательно будет, только не надо мешать...

Старуха не видела ее глаз; она смотрела только на кота.

- Кот, который живет в буре, - твердила она. - Пойдем, мой дорогой, пойдем, ты покажешь мне. Ты привел меня сюда - так покажи мне. Покажи мне. Она прячет его в себе, да? Пойдем и возьмем его.

Кот уставился на нее; потом он перевел взгляд на лицо Нэнси и начал ерзать и приседать, готовясь к прыжку.

"Он собирается прыгать! - с ужасом подумала Нэнси. - У него нет рук, зато он собирается прыгать! Он разорвет меня, потому что у него нет рук!".

На последней из карт Таро, на той, которая без номера, она видела подобное изображение - зверь у ног Шута, изготовившийся к прыжку. Она видела его в самой гуще танцоров, в центре золотого стола. Но тогда он не собирался нападать; в его позе крылся какой-то иной смысл, более таинственный, нежели в движениях остальных фигурок. Шут и тигр, составное и вместе с тем единое таинство - но он собирается прыгнуть! Джоанна дергала ее, и Нэнси пришлось отпустить другую руку, которой она держалась за край стола. При этом лицо ее на малую толику придвинулось ближе к центру сгущавшейся энергии.., слишком, слишком близко. Нэнси попыталась схватить зверька, но промахнулась. Кот с рычанием прыгнул в сторону и снова изготовился к прыжку.., но тут его неожиданно взяли за шкуру и высокий брезгливый голос произнес:

- Господи Боже! Что все это значит? А ну-ка, отпусти, ты, жалкое создание! Слышишь, что я тебе говорю? Оставь мою дочь в покое. Будь ты проклята, женщина, кому сказано - оставь мою дочь в покое!

Глава 15

БЛУЖДАЮЩИЕ В ПРЕДВЕЧНОМ

Золотой туман разделил обитателей дома на холмах, скрыл их друг от друга, не коснувшись лишь Сибил Кенинсби и Аарона Ли. Слуги сбились тесной кучкой под лестницей, не смея двинуться и в то же время боясь оставаться на одном месте. Каждый старался коснуться локтем соседа, так им казалось спокойнее. Когда-то первобытный человек точно так же пытался защищаться от ночи с ее опасностями. Повар тяжело дышал; истерика горничной сменилась жалобными всхлипываниями; даже молчаливая обычно Анабель вздрагивала и не отпускала руки подруг. Между девушками вились плотные пряди тумана.

Точно так же туман клубился, обволакивая Ральфа и м-ра Кенинсби. Ральф и не думал скрывать свое состояние. Оно мало чем отличалось от остолбенения повара. А чего еще, собственно, ждать от человека, для которого знакомый мир вдруг перестал существовать? Ральф знал, что туманы бывают в горах, в речных долинах, над болотами, иногда и в городах тоже. Но гор поблизости не наблюдалось, а городского смога в деревне отродясь не случалось. Знакомые условия существования вдруг взяли и исчезли. Поразмысли Ральф еще пару минут, он, возможно, справился бы с собой и даже решился бы на какое-нибудь действие, но как раз в этот миг стена под его плечом как-то странно заколебалась и Ральф отскочил на середину коридора. Резко обернувшись, стены он уже не увидел. Все скрывал туман.

Он попытался коснуться рукой бедра и не смог; там, где положено было быть его телу, не ощущалось ничего, кроме все той же густой субстанции. Он сжал пальцы в кулак и ощутил, как они впиваются не в ладонь, а в то же пластичное и упругое вещество. Ральф удивился. До этой поры он вполне осознавал себя, только вот куда подевался тот, который осознает? Осознание утверждало, что его здесь нет. Ральф не мог с ним согласиться - он же был здесь. Он поднял руки, чтобы потрогать голову - но, если она и оставалась на прежнем месте, ощутить ее не удалось. Густая, как манная каша, субстанция просочилась между пальцами и прилипла к ним - не то кисель, не то жидкая грязь. Когда-то ему вырвали зуб, так этот несчастный зуб долго потом ощущался на своем прежнем месте. Теперь, похоже, все его тело вырвали, как тот зуб, а он как будто ощущает его по-прежнему. А весь остальной мир? Его что, тоже вырвали? А вместо мира осталось место, которое он занимал, да еще Ральф, помнящий это место и чувствующий его одновременно и пустым, и занятым? На миг Ральф представил себе дыру в воздухе, через которую некий талантливый дантист мягко и безболезненно удалил мир, но сознание, не приученное к метафизике, отказалось развивать эту идею и вернулось к прежней точке зрения: скорее всего, ему просто немного не по себе из-за этой метели, ну устал он, в конце концов. Правда, раньше, даже валясь с ног от усталости, он всегда находил себя с первой попытки.

"Я же не сошел с ума, - твердил он себе. - Это ведь легко проверить, надо только развести и соединить ладони". Ладони сблизилась, но соединить их не удавалось. Почему-то Ральф уверил себя, что стоит выполнить это простое упражнение, и он сразу вернется к нормальному состоянию; достаточно лишь повернуть что-то важное, соединить одно с другим, и тогда возникнет хоть какая-то точка, в этой жуткой мешанине появится определенность... Он попытался представить, что сейчас чувствует отец, и тут же в тумане прозвучали четыре музыкальные ноты, обычная восходящая гамма. Они повторялись слабо и монотонно - ла-ла-ла-ла; ла-ла-ла-ла; ла-ла-ла-ла. "Ладно, - подумал Ральф, подождем. Надо думать, когда-нибудь этот кошмар прекратится".

В отличие от сына, м-р Кенинсби, оставшись в одиночестве, вовсе не склонен был считать туман чем-то материальным. В чувствах его преобладали обида и растерянность. Знакомый мир сбежал от него точно так же, как от Ральфа и слуг, и точно так же, как Ральф и слуги, м-р Кенинсби инстинктивно протянул руку, чтобы ощутить рядом ближнего. И он ощутил - правда, не совсем то, на что рассчитывал. Он наткнулся на руку, чем-то знакомую руку, сильную и уверенную, которая тут же схватила его запястье. М-р Кенинсби шарахнулся назад, и чужая рука не стала его удерживать. Она скорее приглашала, чем неволила его, и во всяком случае не сковывала движений. М-р Кенинсби пошевелил пальцами и попытался убедить себя, что коснулся руки Джоанны или Стивена. Ну хорошо, в крайнем случае, это рука Генри или Аарона. А может быть, Ральфа. Но глубоко внутри м-ра Кенинсби уже зрела страшная уверенность: рука не принадлежала ни Ральфу, ни Аарону, ни Генри - тем более Джоанне или Стивену - слишком уж она была холодна и сильна для обычной человеческой руки. Тогда... Нет,

только не это! А если все же... Тогда надо просто держаться подалеже от этих вырвавшихся на свободу марионеток.

"Роботы!" - с негодованием подумал м-р Кенинсби. Но о том, как роботам удалось перебраться со стола в коридор, он предпочел не задумываться. Он сбежал бы из этого дома. Если бы не метель снаружи, он бы, пожалуй, просто отправился домой, но метель отрезала его от Лондона, от поездов и такси; она заперла его здесь. Пожалуй, медленно осознавал м-р Кенинсби, во всей вселенной для него совершенно не находилось места. Он был здесь, здесь ему и предстояло оставаться.

Пробираясь на ощупь вдоль того, что он продолжал считать коридором, м-р Кенинсби громко воскликнул: "Сумасшедший дом!". Это слово пробудило смутные воспоминания о служебных обязанностях, только теперь сам он явно оказался вместе с пациентами. Пожалуй, м-ру Кенинсби еще не приходилось слышать о сумасшествии на почве снегопада, который заключает пациента в золотое облако, битком набитое холодными руками. Впрочем, психи ведь бывают буйные, тогда их приходится держать. Может быть, и он, испугавшись, начал буйствовать, и теперь эти руки держат его? Стало быть, с их точки зрения, он просто повредился умом? Допустим, сумасшествие... А что это, собственно, значит? Что может его безумный разум противопоставить сильным врагам? Что вообще происходит? Может быть, его хотят поймать и навсегда заключить в безднах, которые снова и снова открываются перед ним?

Туман по обе стороны от м-ра Кенинсби то расступался, образуя глубокую, не меньше лиги длиной, долину, то поднимался вверх, обнажая бездонную пропасть, а затем снова начинал клубиться, пряча ее от глаз... Он вполне может попасть туда.., и навеки сохранить первенство, воспользоваться своим унылым преимуществом, опередив старших детей младших сыновей пэров. Они никогда не смогут догнать его.., так и останутся позади.., словно привязанные к огромному колесу всеми своими жизнями... Голова идет кругом то ли от тумана, то ли от вращения этого проклятого колеса. Вот почему он видит пропасть колесо поворачивается. Оно катится не быстро, но никогда не останавливается, и если ты пробыл на нем столько лет, то рано или поздно наступает старость и приходится опускаться все ниже и ниже. Но старшие сыновья никогда не догонят его - они ведь тоже привязаны к этому колесу.

Голова болела от непрерывного кружения; колесо в колесе - где-то он уже слышал раньше эту фразу <Видение подобия Славы Господней пророка Иезекииля:

"...подобие у всех четырех - одно, будто колесо находилось в колесе. Когда они шли, шли на четыре свои стороны; во время шествия не оборачивались. А ободья их - высоки и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз." (Иез.1.16-18)>.

Туман кружился вокруг него или он вращался в тумане? Колесо в колесе - был в этой фразе какой-то намек на ангелов.., колеса с глазами, циклы в циклах, всеведущие и неусыпные, постоянно вращающиеся. Только при чем здесь глаза? Ему же все время попадают руки. А-а, возможно, руки и были глазами; они же глаза тела! Огромное колесо из бесчисленных рук, переплетенных, держащихся друг за друга; оно вращается все быстрее, обод поднимается от земли и уходит в туман, из него выпадают руки, беспомощно пытаюсь уцепиться...

Думая о колесах, м-р Кенинсби вслепую пробирался по коридору. Шаря руками по стенам, он наткнулся на дверную ручку. Машинально повернув ее, он шагнул через порог и оказался в собственной комнате. Слава Творцу, туман сюда пока не добрался. М-р Кенинсби с облегчением захлопнул за собой дверь. И в этот самый момент внутренний голос внезапно напомнил ему о Нэнси и Сибил. Их ведь не было в коридоре! Когда м-р Кенинсби закричал с лестницы: "Пожар!", Сибил стояла в гостиной. Да, видимо, придется признать, что теперь он ей ничем не поможет. Еще недавно он был твердо убежден, что, конечно, превосходит Сибил в случае любого нарушения порядка - при снежных бурях, кораблекрушениях, пожарах. Но сейчас

и порядок, и его нарушения рухнули. Перед ним был новый, сумасшедший мир, в котором он, м-р Кенинсби, уже вряд ли может считать себя главнее Сибил. Столкнувшись с непостижимыми явлениями, он спасовал, потому что не мог зацепиться ни за что знакомое, ему обязательно нужен был какой-то внешний ориентир. Сибил в этом не нуждалась, она всегда прекрасно существовала сама в себе. Так что присматривать за Сибил ему в данном случае было как-то не с руки.

Мысли эти мелькнули в сознании м-ра Кенинсби подобно откровению. В той же вспышке прозрения он понял, что Нэнси - это другое дело, вот ей он скорее понадобится, чем Сибил. Разве Генри сумеет уберечь его дочь? Этот молодой нахал способен думать только о себе. Нервно пройдясь по комнате взад-вперед, м-р Кенинсби остановился и обреченно посмотрел на закрытую дверь. Неужели придется опять нырять в этот ужасный туман только из-за того, что он может понадобиться Нэнси? Да, похоже, придется.

- Вот гибель! - громко проговорил м-р Кенинсби, испытывая острое недовольство происходящим. Сибил, Ральф, Генри - любой из них вполне мог бы позаботиться о Нэнси. Эх, кабы знать, пришло ли им это в голову? А самое скверное - сумасшедшая Джоанна. Альтруистические намерения м-ра Кенинсби могли бы так и не обрести имя действий, если бы его не подхлестнула неприязнь к старухе. (Что ж, иногда земная любовь действительно питается ненавистью, чего никогда не позволяет себя Любовь небесная.) Он подошел к двери и с неодобрением понаблюдал, как золотой туман просачивается в комнату. М-р Кенинсби уже не удивлялся; он даже не стал выяснять, проходит ли туман через замочную скважину или проникает напрямик сквозь дерево. Довольно и того, что он с каждой минутой становится гуще. Вот и кстати, значит, действительно пора выходить. Скоро здесь будет так же противно, как снаружи. Ну уж на этот раз он не собирается терять голову, а то и Нэнси помочь не удастся. Хватит всякой чепухи о колесах, руках, ставших глазами, пропастях. Он - в чужом доме, а внутри дома - туман; он - Лотэйр Кенинсби, и он собирается найти свою дочь, которую могла испугать эта противная старуха. Очень хорошо. Он решительно распахнул дверь.

Впрочем, пройдя немного по коридору, м-р Кенинсби решил, что туман не так уж и страшен. Он даже осмелился открыть рот и тихо позвать: "Нэнси!".

Едва ли он признался бы самому себе, почему говорит так тихо. Просто ни к чему, чтобы все эти нечеловеческие глазастые руки слышали, куда и зачем он направляется. Слава Богу, ничего не произошло. Он сделал еще несколько шагов и снова позвал дочь.

На этот раз перед ним тотчас же возникла туманная фигура, надо сказать, очень близко возникла! - и чей-то отдаленно знакомый голос спросил:

- Так она еще не вернулась?

М-р Кенинсби кое-как справился с приступом ужаса и понял, что облако здесь ни при чем. Всмотревшись, он узнал Генри. Страх мгновенно уступил место злости.

- Что значит "не вернулась?" А почему это ты не с ней?

- Потому что я не могу попасть туда, - ответил Генри. - Одному Богу ведомо, где она, и только Он знает, почему я не там.

- Нечего стоять тут и толковать мне о Боге, сварливо заметил м-р Кенинсби. - Скажи-ка лучше, какую еще дьявольскую штуку ты сыграл с ней?

- Когда я пытался убить вас, - покорно заговорил Генри монотонным голосом, - поскольку я считал, что вы стоите на пути к проникновению в...

- Когда ты... Что?! - вскричал м-р Кенинсби. - Пытался убить меня? Да ты в своем уме? Когда это ты пытался убить меня?

Кошмар продолжался. В голове не укладывалось: неужто это м-р Кенинсби стоит в проклятой сумятице из золотых прядей тумана и рассуждает с женихом собственной дочери о

предполагаемом убийстве самого себя. Неужтокто-то действительно пытался убить его? Или даже убил?! А эта золотая мерзость - то, что бывает после смерти? Он с трудом взял себя в руки и услышал объяснения Генри:

- Я вызвал бурю с помощью карт Таро. Я обрушил на вас воды из их чаш, я призвал на вас ветер с помощью жезлов, потому что вы не хотели отдавать карты. Но она пришла и остановила ее.

- Остановила! - м-р Кенинсби уцепился за первые же понятные слова. Естественно, она захотела остановить ее! Да о чем ты толкуешь? - Он пристально всмотрелся в лицо Генри и осекся, прочитав правду в его потускневших глазах. Мертвенно-бледное, неподвижное лицо смотрело на него; тихий, ужасный голос ответил ему:

- Я хотел использовать ее, а вот теперь не могу найти. Она ушла туда, куда я не могу последовать за ней. Вы можете.

- Да уж, конечно, - отозвался м-р Кенинсби. - Я... Да где же она?

- Она ушла в танец, - сказал Генри, - и я не знаю, сможет ли она выдержать там встречу со своим прошлым. Раньше я был глупцом, я мечтал и поэтому пытался убить вас. Вы же мешали сбыться моей мечте.

- То, что ты был дурак дураком, это точно, - согласился м-р Кенинсби, - а если весь этот бред имеет хоть какой-то смысл, то ты гораздо хуже, чем просто дурак. Ну и влип ты...

Генри посмотрел на него, и м-р Кенинсби прикусил язык. Человек с такой мукой на лице просто не мог городить чепуху. Буря действительно была хотя таких бурь не бывает! Но ведь и золотого тумана тоже не бывает. А Нэнси, значит, пыталась остановить бурю - это-то он понял - и ушла в танец. Последнее, что бы оно ни значило, было связано с проклятыми марионетками и дьявольской черной магией в маленькой комнатке - а туда ушла Джоанна. Так он и думал, что Джоанна в конце концов тоже окажется там.

Он отстранил Генри, несмотря на гнев и раздражение с удовольствием ощущая его материальность, и сказал:

- Тобой я потом займусь. Если ты не можешь найти ее, так я смогу.

Генри ответил неожиданно покорно:

- Вы сможете. Возможно, это и будет суд. Найдите ее, найдите, если и правда сможете.

М-р Кенинсби успел сделать несколько шагов, прежде чем неожиданно для самого себя оглянулся. Он знал, что в таком Богом забытом тумане это глупо, а оглянувшись, понял, насколько глупо. Ему словно одновременно открылись две плоскости. Он видел Генри, но только вверх ногами - ужасное впечатление. Однако глаза не обманывали его: в каком-то нелепом мираже туман показал Генри, висящим в пустоте вниз головой; руки словно связаны за спиной, нога - одна нога - закинута за другую, за ту, на которой он и был подвешен. Целую минуту м-р Кенинсби стоял, разинув рот и глядя через плечо на кошмарное видение, потом золотая кисея затянула картину. Изображение исчезло. М-р Кенинсби вдруг почувствовал себя больным, усталым и очень старым, и ему захотелось, чтобы рядом оказалась Си-бил. Но ее не было, и какая бы там болезнь, усталость или старость не одолевали его, где-то в тумане находилась Нэнси. Она могла испугаться, если не хуже, этой противной старой карги, Джоанны. Он пошел дальше и впервые, не считая детских лет, начал молиться. Он молился, чтобы не оглядываться назад, чтобы Нэнси, когда он наконец найдет ее, оказалась жива и здорова, молился, чтобы Сибил поднялась навверх, если только от нее будет хоть какая-то польза; молился, чтобы Господь укрепил его и чтобы ему удалось наилучшим образом исполнить то, что надо исполнить. Клубы тумана расступились, и он различил впереди какие-то движущиеся фигуры высокие фигуры, которые то возникали, то исчезали, и снова те самые холодные пальцы сомкнулись на его запястьях. Голос м-ра Кенинсби, несмотря на все его усилия, предательски

дрожал, когда он осмелился спросить: "Кто вы?".

Пальцы, охватывавшие его руку, внезапно потеплели при этих словах, хватка превратилась в рукопожатие, и ему ответил знакомый голос:

- Привет, папа!

М-р Кенинсби тут же понял, что голос принадлежит Ральфу, хотя все еще мог бы поклясться, что руки, поймавшие его, Ральфу принадлежать никак не могли. Нет, наверное, он все же ошибался. С преувеличенным облегчением м-р Кенинсби проговорил:

- Привет, мой мальчик! Рад, что нашел тебя.

- И я чертовски рад, - ответил Ральф, и его голова вдруг обозначилась в тумане совсем близко. - Во всяком случае, ты такой же твердый, как всегда.

- Где это мы оказались? - поинтересовался м-р Кенинсби.

- Надо полагать, там же, где и были, - ответил Ральф. - У входа в кабинет, или как его там величают. Я с тех пор никуда особо не отлучался, точно знаю. Ну и чудные дела!

- Я бы сказал, мерзкие и опасные, - веско возразил м-р Кенинсби. Послушай, я ищу Нэнси. Этот ее женишок сначала меня попытался убить, а потом и ее бросил.

- Какой женишок? - озадаченно переспросил Ральф. - Кто это собирался тебя убивать?

- Да Генри, ублюдок этот, - мрачно ответил м-р Кенинсби, чувствуя, что, начав говорить, вот-вот потеряет самообладание. - Он сам мне сказал, что поднял бурю, намереваясь убить меня.

- Генри?! Поднял бурю? Но ты говорил... О да, до меня дошло!

- Он сам так сказал, - повторил м-р Кенинсби. -И он бросил Нэнси в этой комнате со своей теткой. Пойдем со мной, надо выгнать ее оттуда.

- Понимаю, понимаю, - ошеломленно бормотал Ральф. - Да, да, конечно, пойдем. Я просто не сразу сообразил, что к чему. Вызвать бурю! Это что-то слишком! Он, наверное, слегка тронулся. Мне всегда казалось, что он немного не в себе.

- По-моему, в этом проклятом доме все свихнулись, - сказал м-р Кенинсби. Мы хоть идем-то правильно?

- Ну, я не очень-то хорошо знаю дорогу, - ответил Ральф, - но, наверное, правильно. Я хотел сказать, что куда-нибудь мы обязательно придем, а там разберемся. Ой!

Оба одновременно налетели на что-то. М-р Кенинсби, речь которого с каждой новой фразой почему-то становилась все более неформальной, от души выругался. Ральф, сохранявший самообладание, первым установил причину помехи.

- Это стол, - внезапно заявил он. - Большой стол, который мы видели у входа.

- Тогда его лучше обойти, - предложил м-р Кенинсби. - Комната с этими горгульями как раз за ним. Как бы я хотел разбить эти дурацкие куклы на мелкие кусочки и затолкать их ему в глотку!

Не разнимая рук, отец и сын двинулись вдоль стола. Наконец, решив, что достигли противоположной стороны, они повернулись и направились к внутренней двери. Еще два-три осторожных шага, и м-р Кенинсби уверенно заявил:

- Туман становится тоньше.

Ральф не стал бы утверждать этого под присягой, но для поддержания духа решил не спорить.

- Может, и так, - ответил он и вздрогнул, потому что отец чуть не упал. М-р Кенинсби наступил на что-то живое. Он вскрикнул, пошатнулся, с трудом удержал равновесие, и тут "нечто" преградило им путь. Это был мужчина; нет, подросток; идиот, сопровождавший колдунью, звали его, кажется, Стивен. Должно быть, он лежал у порога поперек входа во внутреннюю комнату. Он смотрел на них с тупой враждебностью.

- Идите отсюда, - угрюмо проговорил Стивен, вам нельзя. Она там.

- Она? Кто "она"? - осведомился м-р Кенинсби. -Эй, Ральф, убери-ка его.

Ральф подчинился. Он положил руку на плечо Стивена и начал: "Послушай, приятель, ты должен пропустить нас", но в этот момент Стивен прыгнул на него, и они сцепились. М-ру Кенинсби едва удалось увернуться и проскользнуть дальше. Соперники откатились прочь от внутренней комнаты. Страх и раздражение, которые так долго копились в каждом из них поодиночке, бросили молодых людей в объятия друг другу. По крайней мере, драка была понятным и знакомым действием, чем выгодно отличалась от всего, происходившего ранее. В нагнетании таинственного, которое так подавляло Ральфа, в мистерии богини-нищенки, которая так страшила Стивена, каждому мнилось что-то узнаваемое, свое глубоко личное, и отстаивая это, каждый из них ринулся в бой.

Творцы тумана скрывались от обоих молодых людей и, словно на заре времен, оба сражались с тем, что было зримым и осязаемым. Так одно племя видело виновником всех своих бед соседнее племя и сражалось с ним; так дрались не успевшие стать людьми полуживотные до объединения в племена; такие битвы кипели под солнцем, когда материя, которой все мы обязаны происхождением, только еще являла полусознательные формы жизни. Здесь обнажилась суть всех мировых сражений - пропустит один соперник другого или нет, уступит дорогу или настоит на своем. Ни тот, ни другой не понимали, почему упорствуют в своих намерениях, но каждый чувствовал, что некие великие силы вздымают его дух, и именно они олицетворяют противоборствующие воли.

Стивен не сомневался: врага нельзя пропускать, вход в святилище был табу, потому что туда вошла богиня; сама мистическая мудрость вошла в святилище, и тревожить ее не позволялось ни в коем случае.

Ральф был убежден: в святилище надо войти, ведь там таилась угроза его сестре, его родной крови; таинственная женственность, беззащитная беспомощность оказались заключены внутри, как же не спасти их?

Вера вдохновляла одного бойца, зов рода - другого; безвестные герои отдувались и колотили друг друга на задворках великой мистерии. Туман окутывал их, туман проникал в легкие, туман властвовал над ними и нес безумие. Жизнь сражалась с жизнью, и сама жизнь вливалась в обоих, поддерживая накал борьбы.

Во внешнем мире в тот же самый миг вступали в бой армии, столь же таинственно подчиненные незримым силам. Истинные причины, заставлявшие толпы обученных солдат уничтожать друг друга, точно так же оставались скрыты и здесь. Стивен и Ральф наносили удары и уворачивались от ударов; из всех надежд осталась одна - уничтожить соперника; из всех возможностей мира - только война. Действовали лишь простейшие законы, и в каждом нанесенном или пропущенном ударе силы земные сражались за власть.

М-р Кенинсби не видел этого проявления первобытной ярости; он уже отыскал внутреннюю дверь и торопливо переступил порог. В комнате с золотым столом не было тумана; наоборот, здесь было так ясно, что очередное таинство предстало перед м-ром Кенинсби, видимое до малейших деталей. Здесь, в комнате с плотными занавесями, он застал начало торжественного и мрачного обряда жертвоприношения.

Некогда злой рок настиг божество, и теперь, чтобы оживить его, требовалось взломать врата человеческой жизни. На золотом алтаре лежала девушка; жрица, стоявшая рядом, сжимала ее запястье и тянула к себе, словно пытаясь отнять у человеческой руки ее нежную и грозную силу; а на самом алтаре, словно бог, сошедший с небес, чтобы поторопить жертву, изготовился к прыжку кот. Его напряженная поза была полна изящества и одновременно смертельной угрозы. Снаружи, словно гротескное воплощение священной борьбы мировых стихий, возились два

молодых человека; здесь, внутри, совершалось не менее гротескное жертвоприношение. Мифы утверждали, что только оно способно освободить божественную энергию, заключенную в крови.

М-р Кенинсби, ворвавшийся в зачарованный круг, разом охватил взглядом и жрицу, и кота, и тело жертвы. Именно последнее и привлекло его внимание в первую очередь. Различив, кто именно лежит на алтаре, он вскрикнул, выражая категорическое несогласие с происходящим. Вот уже пятьдесят лет он только выражал несогласие, однако ни разу не посмел всерьез возразить собственной судьбе. Но тут и его разобрало. М-р Кенинсби бросился вперед, схватил кота за шиворот, поднял его и, не помня себя от ярости, швырнул к двери. Совсем недавно Стивен точно так же швырнул его самого. Услышав хриплый вскрик Джоанны, м-р Кенинсби повернулся к ней. Впервые в жизни он ощущал свою значимость. Впервые в жизни им руководили великая сила и великая справедливость. М-р Кенинсби приказал - и Джоанна на миг отступила. Ее рука, сжимавшая запястье девушки, разжалась, повинаясь чужой руке. Сам м-р Кенинсби едва ли осознал, насколько это несвойственно ему - хватать за плечо малознакомых женщин.

Однако Нэнси смогла освободить руку и одним гибким движением оказалась на ногах по другую сторону стола. М-р Кенинсби бросился к ней. Нэнси обняла отца и внезапно осознала, как они близки двое незрячих слуг Любви, две мятущиеся души, ищущие добра. Только теперь она поняла, что и отец всегда стремился к добру. Он был ее спутником на Пути, а она только и делала, что пыталась осложнить для него этот Путь. Она прижалась к отцу, испытывая не столько благодарность за последнюю услугу, сколько стыд за собственную прошлую несдержанность и нетерпимость.

- Ой, спасибо, - сказала она, - ты пришел в самый нужный момент.

- С тобой все в порядке? - озабоченно спросил м-р Кенинсби. - Она не навредила тебе? Что она делала?

- По-моему, искала что-то, - ответила Нэнси. - Она думала, что у меня это есть. А у меня нет. Если бы мне хоть знать, что она ищет! Тетя Сибил, наверное, нашла бы то, что ей нужно, если бы только нам удалось их свести. Пожалуйста, папа, уговори Джоанну спуститься вниз, хорошо?

- Ну, я попробую, - сразу засомневавшись, согласился м-р Кенинсби. Однако недавняя решимость тут же вернулась к нему. - Конечно, я уговорю ее спуститься вниз, прямо в погреб, и даже спрашивать не собираюсь, не будет ли она в претензии, если мы свяжем эту уродину за все ее дьявольские пляски. Надо же, ищет она там что-то!

"Ох, ладно, пусть так и будет, - решила про себя Нэнси. - Может быть, им повезет и по пути они повстречают тетю Сибил, тогда вместо погреба подвернется что-нибудь более правильное". Даже ноющая рука не убеждала ее в том, что от запертого погреба будет какой-нибудь прок. А вот если дать Джоанне найти то, чего она хочет, или как-то повлиять на ее желания, тогда толку будет больше. Она прижала руку к груди. Надо же, как саднит! Вдоль царапин выступила кровь. Лучше отцу этого не видеть, а то он еще сильнее рассердится на Джоанну. Но все же, чем скорее она найдет Генри или хотя бы промоет руку, тем лучше. Нэнси начала осторожно теснить отца вдоль стола, приговаривая:

- Хорошо, папа, только давай пойдем сейчас вместе с ней. Я уверена, тетя Сибил сможет ей помочь. Она знает, что потеряла эта бедная женщина.

При всем своем раздражении м-р Кенинсби вынужден был согласиться с дочерью. Сибил, похоже, и вправду знала, о какой пропаже идет речь. До сих пор ей удавалось успокаивать эту старую каргу. Он машинально шагнул к двери. Джоанна, сердито сверкая глазами по сторонам, отступила в угол. Нэнси шагнула к ней, и золотое облако, висевшее за спиной старухи,

отхлынуло, обнажив на полу под ногами карты Таро, совсем недавно выпавшие из рук влюбленных. Раскрашенные листы подрагивали, словно готовые в любой момент сорваться с места. Джоанна, вскрикнув от радости, опустилась на колени и сгребла карты.

- Что, черт возьми... - начал было изумленный м-р Кенинсби, но закончил уже совсем другим тоном. - Уж не мои ли это карты? Хотел бы я знать, что это они здесь делают? - Он поспешил вдоль стола., Нэнси метнулась за ним.

Но оба опоздали. Джоанна уже снова была на ногах. Она резко кинулась в сторону и, не выпуская из рук добычи, исчезла в тумане. Отец и дочь бросились за ней. Туман откатывался перед ними, расступался в стороны, стлался под ноги, взвихривался над головами. Джоанна, сжимая карты, мчалась вперед и вопила, не помня себя от восторга.

В таком порядке все трое вырвались в наружную комнату. Пронзительный восторженный крик мгновенно остановил драку Джоанна приближалась, и при виде жрицы, охваченной священным экстазом, руки Ральфа и Стивена разжались, оба отпрянули друг от друга. Стивен успел окликнуть ее, и Джоанна забормотала:

- Я нахожу его, я уже нахожу его! Сначала я сожгу их, и тогда он придет. Он придет в огне! Огонь - для Гора, Гор - это огонь.

Она пробежала мимо Стивена и вылетела из комнаты. Руки ее ни на миг не прекращали перебирать магическую колоду. Внезапно, быстрым, ловким, безумным движением она отделила масть мечей от всей остальной колоды и начала располагать их в каком-то ведомом только ей порядке. Она разложила карты по три, а Короля Мечей, оружие которого трепетало и сверкало, словно объятые пламенем, бросила сверху и накрыла ладонью, чтобы, согрев, оживить. Искры уже начинали проскакивать вокруг нее, а она все звала:

- Мальш! Мальш! Я уже иду к тебе. Они больше не смогут поранить тебя. Я прогоню их прочь - твоя мать спасет тебя. Я уже слышу тебя - я иду!

Она не оглядывалась. У самой двери в комнату м-р Кенинсби внезапно почувствовал, как силы оставляют его. Он зашатался и упал бы, не окажись рядом Нэнси. Ральф, на миг замешкавшись, бросился на подмогу сестре. Нэнси мельком улыбнулась брату и попросила:

- Присмотри за нашим ненаглядным, а мне надо идти.

- Давай, - согласился Ральф, перехватывая руку отца и освобождая Нэнси. Стивен нерешительно посмотрел на них, быстро поднялся на ноги и устремился следом за Джоанной. Нэнси выскочила в длинный коридор и увидела Генри, уныло подпиравшего стену на верхней площадке лестницы. Джоанна, на ходу перебирая карты, подняла руки. Огонь сверкал между ее ладонями. Она принялась швырять горящие карты в сторону племянника. Вокруг, приобретая плотность и форму, уже клубилось облако, а дом, наоборот, словно утрачивал материальность и становился прозрачным, так что Нэнси вдруг опять различила золотые фигурки, безостановочно творящие роковой танец.

Глава 16

"СТОЙ, СОЛНЦЕ, НАД ГАВАОНОМ"

Сибил стоило немало труда уговорить Аарона подняться наверх. Она хотела помочь ему добраться до спальни, но старик отказался наотрез. С такой ногой он не сможет подняться по лестнице. При этом Аарон думал прежде всего о том, что не может (а главным образом, не хочет) идти туда, где туман еще гуще. Лучше уж он попробует выйти на улицу, если в доме станет совсем опасно. Он надеется, что Сибил не оставит его - вот, все остальные его оставили - и скоро эти настигнут его.

- Эти? - машинально переспросила Сибил, осторожно поддерживая его за плечи. - Вот так, превосходно, мистер Ли. Не сомневаюсь, вы вполне могли бы и наверх подняться. Это даже легче. Нет, нет, не надо так беспокоиться. Эти?

- Да, это они, - забормотал Аарон. - Они вокруг нас. Они всегда здесь, но теперь мы их увидим. Я не смею смотреть на них. Не смею. Я ничего не вижу; здесь слишком ярко.

- Здесь очень светло, - согласилась Сибил. - Если бы не поздний вечер, я бы подумала, что светит солнце. Никогда не слышала, чтобы в рождественскую ночь в десять вечера светило солнце. Осторожнее; вот и прекрасно.

- Солнце! - с горечью воскликнул Аарон. - Солнца нам теперь не видать, считайте, мы ослепли. Слепые и хромые, и нам от них не спастись.

Сибил улыбнулась ему.

- Значит, и бежать никуда не надо. Одной заботой меньше. Пусть молодые хлопочут. Впрочем, по-моему, у них хватит ума не суетиться понапрасну. Я в их годы была не такой. Я бы, конечно, удрала. Ну вот и славно, мы в гостинной.

- Откуда вы знаете? - не удержался Аарон. - Вы что, видите что-нибудь в этой круговерти?

- А почему нет? - удивилась Сибил. - Интересно, где Анабель... Анабель, будь добра, поддержи мистера Ли с другой стороны.

Анабель так и сидела под лестницей, крепко зажмурившись и вцепившись в другую служанку. Слова Сибил словно пронзили плотное облако; Анабель открыла глаза, увидела все тот же плотный туман и опять зажмурилась. Сибил оглядела зал - в снежно-золотистом свете он казался прекрасным, несмотря на очевидные разрушения - и снова, уже резче, позвала:

- Анабель!

Снежная буря - это, конечно, серьезно, но вовсе не повод для истерик; Анабель обязана быть под рукой, в конце концов это ее работа. С другой стороны, как-то неловко распорядиться чужой прислугой, и прежде, чем позвать еще раз, Сибил обратилась к Аарону:

- Надеюсь, вы извините меня? Может быть, вы сами ее позовете?

Но, как видно, слова для Аарона уже утратили всякий смысл. Тогда Сибил позвала в третий раз, теперь уже тоном, не терпящим возражений и промедлений:

- Анабель! Где ты там?

Анабель покорно подняла голову. В обширном пространстве зала, заполненного снегом и туманом, она смутно различила движущиеся тени. Чувство долга и непонятное возбуждение заставили Анабель решительно отстранить вторую служанку.

- Я иду, - твердо отозвалась она.

- Ну так иди поскорее, - поторопила Сибил. - Я понимаю, девочка, все это довольно необычно, но сначала - дело, удивляться будешь потом.

К своему изумлению, Анабель без особого труда преодолела несколько футов сплошной туманно-снежной пелены и убедилась, что это не столько страшно, сколько здорово. С первым же шагом плотная бело-золотая кисея взвихрилась вокруг нее, подхватила, понесла и вынесла прямо к странной госпоже, которая запросто разгуливает по залу в этой адской свистопляске, да еще и смеется при этом, с легкостью закрывает двери, взломанные стихией, а теперь вот без особого труда волочет старика через этот хаос... А куда, собственно, его надо тащить?

- Куда прикажете, мадам? - Анабель снова превратилась в исполнительную, расторопную служанку.

Сибил ободряюще улыбнулась ей - и эта улыбка показалась Анабель ярче разлившегося вокруг золотого сияния, настолько ярче, что свет, разлитый по залу, на миг стал лишь отражением этой улыбки.

- Вот и умница! - произнесла мисс Кенинсби. - Так, давай-ка подумаем. В гостиную. Вы с моим племянником построили там настоящую баррикаду, а?

Анабель против воли улыбнулась в ответ. Некоторое время назад ей пришлось служить у дамы, которая была убеждена, что стоит одарить прислугу улыбкой, и та просто обязана

совершать чудеса работоспособности. Дама готова была пользоваться своим изобретением круглые сутки, никогда не забывая проверить результат. Вот после этого Анабель и взяла за правило никогда не улыбаться в разговоре с хозяевами. Итак, теперь уже втроем они неторопливо добрались до гостиной, где Аарона с почестями уложили на диван. Сибил опустилась на колени, закатала штанину и принялась обследовать его лодыжку.

- Похоже, ничего опасного, - заметила она, положив ладонь на больную ногу. Она помнила, каким любезным был их хозяин, и всего лишь хотела соблюсти ответную учтивость. Аарон встретился с ней глазами и разом прекратил свое полубезумное бормотание.

Рука Сибил снимала боль; ее воля слилась с той силой, внутри которой существовали они оба; она любила эту силу и поклонялась ей, просто думая об Аароне: о его насущных нуждах, страхах, боли. Скоро от сострадания начала ныть и ее собственная лодыжка, и это было нормально, ведь Сибил не собиралась отделаться обычным легковесным сочувствием, нет, она всерьез соединила свою жизнь и жизнь Аарона. Сейчас она была его заступницей; две слившиеся природы легко понимали друг друга. Их глаза обменивались малейшими оттенками чувств и состояний. На миг Сибил вздрогнула, но не от боли, - ей переданся страх Аарона. Но страх тут же растворился в ней и исчез, попросту растаял, не найдя пищи в ее душе, а вместе с ним ушла и боль. Сибил улыбнулась Аарону, потом на ее лице проступило обычное безмятежное выражение, и она убрала руку.

- О нет, это совсем не так опасно! - проговорила она, отвечая на невысказанные опасения старика, и опять легко улыбнулась.

Едва ли она отчетливо представляла, что, собственно, имеет в виду, но Аарон, видимо, почувствовал в ее словах глубинный смысл.

- Что ж, тогда пусть приходят, - вздохнул он. - Какой же я был дурак, когда думал, что знаю.

- Ну, разве в этом дело, - сказала Сибил. - Просто нога подвернулась в спешке.

Аарон сел на диване, потом, словно забыв о больной ноге, встал. Несколько секунд он прислушивался к своим ощущениям, потом в сознание скользнула совсем другая мысль, и он вздрогнул.

- Облако! Живое облако! - вскрикнул он. - И там Джоанна!

Сибил легко и непринужденно поднялась на ноги.

- Да, - задумчиво проговорила она, - Джоанну, пожалуй, вполне может занести не туда. Наверное, стоит поискать ее.

- А надо ли? - нерешительно проговорил Аарон. - Пусть сражается с ними сама, если ей так хочется. Что-то боюсь я опять соваться в этот туман.

- Туман? Какой туман? - переспросила Сибил. - И почему вы называете его живым облаком?

- Фигурки были созданы именно из этого облака, - ответил он почему-то шепотом. - Оно - во всем; это те золотые руки, которые создают нас и наши жизни. Увидеть их - значит умереть; никто не в силах вынести этого.

- Разве наши руки так сильно отличаются от них? - удивилась Сибил.

- О, по жизненной силе они не идут с ними ни в какое сравнение, - ответил Аарон. - Мы знаем, - торопливо продолжал он, - иногда рождаются люди, которых еще в колыбели касается тот или другой из Старших Арканов... - голос старика немного захлебывался, он словно старался заговорить Сибил, заставить ее забыть о грозящей опасности. - Цезарь, Наполеон... Император заглянул в Олимпию в ту ночь, когда был зачат Александр, Сила навещала мать Самсона. Иерофант касался крошечных ладошек будущих великих священников. Иногда приходит Смерть - так было с ребенком Джоанны, с младенцами, убитыми Иродом. Приходят и такие, которых мы совсем не можем видеть, ведь кроме семидесяти восьми степеней есть и другие...

- И вот уже долгие годы Джоанна плачет по своему ребенку... - задумчиво сказала Сибил. Аарон поймал ее руку.

- Оставьте ее в покое! - воскликнул он. - Может быть, она решит обернуть магию против сильных мира сего, тогда она умрет, рассыплется в прах. Лучше держитесь от нее подальше.

- Однажды она благословила меня своими руками, - мягко заметила Сибил. - И я никак не могу разглядеть этот ваш туман, хотя должна признать, во всех вещах вокруг проявилась новая красота. Пойдемте же.

- Если вы вступите в облако, вам никогда не выйти из него, снова закричал Аарон. - Руки утащат вас вниз, руки Предвечного Начала.

- Пойдемте посмотрим, - просто сказала она. - Кроме Джоанны там ведь и другие. А сквозь туманы, какими бы они не были, всегда можно найти путь. - Она взглянула на Анабель. Служанка ошеломленно прислушивалась к заумным речам. Спасибо, моя милая, - сказала ей Сибил. - Ну что же, не пора ли идти? - И она решительно направилась к выходу.

Аарон, прихрамывая то ли от боли, то ли от страха, неохотно последовал за ней. Анабель, убежденная, что чем ближе к мисс Кенинсби, тем безопаснее, двинулась следом, стараясь только не обогнать хозяина. Почему-то ей казалось, что мисс Кенинсби не одобрит подобного нарушения субординации. Поэтому, прикусив губу и нервно одергивая рукава на запястьях, горничная придержала себя и лишь замороженно следила, как высокая уверенная женщина выходит из гостиной и оказывается среди...

.., среди сил и фигур танца. Выйдя наконец в коридор, Анабель очутилась среди множества незнакомых людей и предметов. Она даже не сразу охватила взглядом их вереницу, и только потом, переведя дух, заметила, как преобразился весь дом. Стены, лестница, двери, потолки ожили. Их составляли, насколько она могла различить сквозь снег и туман, какие-то бесчисленные формы. Они беспрестанно двигались, скользили и перетекали друг в друга. Из цветов преобладал черный, но то и дело возникали пятна серого, серебряного, огненно-красного. Темные столбы земли вздымались на месте стен, их пронзали горящие мечи, из огромных древних чаш лилась вода, серые жезлы разбивали чаши.

Анабель вскрикнула, и мисс Кенинсби обернулась. Это движение призвано было успокоить бедную служанку, но привело к неожиданным последствиям. Мисс Кенинсби, воплощавшая для Анабель надежность и спокойствие, вдруг раздвоилась у нее на глазах. Служанка увидела странную пару: женщину и мужчину в просторном белом плаще и с короной на голове. Словно в танце, эти двое двинулись вперед - и король, а может, император, обернулся через плечо. Анабель почувствовала слабость в ногах, но под грозным взглядом сверкающих глаз встряхнулась и собралась с духом. У нее здесь дела, напомнила она себе; если буря прекратится, коридор придется убирать. И она должна быть здесь, надо же кому-то наводить порядок. Вспомнив о долге, она как-то сразу забыла повелительный взгляд, и владыка трудов земных исчез для нее, потому что и сама Анабель заняла свое место в той иерархии сил, к которой принадлежал Император.

Анабель сосредоточилась на простой и привычной мысли: "Если буря кончится, понадобится убрать в доме - навести порядок. Слишком много этих лишних сияющих фигур, они все время застыт мисс Кенинсби, не должно быть такого в доме, да еще в самом начале Нового года... Нельзя такого допускать. Вот подождите, кончится буря...".

Нэнси смотрела вниз с верхней площадки лестницы. Посреди коридора она видела тетю Сибил, вокруг нее танцевали символы воды и ветра. Нэнси открыла рот. Зрелище заставило ее забыть о Джоанне. В этот момент Сибил повелительно подняла правую руку.

Нэнси помнила этот жест: однажды, не очень давно, отец пришел с работы усталый и сильно простуженный, а они с Ральфом как раз скакали под музыку так вот, тетя проходила

мимо и мгновенно остановила веселье тем же самым жестом. Она не сказала ни слова; повелительно поднятая рука сама собой призвала их к послушанию. Тогда безудержная пляска оборвалась на середине, они принялись болтать, но разговаривали при этом почему-то шепотом. Нэнси улыбнулась воспоминанию и тут же улыбнулась снова, видя, как послушно стихает снежный вихрь. Сибил не опускала руку. Нэнси машинально проследила за ее взглядом и обнаружила Джоанну и Генри. Теперь они сошлись лицом к лицу.

Однако Генри смотрел мимо Джоанны, не замечая грозных огненных сполохов, мечущихся в старческих руках. Он смотрел на Нэнси, смотрел так, как не смотрел никогда прежде, потому что впервые видел девушку, вошедшую в танец Таро и вернувшуюся обратно. Она тоже смотрела на него и смеялась, протягивая обе руки ему навстречу. Еще мгновение влюбленные ласкали друг друга глазами, а потом не выдержали и одновременно сорвались с места. Пробежав несколько шагов, Нэнси и Генри встретились как раз по левую руку от Джоанны.

- Ты в порядке? - только и спросил Генри, крепко обнимая ее.

- А ты, милый? - Нэнси с тревогой заглядывала ему в глаза.

- Я? - переспросил он. - О, да, и я тоже. - Генри словно только теперь осознал новую опасность. - Беги же, беги скорее. У нее в руках карты, она может натворить невесть что. Беги, моя самая лучшая, моя драгоценная. Я сам с ней разберусь.

- Ты так хорошо это делаешь! - Нэнси не удержалась, чтобы не поддразнить его. - Нет, дорогой, тебе нельзя позволять разбираться ни с кем, кроме меня.

Звонящий, переливчатый голос заставил Генри забыть об опасности.

- Почему же? - не удержался он.

- Да потому, что пока у тебя есть только моя любовь. Это твой единственный дар. А ты хочешь большего?

- Но ведь и у тебя он есть...

- Ты еще не дал мне его, - улыбнулась Нэнси. - Только не торопись с этим. Любовь - вообще дело нелегкое, и твоя любовь - не исключение. Милый, по-моему, тетя Джоанна очень сердится. Давай поговорим с ней вместе.

На лестнице стояло полуобнаженное существо, искры и огоньки пламени срывались с лихорадочно метавшихся рук. Карты между пальцами Джоанны жили собственной жизнью - так же, как прошлым вечером они жили в руках Нэнси. Но старуха не смотрела на них. Слепленная ненавистью, она озиралась по сторонам и проклинала весь тварный мир, отнявший у нее жертву, вместилище скрытого бога. Теперь у нее осталось единственное оружие - магический огонь. Двое влюбленных и Сибил видели, как отчаяние и страсть все полнее овладевают Джоанной. Она причитала о потерянном ребенке, призывала его вернуться, проклинала врагов, скрывавших его. Влюбленные крепко держались друг за друга, Сибил все еще не опускала руку, смиряя силы, которые могли обернуться снежными зарядами или вынырнуть из центра вихря в человеческом облике. В треугольнике этих звучащих в унисон душ метался и молил голос Джоанны. Нэнси хотела заговорить, успокоить, утешить ее, но не посмела. Она боялась услышать ответ. Джоанна кричала так, как кричали ведьмы на кострах, когда пламя уже охватывало их. Наверное, они так же призывали невесть кого, и неведомые имена поражали воображение слушателей.

Однако Нэнси представлялись не ведьмы и не вопли из пламени; она слышала человеческий зов. Сквозь шквал проклятий она различала плач, идущий из самых глубин мироздания. Она стиснула руку Генри; звучание этого всемирного горя подавляло, и она искала поддержки. На краю спуска замерло древнее страдание, человеческое сердце жаловалось и причитало, жаловалось людям, которые не могли помочь, богам, которые не подавали знака, потому что они-то как раз и были потеряны. "А-а-а", - длился стон-воплъ, и что-то исчезло

бесповоротно; "а-а-а" - и младенец умер. Сами боги подняли вечный плач о нем, потому что они вечносущи. Джоанна рыдала от ненависти и муки утраты. В ее плаче соединились все человеческие упования, оказавшиеся напрасными. Литания тоски и боли поднималась вверх, словно сама земля взывала к вселенной, и навеки бесприютный земной шар катился и катился по кругу, вращаясь вокруг собственной оси и плача о себе; и космос был лишь эхом этого плача, а время - мерой рыданий.

Нэнси с благоговением внимала безмерному, страстному горю; но вот в ней зародилось и новое чувство: в глубине сердца холодом толкнулся страх. Он возник сейчас и здесь, но в нем жило будущее.

Одна рука Нэнси лежала в руке Генри, но на другой еще горели царапины, оставленные Джоанной. И впереди, на пути, ведущем к Сибил, стояла Джоанна. Нэнси видела тетю, она была далеко, у подножия лестницы. Но путь туда преграждала Джоанна, ее тело, ее голос. Нэнси хотела пройти к Сибил, но голос мешал ей. (Вот в чем заключается глупость трусости - даже голос может преградить путь тому, кто боится!) Почему Сибил сама не подойдет к Нэнси? Правда, там, вокруг Сибил, перед ней, в переменчивом красноватом свете от вечно снующих рук мелькают могучие золотые образы. Некогда они вышли из облака, а теперь сами творили его.

Нэнси с трудом различала фигуры, которые успела запомнить - двадцать Старших Арканов и еще один. Взлетало и гасло алое сияние, но глаза Нэнси моментально схватывали и удерживали увиденное. Она узнавала корону Императора, часть Колесницы, запряженной сфинксами, серп Смерти, сандалии детей, играющих под жарким солнцем; они и сами излучали яркий полуденный свет. Обрывки видений в непрестанном чередовании сменяли друг друга.

А потом сияние поблекло, подернулось рябью, и все скрылось за сплошной пеленой тумана. Но, едва прикрыв глаза, Нэнси слышала голос Сибил и ощутила рядом с собой какое-то движение. Она торопливо открыла глаза - как раз вовремя, чтобы увидеть среди прочего безумия, как кот, недавно сидевший на золотом столе, теперь мчит вниз по лестнице прямо к Сибил. Это дикое нездешнее создание отыскало Сибил в чародейской метели, привело Джоанну в комнату танцоров, едва не впустило снег в дом, сновало из снега в туман и обратно так, словно и было душой стихии. Эта тварь будто случайно оказалась как раз там, где обезумевшая страсть пыталась совершить жертвоприношение, теперь это существо скользнуло вниз по ступеням и, вопреки всем ожиданиям, внезапно остановилось, а потом с извечной кошачьей грацией медленно пересекло коридор и оказалось у ног Сибил.

Сибил что-то сказала коту и почесала его за ухом. Зверь потерся о ее ноги и подпрыгнул, играя. Стоило коту замереть, как смолк и вопль Джоанны. Неожиданная тишина оказалась более тягостной, чем звучавший до того плач. Это была тишина не облегчения, а бессилия и безнадежности. Крик мира оборвался; мяч, вылетев из руки Жонглера, мучительно поворачивался в пространстве. Сумасшедшая старуха умолкла, точно ее ударили по губам; черные глаза теперь не отрывались от лица Сибил. В гнетущей тишине Сибил громко произнесла:

- Дитя нашлось, Джоанна; младенец жив и здоров. Все хорошо; дитя нашлось.

Джоанна попыталась заговорить, но не смогла. Громко шаркая, она двинулась вниз по лестнице. Ладони с огненным оружием были развернуты. Джоанна словно несла меч владыки огня, нацелив его острие на ту, которая посмела помешать ей. Сибил сделала шаг вперед, кот рядом с ней поднялся на задние лапы.

- Он здесь. Иди и поклонись ему, - снова произнесла Сибил.

Хрипло, с усилием, словно вопреки собственной воле, Джоанна выговорила:

- Это опять ты, снова и всегда - ты. Я увижу его, когда ты умрешь. Когда ты умрешь, и мир погибнет, я увижу моего желанного.

Анабель, притаившаяся возле двери в гостиную, видела странную даму, левая рука которой то поднималась, то опускалась, словно в такт подпрыгивающему коту, а правая была вытянута вперед призывающим жестом. На открытой ладони, на изящных пальцах переливалось облако. Анабель показалось, что мисс Кенинсби протягивает золотую руку в сторону лестницы, по которой медленно сползала Джоанна. Рука, способная спасти Лотэйра, успокоить Нэнси, вылечить Аарона, подобрать котенка в снегу, закрыть дверь и усмирить буран, готова была принять и это последнее безумие рода человеческого. Вот она, очень спокойная - центр всех вещей, сила и слава, - рука, страдающая вместе со всеми мучениками; приветствующая всех влюбленных; повелевающая всеми правителями. Золотое облако, словно отвечая ее призыву, потекло к этой ладони, приобретая формы и образы. Руки всех символов тянулись к человеческой руке, ибо она была - сама жизнь, которая больше и значимее любого символа.

Нэнси и Генри видели сверху царственные и священнодействующие руки, руки, создающие Башню, беспомощные руки Колеса Фортуны, белые руки, протянувшиеся из снега, огненные руки, вырывающиеся между пальцев Джоанны - они вспыхивали, летели вниз по лестнице и исчезали - сама деятельность устремилась к точке великого покоя. Неисчислимы времена руки Жонглера подбрасывали и ловили шары бытия, и вот настал урочный час, когда рука Шута исполнила извечное обещание и открыла свои тайны. Облако в последний раз закрутилось маленьким смерчем вокруг раскрытой ладони, образы, смешиваясь и теряя обличья, прошли последний круг танца. Теперь отчетливо видимой оставалась только одна рука, и к ней, в нее катились волны силы. На бесконечно малую долю времени вечный танец замер, чтобы осознать и вобрать в себя нерушимый покой более властной воли. А потом внезапно танцоры исчезли, и вместе с ними исчезло золотое облако, а от фигуры Сибил, как от полуденного солнца, брызнул во все стороны яркий золотой свет.

Над снегом, покрывавшим коридор, над Аароном Ли, над ступенями и пролетами лестницы и надо всеми, кто стоял на них, выше и выше, по всему дому разливался совершенный, спокойный свет. Хаос, царивший в доме в последние часы, словно высветил новые краски и придал новые формы привычным вещам; лица людей осветились изнутри. Стояла рождественская ночь, но в солнечном свете, разлитом между Сибил и Джоанной, серьезно и сосредоточенно играли двое детей. Мистериальная тайна, которую древний мудрец вложил в Старшие Арканы, здесь и сейчас обрела свое высочайшее воплощение. Солнце Таро правило через Сибил, и те, кто собрался в доме Аарона Ли, увидели священных детей Солнца, маленький небесный росток на земле. Горничная Анабель смотрела на них с непонятным ей самой умиротворением; Аарон Ли смотрел на них со стыдом. Нэнси и Генри тоже видели их, и Нэнси смеялась, просто радуясь этой картине, а Генри чувствовал, что сердце его совершает такой тяжелый труд, какого не знало никогда прежде, пытаясь призывать и властвовать. Сибил, конечно, тоже видела эту очаровательную пару. Но было и еще кое-что, видимое лишь ей одной. За спинами играющих детей, между собой и Нэнси Сибил видела летящую стремительную фигуру Шута. Это он замыкал детей охранительным кругом, он поддерживал и защищал Джоанну, он присутствовал одновременно везде и всегда оставался один. Всеобъемлющий и совершенный, он так же легко проносился по ступеням лестницы, как прежде бежал в снежной метели. И когда он промелькнул мимо Влюбленных, окатив их сполохом золотого света, Нэнси в безотчетном порыве повернулась и поцеловала Генри - она непременно должна была сделать это до того, как исчезнет свет, чтобы завтра найти внутри себя нечто, способное противостоять горестному плачу, поднимающемуся над миром. Она чувствовала, как трепещет ее рука на плече Генри, принося клятву. Грядущим годам предстоит ответить, насколько доблестно она исполнит ее. Когда Нэнси повернула голову. Шут уже исчез;

Джоанна снова закричала, но уже обычным голосом, а дети оторвались от игры и

повернулись к ней. Джоанна метнулась по ступеням и, оказавшись внизу, снова вскрикнула, словно от нестерпимой боли, пошатнулась и рухнула на пол. Золотой свет, потревоженный криком, задрожал и исчез.

Анабель смотрела во все глаза, но теперь видела только мисс Кенинсби и старуху, лежащую ничком у подножья лестницы. Гости опередили Анабель и раньше нее подоспели к несчастной. Они торопились, но и тут словно соблюдался некий порядок. Первыми были влюбленные, так и не разомкнувшие рук, за ними спешил м-р Кенинсби, все еще не сводивший глаз с Нэнси и лихорадочно повторявший про себя, что он просто обязан находиться как можно ближе к ней, что бы ни случилось. А следом подбежали Ральф и Стивен, хотя и оставившие взаимную вражду, но все еще настороженные. Три великих ордена - милосердия, разума и силы - прислали своих слуг, имевших разные степени посвящения. Они сошлись возле Джоанны и Си-бил, опустившейся на колени перед несчастной. М-р Кенинсби заглянул через плечо Генри. - Она угомонилась? - с надеждой осведомился он. Нэнси тоже опустилась на колени, и теперь уже две пары рук - ее и Сибил стремились облегчить страдания и утешить. Анабель, очнувшись наконец от завораживающего сновидения - а чем еще могло быть то, что она видела? - по собственному почину помчалась за водой. Аарон присоединился к остальным. Джоанна открыла глаза, и взгляд ее отыскал Нэнси. Сначала неуверенно, потом все пристальнее всматривалась она в озабоченное юное лицо и наконец вздохнула с огромным облегчением. Джоанна протянула дрожащую руку, Нэнси пожала ее. Старуха пробормотала что-то, и Нэнси ответила так же неразборчиво. Сибил поднялась, и брат тут же подошел к ней.

- Что она делает? - спросил он, сам не понимая, почему вдруг перешел на шепот. - Извиняется, что ли?

Сибил ответила не сразу. Она смотрела на него и улыбалась; затем, по-прежнему улыбаясь, обвела взглядом зал, и глаза ее задержались на миг на горстке праха там, где она раньше стояла - на горстке золотой пыли, уже рассыпающейся мелкими частицами, такими легкими, что движение воздуха подхватывало и уносило их. Зримое воплощение танца исчезло навсегда. Сибил с нежностью поглядела на то, что осталось от восхитительных золотых фигурок, потом повернулась к брату и сказала:

- Она нашла свое дитя.

- Неужто? И где же оно? - м-р Кенинсби даже обвел глазами зал, словно ожидая увидеть эту новую неприятность.

- Она думает, что ее дитя - Нэнси, - пояснила Сибил.

М-р Кенинсби вздрогнул от неожиданности, попытался переварить это известие, но тут его с неизменным "Извините, сэр" аккуратно отодвинула с дороги подоспевшая Анабель.

М-р Кенинсби сердито проводил ее взглядом и недоуменно повторил:

- Нэнси?

- Она так думает, - сказала Сибил.

- Но как же..., как же возраст? - запротестовал м-р Кенинсби. - Девушка двадцати лет никак не подходит ей в дочери - тогда уж сорока, если она думала, что ребенок растет, или четырех, если она об этом не думала... Но уж никак не двадцать.

- Она искала то, что бессмертно, - сказала Си-бил. - А возраст... - легким пожатием плеч она отмела это вздорное несоответствие.

М-р Кенинсби ошарашенно посмотрел на нее и опять почувствовал, что немного побаивается сестру, хотя и не может сказать, почему.

- Но, - начал он снова и вдруг припомнил еще одно неопровержимое доказательство, - но я все время думал, что у нее был мальчик. Я точно помню, кто-то рассказывал мне, что это был мальчик. Она что же, думает, что Нэнси мальчик? Может, ты имела в виду Генри?

- Нет, - отозвалась Сибил. - Я имела в виду Нэнси. По-моему, не так важно, девочка это или мальчик. Она думала, что ее дитя - это Мессия.
- О! - только и мог произнести м-р Кенинсби. - А Нэнси, по-твоему. Мессия?
- Почти, - ответила Сибил. - Будут еще и страдания, и сердечные муки, но пока - да. Ну, может, чуть-чуть не дотягивает.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке ModernLib.Ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)